

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 33 АВГУСТ 1975

В Политбюро ЦК КПСС,
Президиуме Верховного Совета СССР
и Совете Министров СССР

ОБ ИТОГАХ СОВЕЩАНИЯ И СОТР

Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР, рассмотрев итоги Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, отмечают, что эта беспрецедентная в истории встреча руководящих деятелей 33 европейских государств, США и Канады стала событием огромного международного значения. Она положила начало новому этапу разрядки напряженности, явилась важным шагом на пути закрепления принципов мирного сосуществования и налаживания отношений равноправного сотрудничества между государствами с различным общественным строем.

Общеевропейское совещание государств, созванное в результате инициативы стран социалистического содружества, поддержанной странами Европы, а также США и Канадой, подвело коллективно необходимый политический итог второй мировой войны, подтвердило бесплодность и вредность политики с позиции силы и «холодной войны». Вместе с тем оно открыло новые возможности для решения центральной задачи нашего времени — упрочения мира и безопасности народов.

Европа, в течение веков бывшая ареной кровопролитных сражений, пережившая две мировые войны, торжественно провозглашает теперь четко сформулированные принципы отношений между государствами и выражает тем самым волю к развитию нормальных, дружественных отношений между странами.

Успешное завершение работы совещания — это результат напряженной большой работы, в ходе которой пришлось преодолеть немалые трудности. Итоги совещания — сумма договоренностей, достигнутых на основе учета мнений и интересов всех и при общем согласии. Не стирая различий в идеологии и общественных системах, эти договоренности отвечают интересам всех народов нашего континента. Нет победителей и побежденных, приобретших и потерявших. Совещание — это победа разума, выигрыш всех, кому дороги мир и безопасность на нашей планете.

Договоренности, достигнутые в результате совещания, отвечают тем принципам мирного сосуществования и международного сотрудничества, мира и свободы народов, которые были выработаны В. И. Лениным и которые Советское государство отстаивает на протяжении всего своего исторического пути.

Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР подчеркивают выдающийся вклад Леонида Ильича Брежнева в осуществление внешнеполитического курса Коммунистической партии и Советского государства, в выработку и реализацию Программы мира, что сыграло огромную роль в деле достижения разрядки напряженности. Его целеустремленная и движимая неустанной заботой о мире на земле деятельность имела важное значение для созыва и успеха общеевропейского совещания. Наша партия, советский народ высоко ценят эту активную самоотверженную деятельность и выражают полное одобрение выступления Л. И. Брежнева на совещании в Хельсинки.

Совещание открывает возможности существенного укрепления мира и безопасности в Европе. Согласованные его участниками принципы отношений между государствами призваны создать надежную основу для исключения агрессии и любых видов насилия из европейских международных отношений. Они подтверждают уже имеющие юридическую силу соответствующие положения, которые были ранее включены в двусторонние межгосударственные договоры и другие документы, подписанные за последние годы между Советским Союзом и Францией, ФРГ, США, Великобританией, Италией, Канадой, а также между рядом других стран.

Провозглашенные в Заключительном акте совещания принципы суверенного равенства государств и их суверенных прав, включая право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, территориальной целостности государств, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения прав человека и основных свобод, равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, сотрудничества между государствами и добросовестного выполнения обязательств по международному праву призваны способствовать созданию на континенте атмосферы взаимного доверия, уверенности в свободном, независимом, мирном развитии каждой страны.

Важную роль в упрочении мира и безопасности в Европе должны сыграть и согласованные меры по укреплению доверия, направленные на уменьшение опасности возникновения вооруженных конфликтов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 33 (2510)

16 АВГУСТА 1975

ПО БЕЗОПАСНОСТИ УДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ

Итоги совещания создают предпосылки для существенного расширения и активизации сотрудничества между европейскими государствами в области экономики, науки, техники, охраны окружающей среды и в других сферах экономической деятельности, а также и в гуманитарных вопросах, таких, как обмены в области культуры, образования, информации, контакты между людьми. Развитие сотрудничества в общеевропейском масштабе при соблюдении законов и традиций каждой страны будет способствовать укреплению фундамента мира и безопасности на европейском континенте, упрочению взаимопонимания между государствами, между народами Европы. С другой стороны, развитие такого сотрудничества позволит всем народам континента более успешно и рационально использовать материальные и духовные ценности, находящиеся в их распоряжении.

Международная разрядка во все большем объеме наполняется конкретным материальным содержанием. Материализация разрядки — суть всего, что должно сделать мир в Европе действительно прочным и незыблемым. Разумеется, очень важно провозгласить правильные и справедливые принципы отношений между государствами. Но не менее важно — укоренить эти принципы в современных международных отношениях, внедрить их в практику и сделать их законом международной жизни, преступить который не дано никому.

Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР исходят из того, что все страны, представленные на совещании, будут претворять в жизнь достигнутые договоренности. Что касается Советского Союза, то он будет действовать именно так.

Претворение в жизнь провозглашенных принципов и договоренностей потребует от Советского Союза и всех миролюбивых стран новых серьезных усилий, преодоления трудностей и препятствий, создаваемых силами, противостоящими делу мира и разрядки.

Общеевропейское совещание — это итог всего позитивного, что до сих пор было сделано на нашем континенте в деле перехода от «холодной войны» к разрядке, к осуществлению принципов мирного сосуществования на деле. Вместе с тем это и отправной пункт для последующего всестороннего продвижения Европы по пути прочного мира и исключения войны из жизни народов.

Главное сейчас в том, чтобы дополнить политическую разрядку военной. Одна из первоочередных задач в этом плане — найти пути к сокращению вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе без ущерба для безопасности кого бы то ни было, напротив — с пользой для всех.

Важнейшие требования нашего времени — добиваться сокращения, затем и прекращения гонки вооружений, продвигаться по пути, ведущему к всеобщему и полному разоружению; уменьшать военное противостояние на европейской земле, вести дело к преодолению разделения Европы на противостоящие военные блоки.

Решения совещания имеют большое значение не только для европейцев. Право на мир принадлежит каждому человеку на нашей планете. Разрядка напряженности должна расширяться, углубляться, распространяться на все районы мира. Советский Союз считает своим долгом содействовать развитию международной обстановки именно в таком направлении.

Упрочение мира на земле создаст благоприятные возможности для обеспечения экономического и социального прогресса всех народов.

Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР обращают внимание всех партийных и советских организаций, всех советских людей на то, что закрепление и развитие разрядки на европейском континенте, расширение сотрудничества между странами и народами предполагают неустанные усилия, направленные на дальнейшее развитие советской экономики, науки, культуры, на развертывание идеологической работы в духе воспитания коммунистической сознательности советских людей, повышения их активности в борьбе за коммунизм.

Выражая решительную и безоговорочную поддержку внешней и внутренней политике Коммунистической партии Советского Союза, советские люди повышают свою трудовую активность. Новыми успехами в труде они готовятся достойно встретить XXV съезд КПСС. Тем самым они укрепляют фундамент ленинской политики мира, безопасности и свободы народов, которой нерушимо верны Коммунистическая партия и наше социалистическое государство.

Беседа в Верховном Совете СССР

11 августа в Верховном Совете СССР состоялась беседа депутатов Верховного Совета СССР с членами делегации палаты представителей конгресса США, которую возглавляет спикер палаты К. Альберт. Встречу открыл Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. П. Рубен.

Обращаясь к членам палаты представителей конгресса США, председатель Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР Б. Н. Пономарев заявил, что их визит происходит в особо важный период развития советско-американских и международных отношений в целом. Происшедший благоприятный поворот в этих отношениях создал необходимые условия для дальнейшего углубления взаимовыгодного сотрудничества между СССР и США на основе принципа мирного сосуществования.

Затем выступил глава делегации палаты представителей конгресса США К. Альберт, после чего состоялся обмен мнениями по вопросам разрядки напряженности, сокращения вооружений, в том числе стратегического наступательного оружия. Выступившие говорили о результатах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, о значении Заключительного акта этого совещания.

На снимке: во время беседы.

Фото В. Соболева (ТАСС).

интервью «огонька»

— Какие мысли вызвало у вас успешное завершение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе! Как вы оцениваете перспективы разрядки!— с такими вопросами корреспондент «Огонька» Андрей Гречухин обратился к двум видным зарубежным публицистам, побывавшим в Хельсинки в эти исторические дни.

Каждый, кто пережил неповторимые минуты завершающего этапа Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, каждый, кто был непосредственным свидетелем того, как закладывались основы прочного мира на нашем континенте, смог, вероятно, наиболее полно оценить уникальность этого исторического события. Ощущение громадной значимости происходящего определяло и содержание бесед журналистов, прибывших в Хельсинки со всех концов света, и атмосферу в зале пленарных заседаний дворца «Финляндия», и настроение жителей финской столицы и ее многочисленных гостей.

Огромное значение завершающего этапа совещания заключается прежде всего в подписании его участниками Заключительного акта — документа, ставшего хартией активного мирного сосуществования и сотрудничества. Этот документ, подписанный высшими руководителями 35 социалистических и капиталистических государств, призван сыграть важную роль в деле дальнейшей разрядки напряженности. Можно с полным правом сказать, что он олицетворяет принципы будущего сотрудничества, основанного на реализме и доброй воле.

Полторы тысячи иностранных корреспондентов, миллионы телезрителей и радиослушателей во всем мире внимательно следили за всем, что происходило во дворце «Финляндия». Наибольший интерес вызвало выступление руководителя советской делегации, Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Брежнева. Я был свидетелем того, какой резонанс вызвало это выступление в зале заседаний, какое большое место заняло оно в корреспонденциях моих коллег из Федеративной Республики Германии и других стран. Нельзя не согласиться со сделанной Л. И. Брежневым оценкой Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе как общего успеха всех его участников.

Надеюсь, с этой истиной будут рано или поздно вынуждены согласиться или, во всяком случае, принять ее к сведению профессиональные противники разрядки. Потому что разрядка, сокращение вооруженных сил и вооружений, за которые борются КПСС и Советское правительство,— в интересах всех народов, в том числе и трудящихся моей страны. «Не вооружения, а народное образование» — таков боевой лозунг выступлений западногерманских рабочих. «Договоренности, достигнутые нами, расширяют возможности усиления воздействия народов на так называемую «большую политику»,— подчеркивал товарищ Брежнев.—...Они будут способствовать улучшению условий жизни людей, обеспечению их работой, улучшению условий образования. Они связаны с заботой о здоровье, короче говоря, со многим, что касается отдельных людей, семей, молодежи, различных групп общества». Трудно не подписаться под этими идущими от сердца словами!

Губерт КУШНИК,
корреспондент газеты «Унзере цайт»,
Дюссельдорф (ФРГ)

Исключительная важность Заключительного акта общеевропейского совещания не подлежит сомнению, а тому, кто захотел бы усомниться в этом, стоит, хотя бы бегло, проглядеть «отклики» ультраправой прессы, в том числе, к сожалению, имеющиеся и в некоторых влиятельных французских изданиях. Нелепость злобных выпадов против идей разрядки ее прямых и скрытых противников бьет в глаза — не стоит поэтому и вдаваться в их детальный анализ. Врагов разрядки раздражает их растущая изоляция в современном мире, явный провал попыток повлиять на мировое общественное мнение. Лучшим доказательством этого провала служит сам факт успешного завершения совещания на высшем уровне. А ведь это не что иное, как триумф внешнеполитического курса КПСС и Советского правительства, способствовавшего тому, что к столу переговоров пришли 33 европейских государства, США и Канада.

Присутствуя на предварительных консультациях, на первой встрече министров иностранных дел государств — участников совещания и, наконец, на завершающем этапе общеевропейского форума, я был, как и сотни других представителей печати, непосредственным свидетелем усилий, которые предпринимались советскими представителями для того, чтобы сблизить, казалось бы, несовместимые точки зрения.

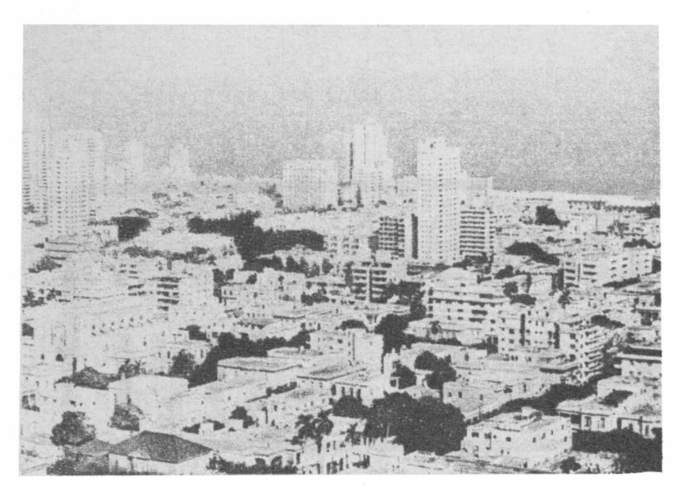
Сегодня первый шаг к достижению европейского согласия стал свершившимся фактом.

Однако сторонники разрядки не должны успокаиваться на достигнутом. Выступая в Хельсинки, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев справедливо отмечал, что нужны дальнейшие общие усилия, повседневная работа всех государств-участников по углублению разрядки.

Макс ЛЕОН,
постоянный корреспондент французской газеты «Юманите» в Москве

●

Когда верстался этот номер, в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении тов. Макса Леона орденом Дружбы народов «за большую многолетнюю работу по ознакомлению французской общественности с достижениями советского народа в коммунистическом строительстве и миролюбивой внешней политикой Советского Союза, за активное содействие в укреплении дружбы между народами Советского Союза и Франции». Редакция «Огонька» присоединяется к многочисленным поздравлениям, полученным в эти дни товарищем Леоном, и желает ему крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов.

Так выглядит столица Кубы с 25-го этажа гостиницы «Гавана либре».

ГОВОРИТ КУБА

«Говорит Куба — первая свободная территория Америки» — так ежедневно начинает свои передачи радио Гаваны. И потом идут сообщения со всех концов страны. Короткие, всего в несколько строк. Из них, как мозаика, складывается картина жизни республики.

«Более двух миллионов человек взяли повышенные обязательства в честь I съезда Коммунистической партии Кубы».

«Свыше тысячи участников сафры удостоены высокого звания «Герой сафры-75».

«Училище по подготовке учителей начальной школы имени Рене Фраги Морено открыто в Матансасе. Это самое большое училище подобного рода в провинции».

В эти дни в эфире все чаще звучат рапорты об успехах в социалистическом соревновании, которое развернулось по всей стране в честь предстоящего в декабре съезда Коммунистической партии Кубы. 16 августа партия отмечает свой полувековой юбилей. История передового отряда кубинских революционеров — это летопись борьбы патриотов за свободу, за счастье народа. Новая эра этой истории началась 1 января 1959 года, когда на Кубе победила революция. «...Кубинская революция окрепла и стала прочной, как никогда,— заявил Первый секретарь ЦК Компартии Кубы, премьер-министр Революционного правительства Фидель Кастро.— Сегодня ею руководит хорошо организованная, дисциплинированная марксистско-ленинская партия, готовая продолжать развитие революционного процесса в стране. Все это дает основание с большим оптимизмом смотреть в будущее».

«Плавка дружбы» советских и кубинских металлургов на комбинате имени Хосе Марти. Фото ТАСС

НЕОБРАТИМЫЙ ПРОЦЕСС

Олег ИГНАТЬЕВ

Передо мной лежит папка, на корешке которой выведено: «США — Латинская Америка. 1964—1965 гг.». В ней — пожелтевшие вырезки из журналов и газет, документы, сообщения телеграфных агентств, касающиеся одной темы — взаимоотношений латиноамериканских стран с Соединенными Штатами Америки. Беру один из листков — вырезку из газеты «Нью-Йорк таймс» за 21 сентября 1965 года, где приводится текст пресловутой «резолюции 560», принятой днем раньше палатой представителей конгресса США. Среди витиеватых формулировок «резолюции» бросается в глаза та ее часть, где провозглашается, что «одна или несколько высоких договаривающихся сторон — участниц Межамериканского договора о взаимной помощи (имеется в виду агрессивный военно-политический блок, созданный под руководством США 2 сентября 1947 года и более известный как «договор Рио-де-Жанейро». — **О. И.**) ...вправе принимать меры вплоть до применения вооруженных сил для предотвращения или противодействия интервенции, господству, контролю или колонизации в любой форме со стороны подрывных сил, известных как международный коммунизм, и их агентов в Западном полушарии».

А вот свежая вырезка из той же «Нью-Йорк таймс», датированной 27 июля 1975 года, со статьей корреспондента газеты из столицы Коста-Рики города Сан-Хосе. В статье говорится: «Сегодня представители 21 страны Северной и Южной Америки завершили принятие поправок к Межамериканскому договору о взаимной помощи... Страны Латинской Америки внесли поправку о том, что «каждое государство вправе самостоятельно избирать свою политическую, экономическую и социальную организацию».

Два процитированных сообщения разделяют почти десять лет. Десять лет потребовалось латиноамериканским странам, чтобы добиться от Соединенных Штатов признания за ними права самим решать свою сегодняшнюю и завтрашнюю судьбу.

Наглядным доказательством перемен, происходящих в наши дни на латиноамериканском континенте, могут служить решения, принятые недавно XVI консультативным совещанием министров иностранных дел стран — членов Организации американских государств (ОАГ) и на совещании двадцати пяти государств Латинской Америки в столице Панамы. На первом 16 латиноамериканских государств проголосовали за резолюцию, предоставляющую государствам — членам «договора Рио-де-Жанейро» свободу самостоятельного решения проблемы контактов с Республикой Куба, давая возможность установления с островом Свободы нормальных отношений — дипломатических, экономических, культурных и других, если они отвечают их политике и национальным интересам. Таким образом, был юридически оформлен провал блокады Кубы, навязанный Соединенными Штатами одиннадцать лет назад странам Латинской Америки.

В столице Панамы было принято еще одно очень важное для латиноамериканских стран решение — о создании латиноамериканской экономической системы (ЛАЭС). В телеграмме агентства Франс Пресс, сообщившей об этом событии, говорилось, что после трехдневных конфиденциальных переговоров в Панаме министры 25 стран единодушно согласились с политическими целями плана ЛАЭС, предназначенного, по словам его инициатора — президента Мексики Эчеверрии, содействовать объединенному экономическому развитию этого района без участия или вмешательства США. Латиноамериканские страны, делает вывод корреспондент, возможно, скоро обретут оружие против экономического господства Соединенных Штатов над Западным полушарием.

Нужно отметить, что при разработке плана ЛАЭС среди участников совещания наблюдалось в основном единодушие, несмотря на различный подход к отдельным проблемам. Но факт остается фактом — все поддержали идею создания ЛАЭС, которая должна организационно оформиться до конца нынешнего года. А это уже немаловажный фактор укрепления единства латиноамериканских стран.

В связи с предстоящим созданием ЛАЭС уместно привести высказывание из июльского номера французского журнала «Монд дипломатик», где говорилось: «Латинская Америка представляет для Соединенных Штатов рынок, почти равный по масштабам Европейскому экономическому сообществу, а для ЕЭС — равный трем четвертям рынка Соединенных Штатов. Это придает определенный вес району, который благодаря тому, что он способен выдвигать согласованные требования, занимает все более прочные позиции на переговорах со своими промышленно развитыми партнерами».

Если перевести дипломатические выражения «Монд дипломатик» на общепринятый язык, то можно вполне согласиться с автором журнальной статьи: создание ЛАЭС поможет латиноамериканским странам защищать свои интересы от шантажа, нажима и грабежа империалистических монополий, главным образом североамериканских. Потому что ЛАЭС — это организация, в которую не будет прямого доступа Соединенным Штатам.

Решение о создании ЛАЭС, так же как и предшествующие действия латиноамериканских государств, направленные на достижение экономической независимости, свидетельствует о крепнущей решимости народов Латинской Америки отстаивать сообща интересы своих стран.

Все это убедительно подтверждает выводы, зафиксированные в опубликованной недавно декларации совещания коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна, где говорилось, что «перемены в Латинской Америке представляют собой часть мирового процесса, развивающегося в направлении социального прогресса, который имеет место в нашу эпоху революционного перехода от капитализма к социализму. Эти перемены взаимодействуют с другими элементами новой международной обстановки, характеризующейся растущей мощью социализма, все большим ослаблением империализма, крахом политики «холодной войны» и началом ослабления международной напряженности».

НАШИ НАДЕЖДЫ

Думаю, что выражу мнение всех ученых Грузии, если скажу, что мы вместе с миллионами советских людей переживали чувство большого праздника по поводу недавнего форума в Хельсинки. Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР, рассмотрев итоги Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, отметили, что «эта беспрецедентная в истории встреча руководящих деятелей 33 европейских государств, США и Канады стала событием огромного международного значения».

Это совещание вселяет в сердца советских людей радость и гордость за упорную, титаническую, не отступающую ни перед какими трудностями борьбу за мир и сотрудничество, которую ведут наша партия, ленинский ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, наше миролюбивое Советское государство. С огромным удовлетворением читаешь документ «Об итогах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе». В нем выражена надежда на уменьшение военного противостояния на европейской земле. Народы Советского Союза сделают все для того, чтобы надежда эта сбылась.

Петрэ ГАМКРЕЛИДЗЕ,
академик Академии наук
Грузинской ССР

Тбилиси.

МИР ПРОКЛАДЫВАЕТ ДОРОГУ

С большим вниманием мы следили за ходом завершающего этапа Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. После работы на заводе мы все торопились к телевизорам, репродукторам, с нетерпением ожидали выступления на этом совещании главы советской делегации Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Все, что он сказал в своей речи, безмерно дорого нам. Итоги этого совещания имеют огромное значение для будущего каждого человека. Советские люди искренне рады тому, что одержана новая огромная победа в борьбе за осуществление Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС.

Все можно осилить, всего можно добиться, но для этого первейшим из всех условий должно быть одно — прочный, нерушимый мир на земле. Во имя этого и проходила беспримерная в истории встреча руководящих деятелей 33 европейских государств, США и Канады.

На нашем заводе с одобрением встречен документ, который приняли Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР,— «Об итогах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе».

С вдохновением трудимся мы в эти дни, стараемся, чтобы на заводе не было ни одного отстающего, чтобы каждый крепил мир успешной работой. Свою пятилетку я уже завершил и до конца ее в честь предстоящего XXV съезда КПСС хочу дать сверхплановую продукцию.

А. Н. МОРОЗОВ,
Герой Социалистического Труда,
фрезеровщик производственного объединения «Электросила»
имени С. М. Кирова

Ленинград.

Дмитрий Дмитриевич ШОСТАКОВИЧ

Советская художественная культура, прогрессивное искусство мира понесли тяжелую, невосполнимую утрату. На 69-м году жизни скончался великий композитор нашего времени Дмитрий Дмитриевич Шостакович — депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР.

Верный сын Коммунистической партии, видный общественный и государственный деятель, художник-гражданин Д. Д. Шостакович всю свою жизнь посвятил развитию советской музыки, утверждению идеалов социалистического гуманизма и интернационализма, борьбе за мир и дружбу народов.

Д. Д. Шостакович родился 25 сентября 1906 года в Ленинграде. В 1925 году он окончил Ленинградскую государственную консерваторию. Уже первая симфония, которую написал девятнадцатилетний композитор, заявила о рождении могучего художественного таланта. Тема расцвета человеческой личности в революции, в нашем новом обществе определила идейно-образное содержание Пятой и Шестой симфоний, фортепианного квинтета, музыки к кинофильмам «Встречный», «Великий гражданин», к кинотрилогии о Максиме и других произведений довоенных лет. В эти же годы Д. Д. Шостакович создает оперу «Нос» по Гоголю и «Катерина Измайлова» по Лескову.

Бессмертным музыкальным памятником эпохи, волнующим художественно - политическим документом стала Седьмая симфония. Написанная в 1941 году в осажденном Ленинграде, она поведала всему миру о несгибаемой силе духа советских людей, о их вере в победу над фашизмом.

В послевоенные годы талант Д. Д. Шостаковича проявился с еще большей силой и полнотой. Композитор создал симфонии, хоровые поэмы, посвященные революции 1905 года и В. И. Ленину, которые нашли глубокий отклик в сердцах миллионов людей. Широкую известность приобрели его оратории и вокальные циклы, инструментальные концерты, квартеты и обработки народных песен, музыка ко многим кинофильмам.

Мужественно борясь с тяжелой болезнью, Д. Д. Шостакович продолжал творить вплоть до последнего дня своей жизни. Он написал произведения высочайшего философского звучания, мудрого жизнеутверждения: Пятнадцатую симфонию, Пятнадцатый квартет, где особенно ярко выступают благородство мысли композитора, его выдающееся мастерство.

Многогранное творчество Д. Д. Шостаковича — замечательный образец верности великим традициям музыкальной классики и прежде всего — русской. Он черпал вдохновение в нашей советской действительности, открывая все новые возможности ее художественного воплощения в музыке. Своим новаторским творчеством он утверждал и развивал искусство социалистического реализма, прокладывал новые пути прогрессивной мировой музыкальной культуры.

Много сил Д. Д. Шостакович отдавал общественной деятельности. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР VI, VII, VIII, IX созывов, депутатом Верховного Совета РСФСР II, III, IV, V созывов.

В 1960—1968 гг. он возглавлял Союз композиторов РСФСР, был секретарем правления Союза композиторов СССР, членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям при Совете Министров СССР, председателем общества «Советский Союз — Австрия». Д. Д. Шостакович избран почетным членом многих зарубежных академий и университетов.

Партия, Советское правительство высоко оценили заслуги Д. Д. Шостаковича. Ему присвоено звание народного артиста СССР, первым среди музыкантов он стал Героем Социалистического Труда. Д. Д. Шостакович награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени. Ему присуждены Ленинская премия, Государственные премии СССР и РСФСР, Международная премия мира.

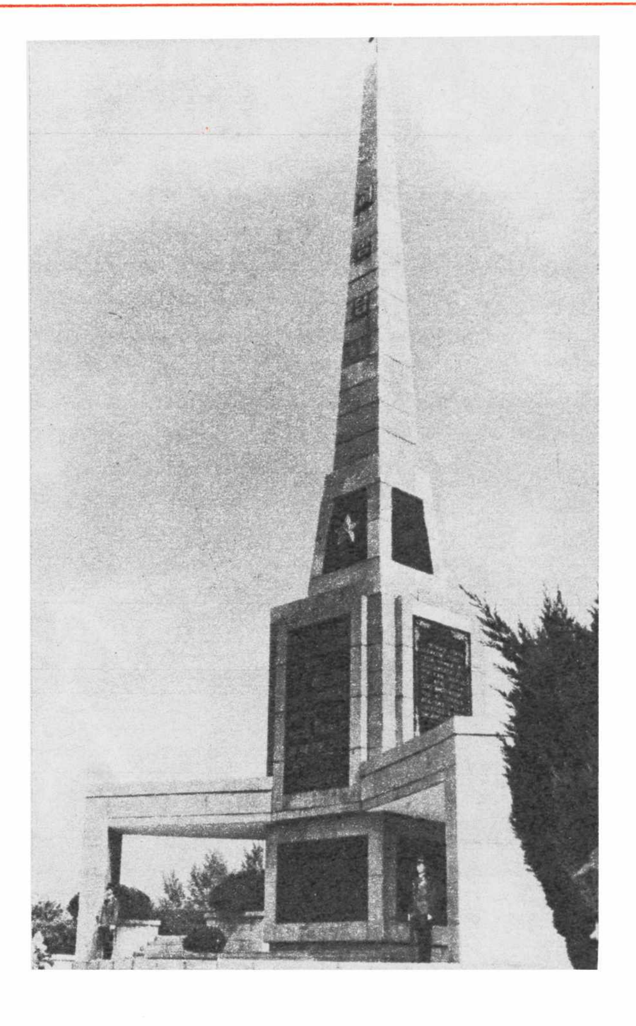
Человек высокого общественного долга, душевной щедрости, исключительной скромности, Д. Д. Шостакович отдал все свое творчество служению народу, Советской Родине. Он внес огромный вклад в сокровищницу отечественной и мировой художественной культуры. Гений Шостаковича, его великие творения будут жить в веках.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Г. Ф. Сизов, М. П. Георгадзе, А. А. Епишев, Е. М. Тяжельников, В. Ф. Шауро, С. Г. Лапин, Ф. Т. Ермаш, Б. И. Стукалин, М. Абдраев, Э. Г. Гилельс, Н. Г. Жиганов, В. Г. Загорский, Г. В. Келдыш, К. А. Караев, Д. Б. Кабалевский, Л. Б. Коган, К. П. Кондрашин, З. М. Круглова, Л. А. Кулиджанов, А. Кулиев, В. Ф. Кухарский, В. А. Лаурушас, Г. М. Марков, Ю. С. Мелентьев, Э. М. Мирзоян, Е. А. Мравинский, Г. Ш. Орджоникидзе, Г. М. Орлов, А. Н. Пахмутова, А. П. Петров, Н. А. Пономарев, Г. Г. Раман, Е. Рахмадиев, С. Т. Рихтер, Г. Н. Рождественский, А. В. Романов, Я. П. Ряэтс, П. И. Савинцев, Ш. С. Сайфиддинов, Э. Ш. Салихов, Е. Ф. Светланов, Г. В. Свиридов, В. П. Соловьев-Седой, Н. С. Тихонов, Н. В. Томский, С. С. Туликов, З. П. Туманова, К. А. Федин, А. И. Хачатурян, А. Н. Холминов, Т. Н. Хренников, М. И. Царев, Д. М. Цыганов, Б. А. Чайковский, Г. Р. Ширма, М. А. Шолохов, А. Я. Штогаренко, Р. К. Щедрин, А. Я. Эшпай, В. Н. Ягодкин.

15 АВГУСТА —
30 ЛЕТ СО ДНЯ
ОСВОБОЖДЕНИЯ КОРЕИ
ОТ ЯПОНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Зиновий КЛЮЧИКОВ

Монумент Освобождения на горе Моранбон.
Фото автора.

НА БЕРЕГУ ТЭДОНГАНА

В верховьях Тэдонгана, где серпантин реки делает крутую излучину, находится поселок Пукчан. Еще шесть лет назад о нем мало кто знал.

Весной 1969 года окрестности Пукчана были разбужены грохотом взрывов, гулом экскаваторов. При содействии Советского Союза здесь началось сооружение крупной теплоэлектростанции.

Я не раз бывал на этой стройке и видел, с каким энтузиазмом трудились корейские рабочие, какую большую помощь им оказывали советские инженеры и мастера.

— Для нашей республики эта станция имеет очень важное значение,— говорили корейские товарищи.— Она обеспечит электроэнергией западные районы страны. Советский Союз поставил оборудование, специально изготовленное для нашей станции с учетом всех особенностей проекта. Советские инженеры не только помогают монтировать машины, но и делятся своими знаниями.

Около главного щита управления беседуем с начальником смены Ли Чан Боном.

— Все агрегаты работают безукоризненно, — говорит он. — С помощью друзей мы освоили новую для нас технику.

Недавно мощность Пукчанской теплостанции достигла 1 миллиона 200 тысяч киловатт. Она дает треть часть всей вырабатываемой в стране электроэнергии.

Правительство республики высоко оценило помощь СССР в сооружении этого объекта. Большая группа советских специалистов награждена орденами и медалями. При их вручении вице-президент КНДР Кан Рян Ук сказал, что Пукчанская станция стала символом дружбы советского и корейского народов, классовой солидарности рабочих братских стран...

ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

У корейского народа издавна сложилась поговорка: «Капля воды дороже горсти золотых песчинок».

Примыкавшая к Тэдонгану обширная равнина очень долго не знала орошения. Крестьянам-единоличникам было не под силу возводить гидротехнические сооружения.

Живительная влага пришла на крестьянские поля только после освобождения. Примерно километрах в тридцати ниже Пукчана воды своенравного Тэдонгана отвели в горные ущелья. Образовалось огромное водохранилище. Оросительные каналы напоили 75 тысяч гектаров земли. Обширная равнина стала одной из житниц страны.

— Раньше мы работали так, что кровь из-под ногтей сочилась. Но нищета упрямо сидела на наших шеях,— рассказывали мне крестьяне кооператива Рибсок.— Порой весь урожай на козе можно было увезти. А сейчас закрома ломятся от зерна. Прошлый год выдался особенно урожайным. В среднем по восемь с лишним тонн риса собрали на круг. Живем не хуже городских. В каждом доме электричество, радио, водопровод. Есть у нас средняя школа, больница, клуб, детские сады.

В создании гидротехнического комплекса, напоившего кооперативные поля, принимал участие Советский Союз. И эта братская помощь не забыта. Кооператив Рибсок — коллективный член Общества корейско-советской дружбы.

ВОСПЕТАЯ НАРОДОМ

Из восьми достопримечательностей Пхеньяна, воспетых корейским народом, самая знаменитая — гора Моранбон. На ее вершине воздвигнут монумент в честь Советской Армии, разгромившей главные силы японского милитаризма. В дни национальных праздников трудящиеся республики возлагают здесь цветы. Они отдают дань уважения и благодарности советскому народу, который помог стране избавиться от колониального ига.

Столица КНДР — большой современный город с миллионным населением. Он напоминает цветок мугунхва, особо почитаемый в Корее. Широкие, прямые улицы, кварталы многоэтажных домов, просторные площади, сады и скверы, ажурные мосты.

Четкость, строгость присущи не только внешнему облику Пхеньяна. Они заметны в характере его жителей. Все взрослое население, мужчины и женщины, трудится с утра и до позднего вечера, порой без выходных. Нередко можно увидеть рабочих и служащих, идущих строем с песнями и знаменами. Республика пока живет в условиях не мира, а временного перемирия, которое зачастую нарушается сеульской военщиной...

От Пхеньяна и до самого Желтого моря по обеим сторонам Тэдонгана непрерывной чередой тянутся предприятия: металлургические, машиностроительные, электротехнические, текстильные, пищевые. Так выглядит крупнейший в КНДР промышленный район.

ГОРДОСТЬ РЕСПУБЛИКИ

Гордостью Кореи, «стальным сердцем республики» называют комбинат Хванхэ. Он дает в год более миллиона тонн стали и свыше 250 видов проката. Комбинат — один из 50 промышленных объектов, построенных или восстановленных при техническом содействии Советского Союза.

...В доменных и мартеновских печах бушевал огонь, клокотал расплавленный металл. А в диспетчерской сталелитейного цеха было тихо и уютно. Слышался только легкий треск реле и приборов на стенде. Все процессы, происходившие сейчас, отражались на световых табло, два телевизионных экрана фиксировали общий вид цеха.

Дистанционное управление и промышленное телевидение появилось недавно на Хванхэ.

— Сорок лет я варю сталь,— говорит Чху Чан Су,— и почти все приходилось делать вручную: за смену сто потов сойдет.

Чху Чан Су пришел на Хванхэ, когда завод принадлежал концерну «Мицубиси».

— Об условиях, в которых нам приходилось трудиться, тяжело вспомнить,— говорит старый металлург.— Единственным средством от удушливого дыма и газов была мокрая тряпка. К сорока годам многие из нас становились инвалидами.

Реконструкция завода началась с первых дней установления народной власти в северной части Кореи. Его оборудование было в значительной степени обновлено. Советский Союз прислал большую группу специалистов.

Во время вооруженной агрессии США Хванхэйский комбинат постигла участь многих промышленных объектов КНДР. Он был полностью разрушен.

— Восстановить завод, увеличить его мощность и оснастить современной техникой нам помогал Советский Союз,— говорит Чху Чан Су.— Теперь мы производим почти в десять раз больше чугуна, стали и проката.

На Хванхэ выросли замечательные специалисты: свыше полутора тысяч инженеров и техников. Здесь каждый третий — металлург-новатор.

В старинной корейской легенде говорится, что в низовьях Тэдонгана когда-то был небольшой рыбацкий поселок. Жившие в нем люди страдали от набегов чужих племен до тех пор, пока в одной семье не родился богатырь, сумевший оседлать крылатого коня. Преодолевая на нем любые расстояния и преграды, он совершил беспримерные подвиги, принес людям мир и счастье.

Сейчас изображение летящего коня можно увидеть повсюду. Чхоллима стал символом стремительного движения новой Кореи по пути социализма.

Пхеньян
(по телефону).

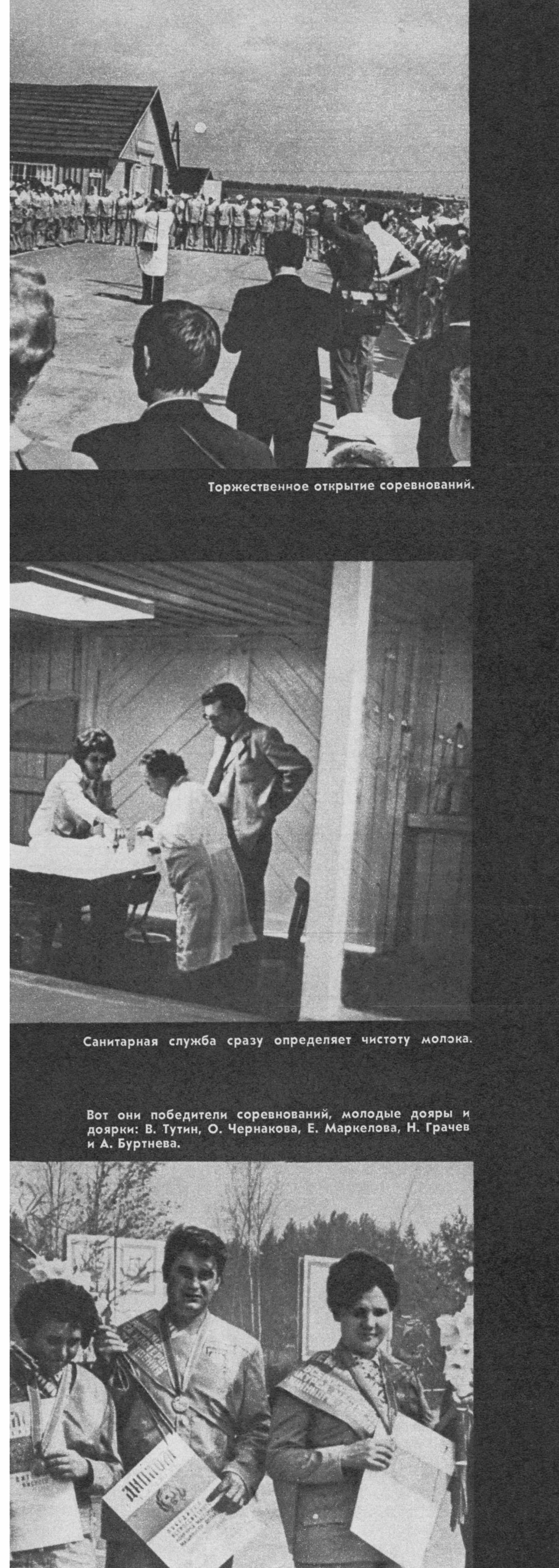
МАСТЕРА

Быстро и умело работает Ира Михайлова из совхоза «Сяглицы» Ленинградской области.

Торжественное открытие соревнований.

Санитарная служба сразу определяет чистоту молока.

Вот они победители соревнований, молодые дояры и доярки: В. Тутин, О. Чернакова, Е. Маркелова, Н. Грачев и А. Буртнева.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. АНАНЬЕВА

Как быстрее и легче доить коров — вручную или машинным способом? Для животноводов это не вопрос: конечно, механизированная дойка лучше. Поголовье дойного стада растет. В РСФСР оно сейчас так велико, что никаких рук не хватит. Если бы понадобилось увеличить производство молока вдвое, то потребовалось бы дополнительно привлечь миллион доярок! Выход один — внедрить повсеместно машинное доение. Сейчас в Российской Федерации по новой технологии работает около ста животноводческих комплексов, а строят еще около шестисот. Ленинградская область первой в России перешла полностью на машинную дойку. Повысился удой на корову, причем молоко продается первой категории.

С каждым годом накапливается опыт освоения новой техники. Конкурсы мастеров машинного доения — самая массовая форма их социалистического соревнования. В нынешнем, седьмом республиканском конкурсе участвовали тысячи человек. И вот — финал.

...Пригород Ленинграда. На территории летнего лагеря головного совхоза фирмы «Детскосельский» у флага выстроились более девяноста мастеров. Собрались лучшие из лучших. Все в голубых костюмах, белых косынках и кепках. На груди — эмблема конкурса. Условия состязания довольно жесткие, составлены по самым последним нормативам. Подоить коров надо не только быстро и хорошо, но и разобрать, помыть, собрать и отрегулировать доильные установки.

Наступила торжественная минута. Флаг взвился. Надев белые халаты, входим в просторный корпус: слева — трибуна для болельщиков, в центре — командный радиопульт, тут же доильные аппараты, бидоны; справа — в ожидании пятнистые коровы.

Члены жюри включили секундомеры. Состязание началось! Подходим к стройному, с загорелым лицом молодому человеку. Это дважды чемпион России по машинному доению Николай Николаевич Грачев. Сибиряк, дояр опытного хозяйства из Новосибирской области.

— Как настроение — удержите чемпионство?

— Трудно, конкурентов много...

Николай Грачев двенадцать лет работает дояром. Вручную доил три года, за ним было закреплено восемнадцать коров. Сейчас, пользуясь установкой «Волга», обслуживает тридцать семь коров. Средний годовой надой по группе составил 5 373 килограмма молока!

Жюри то и дело объявляет новые имена, новые показатели. Пристально наблюдают за коллегами мастера, записывают, сличают цифры. У табло соревнования тоже оживление. И так день за днем, в течение недели не прекращается соперничество. Наконец, в финал борьбы вышли двадцать четыре мастера. И вот подведены итоги.

Первой на пьедестал почета поднялась Анна Николаевна Буртнева, доярка колхоза «Памяти Ильича», Московской области. Профессию унаследовала от матери, которая вот уже четверть века доит коров. Анна Николаевна пришла на ферму после школы, быстро освоила доильную установку «Волга». Ей вручается Большая Золотая медаль и диплом чемпионки.

Вызывают Николая Николаевича Грачева. Значит, отстоял почетное звание в третий раз: снова стал первым мастером среди мужчин!

Малую Золотую медаль вручают комсомолке Ольге Чернаковой, она из того же опытного хозяйства, что и Н. Н. Грачев. Работает на ферме немногим больше года. Будучи школьницей, во время каникул работала на животноводческой ферме в составе ученической бригады. В минувшем году стала мастером, надоила от каждой из шестидесяти шести коров по 4 357 килограммов молока. Большая группа, высокие удои!

— Мне просто повезло,— рассказывала Ольга.— Моими добрыми наставниками оказались зоотехник Александра Семеновна Чупина и кандидат сельскохозяйственных наук Галина Алексеевна Богатырева.

Титул чемпионки на «Елочке» завоевала Евгения Владимировна Маркелова из совхоза имени Ленина, Московской области. Этим аппаратом Евгения Владимировна доит сто семнадцать коров, надаивая от каждой по 4 229 килограммов молока. На дойку уходит не более двух часов: «А вручную я подоила бы за это время не больше пятнадцати коров...»

На конкурсе не было побежденных. Каждый почерпнул хоть крупицу богатого опыта, каждый и в личных достижениях продвинулся вперед.

Победители VI Спартакиады народов СССР спортсмены Российской Федерации с главным командным призом.

ЧЕРТА ФИНИШНАЯ? НЕТ, СТАРТОВАЯ!

Когда под звуки оркестра на главную спортивную арену страны стали выходить колонны участников VI Спартакиады народов СССР — всех пятнадцати союзных республик, Москвы и Ленинграда, нам невольно вспомнились Лужники 1956 года: открытие нового стадиона совпало с открытием первой Спартакиады народов СССР. И вот снова стадион имени В. И. Ленина, снова заполнено зеленое поле участниками всесоюзной Спартакиады, но уже не первой, а шестой.

Два десятилетия пролегли между этими двумя событиями. Несколько спортивных поколений сменилось за это время. Расширились физкультурные ряды в нашей стране. Много самых почетных побед одержали советские спортсмены на Олимпийских играх, на чемпионатах мира и Европы. Физкультурное движение за это время приобрело в Советском Союзе размах всенародный — и это как нельзя лучше показала нам VI Спартакиада народов СССР.

Ее финальная часть началась еще в марте и вот завершилась теперь, в начале августа. Во всех столичных городах союзных республик, в Ленинграде и Каунасе шла борьба по двадцати шести видам спорта. Если в V Спартакиаде приняло участие 44 миллиона человек, то в нынешней — на десять миллионов больше! Выше и результаты VI Спартакиады — шесть мировых рекордов и двадцать один всесоюзный. Из ста тридцати спартакиадных рекордов обновлено сто пять. Восемьдесят два атлета впервые выполнили нормативы мастера спорта СССР международного класса. А сколько талантливой молодежи проявило себя в ходе борьбы! Как обновится теперь олимпийская команда СССР, которая готовится к выступлению на Олимпийских играх в Монреале!

Мы по праву гордимся тем, что наши Спартакиады по своему размаху не уступают Олимпийским играм. Между этими комплексными соревнованиями много общего, но есть одно существенное различие: Олимпийские игры — состязания личные, и командный подсчет на них проводится неофициально, а наши Спартакиады ведут счет не только личным, но и командным победам. Это смотр физкультурной работы, проделанной за четыре года в стране.

И вот марш-парад семнадцати команд — участниц VI Спартакиады народов СССР, посвященной 30-летию Победы в Великой Отечественной войне, открывают спортсмены Российской Федерации. Они заняли первое командное место, набрав 8 712,5 очка. Рядом с ними другая команда РСФСР — москвичи и спортсмены Украины, завоевавшие третье место. А кроме них, почетные переходящие призы Спартакиады получили ленинградцы и белорусы...

Лучшие спортсмены всех команд опустили флаг Спартакиады — финишная линия позади, но тут же звучит судейский свисток, словно напоминая нам, что спортивная жизнь продолжается. Свисток судьи призывал на поле участников финального матча на Кубок СССР — команды «Зари» и «Арарата». Но на поле Лужников в ту минуту свисток напоминал нам и о том, что участники Спартакиады после финиша тут же снова начнут подготовку к новым стартам. Да и сама Спартакиада завершена только по массовым видам спорта, а состязания по военно-техническим видам будут продолжаться до конца августа.

В. ВИКТОРОВ,
фото А. БОЧИНИНА

Футболисты команды «Арарат» атакуют — и завоевывают Кубок.

СОЛНЦЕ, МОРЕ, ЦВЕТЫ...

Георгий ГУЛИА

Дмитрий Налбандян. Живописец. Художник-академик.

Да, мы знаем его. Мы хорошо помним многие его холсты. Видели его работы на всесоюзных выставках, в музеях и картинных галереях нашей страны. Мастер станковой живописи, автор большого количества монументальных произведений; мы знаем их не только по оригиналам, но и по многочисленным цветным репродукциям. Художник большого таланта; его кисть не знает ни покоя, ни усталости. Работает он быстро, точно, великолепно. Мазок за мазком — и оживают страницы истории, страницы революционных бурь и жизни их героев, оживают наши современники...

Рано утром он уже у мольберта в своей московской мастерской на девятом этаже. И почти весь день на ногах и почти весь день в трудах. Труд его нелегкий, как всякий труд, требующий отдачи всего себя, и не только физических, но и душевных сил непомерно много требующий. Здесь нужны упорство и трудолюбие, талант и знания. Ибо это необходимо для нашего реалистического искусства, богатого своим содержанием и формой.

Мне кажется, что нет нужды подробно представлять Налбандяна — знаменитого мастера живописи огромного общественного и политического звучания. Мы хорошо знаем такие его работы. А лирика? Многие ли видели его цветы, его море, его спокойные реки, его высокие небеса, его тихие уголки и светлые улочки, его перелески и заснеженные подмосковные тропочки? Все четыре времени года и все часы суток запечатлены на полотнах художника, полных лиризма, задушевности.

Лично я очень люблю море. Как известно, оно никогда не бывает одинаковым — меняется ежесекундно. Оно словно живое: дышит, улыбается, хмурится, сердится. И вдруг делается нежным, нежным...

Дмитрий Аркадьевич пишет воду такой, какая она есть: бурная и тихая, сверкающая под солнцем и свинцово-мрачная под грузными тучами.

В полотне «На озере Балатон» — мягкие осенние тона. Вода как бы уснула — на секунду,— уснула от усталости. Паруса податливы дуновению ветерка, однако яхты скользят медленно, очень медленно — это заметно на зеркально-чистой поверхности. Невдалеке берег, его холмы тянутся цепочкой, неясно угадываются сквозь сентябрьское марево. Покойно и тихо на Балатоне, и это мгновение художник передал точно. Это чудесный «портрет» природы в ее чудесном состоянии.

А вот другая вода. Москва-река в предвечерний час. По золоту, разлитому по воде, угадывается жаркий июль. Одинокая лодка у берега ждет своего хозяина. На противоположном берегу все готовится к отдыху... От картины веет свежестью и неповторимой красотой предвечернего часа.

Очень много у художника этюдов, которые, на мой взгляд, вполне можно считать законченными картинами, не требующими больше ни единого мазка. Здесь во всем блеске предстают среднерусская природа, жаркие небеса Индии, долины и горы Советской Армении, черноморские берега, подмосковные тропки и перелески. Или — неожиданно — полдневная Севилья, ярко освещенная испанским солнцем улочка...

Особое место в творчестве живописца занимают цветы. Он пишет их вдохновенно. И мне вдруг начинает казаться, что это его стихия, его призвание. Но тотчас же отметаю эту мысль, когда вижу перед собою в мастерской гигантское полотно, над которым художник работает многие годы, изображающее дружеское собрание виднейших деятелей армянской культуры: Комитаса, Мартироса Сарьяна, Александра Спендиарова, Аветика Исаакяна, Ованеса Туманяна, Александра Ширванзаде, Хачатура Абовяна и многих других. Конечно же, Дмитрий Аркадьевич — мастер монументальных композиций. Это бесспорно. Однако его цветы — розы, сирень, ромашки — говорят о нежной, лирической струе в его творчестве.

Цветы Налбандяна живут своей жизнью. У каждого букета — свой неповторимый аромат. У каждого из них — «свое лицо». Они «не позируют». Порой они просто разбросаны на столе, порой наспех поставлены в кувшин или вазу. Они нравятся художнику, он и нас заставляет их полюбить. И когда я смотрю на десятки букетов — живых и ярких, в скромных рамах, я не знаю, на чем остановить свой выбор. Ибо лирика не знает стандарта: каждый выбирает то, что ближе его сердцу.

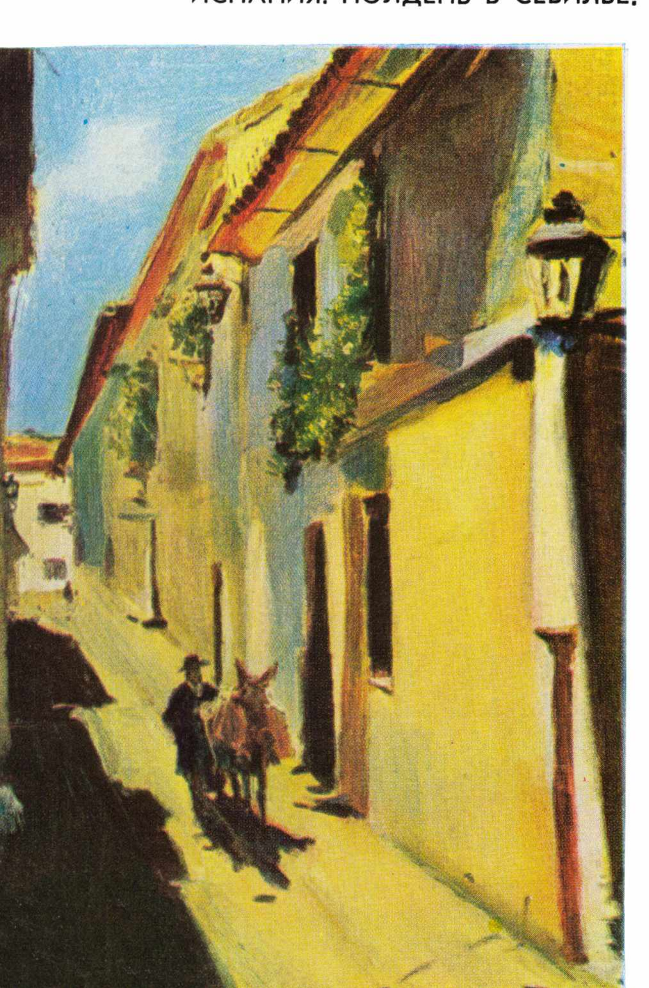
Я бы посоветовал художнику когда-нибудь выставить эти свои произведения. Тогда полнее откроется нам еще одна черта его творчества — лирическая, столь же обаятельная, как и его цветы.

Д. Налбандян. ЗАКАТ НА МОСКВЕ-РЕКЕ.

Д. Налбандян. ЯХТЫ.

ИСПАНИЯ. ПОЛДЕНЬ В СЕВИЛЬЕ.

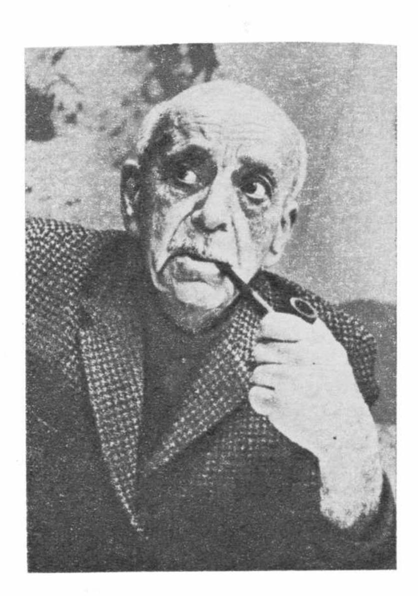

БУКЕТ РОМАШЕК.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

ДОН КИХОТ

Не падай, надменное горе!
Вставай, молодая тоска!
Да здравствует вне категорий
Высокая роль чудака!

Он будет — заранее ясно —
Смешон и ничтожен на вид,
Кольцом неудач опоясан,
Дымком неустройства повит.

А кто-то кричит: — Декламируй,
Меча не бросай, Дон Кихот!
В горячей коммерции мира
Ты мелочь, но все же доход.

Дерись, разъярясь и осмелясь,
И с красным вином в бурдюке,
И с крыльями ветряных мельниц,
И с гибелью накоротке.

Недаром сожженный, как уголь,
В потешном сраженный бою,
Меж марионеток и кукол
Ты выбрал царицу свою.
Она тебе сердце пронзает,
Во всем отказав наотрез.

. . . .

Об этом и пишет прозаик,
Когда он в ударе и трезв.

ТАК СЛУЧИЛОСЬ

Ты сбежишь от его заклинающих глаз.
Ты отыщешь, куда тебе скрыться.
Но постой! Если ты на других обожглась,
Разве он хулиган, а не рыцарь?

Ведь на страшном суде не зачтется виной
Его жаркая, жалкая дерзость.
Так случилось! Хватило минуты одной —
Сразу пропасть меж вами разверзлась.

Так случилось! Хватило на то у двоих
Благонравья и благоразумья.
Стороной пролетел обжигающий вихрь.
Не сработал потухший Везувий.

Вот оно как у вас напоследок идет,
Будто рушится с кручи отвесной.

. . . .

Но какой же он сам призовой идиот,
Что тебе исповедался честно!

ВЫ ВСТРЕТИТЕСЬ

Вы встретитесь! Я знаю сумасбродство
Стихийных сил и ветреность морей,
Несходство между нами и сиротство
Непоправимой верности моей.

И вот в отчаянье и в нетерпенье
Ты мчишься вниз и мечешься, летя,—
Вся в брызгах света, в радугах и в пене,
Беспечное, беспутное дитя.

Перед тобой синеет зыбь морская.
Там злющие чудовища на дне.
А над тобой — отчаянно сверкая,
Хохочет злое солнце обо мне.

Но ты мелеешь и с внезапной грустью,
Продрогшая от гальки и песка,
Бессильная, ползешь к морскому устью —
Мне одному понятна и близка.

СОНЕТ

Легко скользнула «Красная стрела»
С перрона Ленинградского вокзала.
И снова нас обоих ночь связала
И развернула смутных два крыла.

Но никаких чудес не припасла
И ничего вперед не предсказала.
Мне сердце нежность горькая пронзала,—
Так сладко, так по-детски ты спала.

Как будто бы вошла в хрустальный грот.
Я видел твой полуоткрытый рот...
Ну так дыши все ближе и блаженней!
Спи, милая, но только рядом будь!
Пусть крепок сон, пусть краток этот путь,
Пусть бодрствует одно воображенье...

В ДОМЕ

Дикий ветер окна рвет.
В доме человек бессонный,
Непогодой потрясенный,
О любви безбожно врет.

Дикий ветер. Темнота.
Человек в ущелье комнат
Ничего уже не помнит:
Он не тот. Она не та.

Темнота, ожесточась,
Ломится к нему нещадно.
Но и бранью непечатной
Он не брезгует сейчас.

Хор ликующих стихий
Непомерной мощью дышит.
Человек его не слышит,
Пишет скверные стихи.

НОЧЬЮ

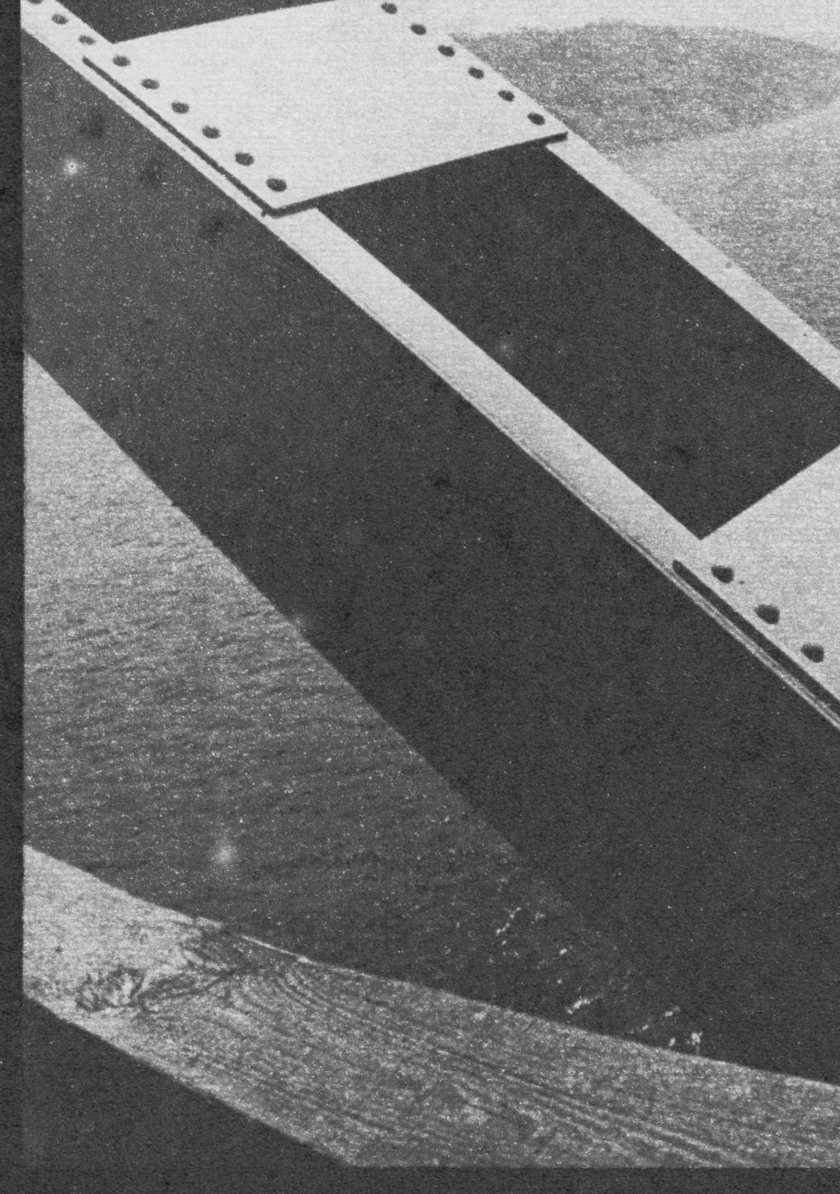
Мы вышли поздно ночью в сенцы
Из душной маленькой избы.
И сказочных флуоресценций
Шатнулись на небе столбы.

Так сосуществовали ночью
Домашний и небесный кров.
И мы увидели воочью
Соизмеримость двух миров.

Родство и сходство их от века,
Ликующее в нас самих,
Когда в сознанье человека
Все проясняется на миг.

Когда вселенная влюбленно
И жадно смотрит нам в глаза
И наготою раскаленной
Притягивает нас гроза.

На смену.

МОСТ

«ОГОНЕК» НА БАМе

В. КУЗНЕЦОВ,
специальный корреспондент «Огонька»,
фото автора

Пылишь на скромном «газике» сельским трактом от деревни к райцентру или мчишься в поезде по стальной магистрали, пересекающей страну,— все равно дорожную монотонность непременно нарушит песня моста. То нежная — легкий скрип деревянного настила; то бравурная — грохот стальных пролетов. Но каким бы ни был мост — большим или маленьким,— он очень нужен дороге, потому что поможет ей одолеть любое препятствие — овраг, балку, ручей, наконец, многоводную реку, которыми так богата наша страна.

Одна из таких рек — Амур. И мост через него возле Комсомольска — всего лишь маленькая частичка

Шаг через Амур.

ЧЕРЕЗ АМУР

Бригадир Евгений Ставицкий.

отвечаем читателю

СЛОВО

Ю. МУНТЯН,
заместитель начальника сводного отдела текущих народнохозяйственных планов Госплана СССР

В журнале «Огонек» № 2 за 1975 год напечатан материал из города Иванова «Лебеди летят высоко». В нем, в частности, говорится о встречном плане производства. Хотелось бы получить через журнал некоторые разъяснения насчет встречных планов. А именно: предприятие берется выпустить, например, по встречному плану полтораста тысяч тракторных шин. Но заводу, для которого их делают, нужно только сто тысяч, больше при всем желании он не использует. Оправдан ли в таком случае встречный план? Не создает ли он те самые сверхнормативные запасы, против которых мы сами выступаем?

И второе. Допустим, наш завод берется сделать по встречному плану пятьсот моторов дополнительно. Где взять на них металл? Ведь все материалы планируются заранее, фонды заблаговременно распределены, ресурсы строго нормированы. Если многие предприятия возьмут встречные планы, потребуется огромное количество не предусмотренных плановыми расчетами металла, строительных материалов, тканей и т. д. Каким путем их изыскать?

Ю. ПОЗНЯК, И. КОНОП

Минск.

Редакция попросила Ю. С. МУНТЯНА, заместителя начальника сводного отдела текущих народнохозяйственных планов Госплана СССР, ответить на вопросы читателей.

Вопросы, затронутые читателями, очень злободневны. Встречное планирование, начатое в текущей пятилетке по инициативе москвичей, стало сейчас всеобщим. Трудно, наверно, найти хоть одно предприятие или, вернее, коллектив, который не искал бы резервов производства, чтоб перекрыть плановые задания завершающего года пятилетки. В связи с этим, естественно, возникает много вопросов, и нам, работникам плановых органов, задают их в самых разных аудиториях люди разных специальностей.

В самом деле, не могут ли встречные планы вызвать нарушения, диспропорции в рамках единого народнохозяйственного плана? Или, например, поставим вопрос иначе: если завод, получив государственное задание, нашел возможным выдвинуть встречный план — скажем, не 1 000 машин, а 1 100, то не означает ли это, что полученное им задание было просто занижено? Не меньший интерес представляют и вопросы о диспропорциях производства внутри предприятий, объединений или даже отраслей, особенно если учесть, что всегда имеются какие-то несопряженности мощностей. Эти несопряженности возникают не только вследствие ошибок в планировании, но и бывают — чего греха таить — результатом работы самих коллективов.

Известно, что встречное планирование как явление социально-политическое понятие не новое. Людям старшего поколения, вероятно, памятен фильм «Встречный». Первый встречный промфинплан был разработан еще в 1930 году по инициативе ленинградских ударников. В ответ на их призыв в стране широко развернулось соревнование за досрочное выполнение первой пятилетки. Она, как мы знаем, в результате невиданного энтузиазма трудящихся была выполнена за четыре года и три месяца. Немалую роль сыграли встречные техпромфинпланы передовых предприятий и позднее. Социальное и политическое значение этого движения прежде всего в том, что оно ярко демонстрирует единство партии и народа.

Рассматривая встречное планирование как экономическую категорию, следует иметь в виду, что один из основных ленинских принципов социалистического планирования — демократический централизм, сочетающий задания «сверху» и инициативу трудящихся «снизу» в рамках единого народнохозяйственного плана. Известно, что даже при самом четком планировании у трудового коллектива всегда остается возможность проявить творческую инициативу. Добиваясь наиболее продуктивного использования рабочего времени, оборудования, экономно расходуя электроэнергию, топливо, сырье и материалы, борясь за досрочную сдачу новых объектов, быстрее осваивая производственные мощности, коллективы предприятий и строек всегда могут вскрыть резервы, не выявленные при планировании в вышестоящих организациях.

Сегодня отличительная черта встречного планирования — это возросшая требовательность к повышению эффективности производства. В конце минувшего года был принят очень важный документ, регламентирующий порядок разработки и учета выполнения встречных планов предприятий на завершающий год девятой пятилетки. Так вот, в этом документе указывается, что важнейшей задачей разработки встречных планов должно стать изыскание резервов для роста производительности труда, снижения себестоимости продукции, ускорения ввода в действие и освоения производственных мощностей, быстрого внедрения новой техники и технологии, экономии и рационального использования материальных и финансовых ресурсов. Этот документ ориентирует прежде всего на повышение качества изделий и увеличение выпуска новой продукции, в том числе с государственным Знаком качества, в соответствии с возрастающими потребностями народного хозяйства и спросом населения.

Думаю, всем ясно, что в улучшении любого из этих показателей наше общество всегда заинтересовано, ибо тем самым повышается эффективность производства и сберегаются государственные ресурсы. Ведь улучшение качества, надежности, технико-экономических параметров машин, оборудования и другой продукции, вообще говоря, равносильно увеличению объема их производства, но с меньшими затратами. А от улучшения качества товаров народного потребления выигрываем мы все.

Следовательно, встречные планы предприятий, направленные на решение упомянутых мною задач, не только не вызовут диспропорций в народном хозяйстве, а, наоборот, позволят создать дополнительные резервы для лучшего выполнения заданий девятой пятилетки и дальнейшего повышения материального благосостояния народа.

Понятно, что повышение эффективности производства и качественных показателей — путь более сложный, чем простое увеличение выпуска продукции, особенно если это увеличение идет за счет дополнительно выделенных производственных ресурсов. Такая задача посильна только тем заводам и фабрикам, где в разработке встречных планов активно участвуют все рабочие и служащие. Ведь недаром москвичи, инициаторы встречного планирования в этой пятилетке, базировались на методе завода «Динамо» по составлению личных планов, ибо в их основе лежит научная орга-

---

Байкало-Амурской магистрали. Но как нужна людям эта частичка!

Целых три десятилетия поездам, следующим в Советскую Гавань, пересекать Амур летом помогает паромная переправа. Помогать-то помогает, но плохо: теряется драгоценное время, возникают всякие неудобства. А в зимнюю пору здесь строили ледовую железную дорогу. Настилали на лед бревна, на них укладывали плахи, потом шпалы и рельсы. От сильных дальневосточных морозов лед проседал, покрываясь трещинами. Дорога становилась ненадежной. Нынешней весной поезда по Амуру последний раз проследовали ледовой дорогой. Осенью отойдет в прошлое и паромная переправа. Над Амуром уже поднялось огромное стальное сооружение — мост. И совсем скоро полтора километра узорной стали соединят амурские берега, дадут Байкало-Амурской магистрали выход к Тихому океану...

Начальника мостостроительного отряда № 26 Н. Д. Сентюрина мы видели мельком. Он торопился на стройку и, встретив нас в своей приемной, только и сказал:

— Извините, очень спешу, справляйтесь без меня... Советую писать о бригаде Ставицкого.

Евгения Ставицкого — бригадира монтажников-высотников — мы застали в маленькой бытовке, птичьим гнездом примостившейся на бетонной опоре моста. Кончился обеденный перерыв, рослые парни, монтажники, покидали бытовку, на ходу затягивая широкие страховочные пояса. Потом я видел, как они с ловкостью цирковых акробатов поднимались по стальным фермам, устраивались в подвесных площадках на пятидесятиметровой высоте, чтобы ставить и крепить болты. Это очень ответственная работа: болты скрепляют металлические конструкции, из которых сооружается мост. В проекте амурского моста один миллион восемьсот тысяч болтовых соединений. Каждый болт монтажники должны не только поставить и затянуть, но еще и проверить специальным ключом под нагрузку в двадцать тонн.

Бригадир Евгений Петрович Ставицкий, дав необходимые распоряжения звеньевым, вопросительно взглянул на меня, как бы приглашая к разговору.

О себе Ставицкий рассказывал немного и неохотно. Ему тридцать шесть лет. Сюда, на Амур, приехал три года назад. До этого построил несколько мостов—на Волге, в Ярославле, в Костроме, в Лиепае, на Вахше. Он потомственный мостостроитель. С детства кочевал по стройкам вместе с отцом. Поживут на новом месте два-три года, поставят мост и снова в дорогу, к новой реке. Ставицкий-старший был бригадиром кессон-

О ВСТРЕЧНОМ

низация труда. Без кардинального улучшения всей экономической работы на предприятиях, без энергичного, творческого поиска резервов, без активного участия в этой работе всех тружеников не удастся разработать встречный план, во всяком случае, такой, за который коллективу краснеть не придется.

Однако анализ встречных планов за 1974 год и частично на 1975-й показывает, что в некоторых отраслях промышленности наблюдается ориентация в основном на количественные показатели. Мало было предложений по увеличению прибыли за счет снижения издержек производства, практически нет встречных планов по развитию действующих мощностей за счет организационно-технических мероприятий. Некоторые министерства и ведомства не проявили должной энергии, чтобы обобщить предложения предприятий, решивших ускорить освоение недавно сданных мощностей, увеличить выпуск новой техники, повысить качество товаров народного потребления. А ведь многие заводы поставили перед собой именно такие задачи.

Стремление оттянуть рассмотрение встречных планов не лучшим образом характеризует руководителей министерств — хотя таких и немного — и отнюдь не способствует развитию инициативы предприятий. На одной из сессий Верховного Совета УССР депутат В. А. Сологуб, председатель Украинского совета профсоюзов, говорил: «Более 300 коллективов республики разработали и приняли встречные планы. Они, как правило, превышают контрольные задания, установленные министерствами и ведомствами. Вместе с тем некоторые министерства, ведомства не рассматривают своевременно эти планы, хотя, казалось бы, они прежде всего должны быть заинтересованы в поддержке такой инициативы. Из 300 встречных планов, принятых на предприятиях на 1974 год, рассмотрена и утверждена лишь треть».

Как всегда, в большом деле бывают и недостатки. Иные руководители пытаются подменить творческую работу, лежащую в основе встречного планирования, формальным провозглашением встречного плана и при этом не всегда советуются с коллективом. В печати приводились примеры такой, с позволения сказать, «разработки» встречных планов. Так был принят встречный на московском заводе «Искра»: выполнили его уже в первом полугодии 1974 года. В прошлом году нескольких заводов и фабрик химической, нефтехимической и легкой промышленности приняли встречные планы, которые тоже были перевыполнены еще в первом полугодии. Здесь, очевидно, сказались ошибки планирования, недоучет мощностей предприятий—и в результате заниженные задания, а ими-то кое-кто из руководителей, мягко выражаясь, решил воспользоваться.

Конечно, встречный план весьма заманчив для каждого предприятия. Тут и моральные и материальные стимулы. Но к этой цели ведут трудные дороги, требующие большой организаторской работы как хозяйственных руководителей, так и партийных, профсоюзных, комсомольских организаций предприятия. Иначе нельзя. Необходимо вникнуть в работу каждого производственного звена, помочь любому рабочему найти резервы, вовремя поддержать инициативу передовика, рационализатора, добиться четкого, слаженного, ритмичного функционирования всего коллектива. Этот путь в наше время единственно правильный.

Бывает, что при разработке народнохозяйственных планов мощности некоторых заводов и фабрик не загружаются в полной мере. Почему? Главным образом из-за недостатка того или иного сырья, тех или иных материалов. Можно ли в таких случаях ставить в заслугу предприятиям выдвигаемый ими встречный план, который базируется на дополнительных материальных ресурсах, испрашиваемых из централизованных фондов? Конечно, нет. Более того, здесь явная несправедливость: завод, принявший такой «встречный», окажется куда в более выгодных условиях, чем тот, мощности которого по плану загружены более полно или даже напряженно. Если бы коллектив такого завода изыскал возможность увеличить выпуск продукции, снизив расход тех самых материалов, из-за которых, собственно, и сложилась недогрузка его станков, оборудования, вот тогда честь ему и слава! Это был бы творческий подход к делу, и за него надо поощрять — и морально и материально.

В документе, который я уже упоминал, прямо сказано, что при разработке встречных планов по увеличению производства основных видов промышленной продукции необходимо иметь в виду, что это увеличение должно достигаться, как правило, путем экономного использования выделенных материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Поэтому правильно поступают руководители министерств и ведомств, когда они не подтверждают встречные планы заводам, которые предъявляют счета, и не малые, на дополнительные ресурсы.

Я предвижу недоуменный вопрос некоторых читателей. Как же так? Встречный план — инициатива коллектива. А ее, оказывается, регламентируют, одобряют или отвергают «сверху»!

Да, встречный план, выдвигаемый тем или иным трудовым коллективом, обязательно должен быть одобрен соответствующим министерством, ведомством или Советом Министров союзной республики. Здесь не должно быть самодеятельности. Иначе действительно могут образоваться диспропорции. При увеличении выпуска продукции по встречному плану нужно строго учитывать: а требуется ли народному хозяйству или торговле то дополнительное количество машин, приборов, деталей или товаров народного потребления, которое предлагает предприятие. Нужны ли, выражаясь языком письма читателя, все те полтораста тысяч тракторных шин, которые планирует встречный?

В связи с этим нужно отметить важную организующую роль, которая принадлежит союзным министерствам, ведомствам, Советам Министров республик: они должны сбалансировать встречные предложения отдельных предприятий и производственных объединений, тщательно взвесив и возможности и потребности. И если министерство находит нужным, оно может выделить предприятию даже дополнительные ресурсы за счет своих централизованных фондов или же за счет координации встречных планов по отрасли и с другими отраслями.

Ну, а как быть коллективу в том случае, когда продукция его предприятия все же не требуется, даже если она будет выпущена за счет экономии ресурсов? В таком же положении может оказаться и коллектив отдельного цеха, участка на предприятии. Что же им не участвовать во всенародном движении за выполнение девятой пятилетки? Конечно, участвовать. Но иначе. У этих коллективов есть другой очень важный путь — поиск резервов повышения качества продукции, снижения издержек производства, ускорение освоения новой продукции, то есть все то, что характеризуется емкими словами — повышение эффективности производства. Такой встречный план поощряется не меньше, а даже больше.

щиков. Есть в мостостроении такая профессия. Точнее, была. Теперь кессонный способ применяется очень редко. Слишком тяжелый он и невыгодный.

— Мне повезло больше, чем отцу,— сказал Евгений.— Сейчас строить мосты гораздо легче. Здорово выросла техника нашего дела. Вот этот мост, например, стоит на сваях-оболочках, при установке которых применялось реактивное бурение.

В бригаде у нас пятьдесят человек, работаем по скользящему графику, то есть круглые сутки, звеньями. Мы применили метод Злобина. В общем, успешно. Только нам посложнее, чем злобинцам. Почему? Просто существуют проблемы, не зависящие от нас. Бывают, скажем, перебои с поставкой металла. Дело в том, что крупный мост строится дважды. Первый раз — на заводе мостовых конструкций в Воронеже, вторично — на реке. Но мы-то находимся далековато от Воронежа. БАМу нужна своя мостостроительная база — ближе к стройкам. Один лишь амурский мост, правда, он самый крупный на Байкало-Амурской магистрали, затребовал десять тысяч тонн металла. Вот и помножьте эту цифру на расстояние от Воронежа до Комсомольска.

Частенько выбивает нас из графика и стихия: амурские ветры порой неделями не позволяют вести монтаж. Такого моста в моей практике еще не было: ни дня без ветра. Но когда его сила достигает шести баллов, верхолазам работать запрещается. Нас ведь, как и летчиков, ежедневно проверяет медкомиссия. Высота есть высота, и верхолаз тоже ошибается только раз в жизни. Знаете, порой работаешь наверху, особенно во время ледохода, глянешь вниз, и вдруг возникает ощущение, что ты поплыл куда-то вместе с мостом.

Не знаю почему, но только амурский мост из всех, что я строил, самый дорогой для меня. Вообще это всегда радость — строить мост, соединять речные берега. Наверное, поэтому каждый мостовик немного романтик...

А потом Ставицкий рассказывал, как люди сутками не спали, спасая мост весной семьдесят третьего года, когда Амур давил на опоры, грозился смять плавучие средства и площадки, с которых велись работы. И как они оберегали свое детище в прошлом году, когда ураганный ветер сдвинул пролет весом в 1 150 тонн почти на семь сантиметров.

Сегодня над Амуром, покоясь на тринадцати опорах, уже стоят восемь пролетов по 159 метров каждый. А вскоре, завершив монтаж малых пролетов, строители перекинут через великую дальневосточную реку мост. Он соединит берега Амура, откроет БАМу выход к океану.

ИРЛАНДСКИЙ РЕПОРТАЖ

С НЕСКОЛЬКИМИ СЮЖЕТАМИ

Анатолий СОФРОНОВ

СЮЖЕТ ПЕРВОГО ДНЯ

Возвращаясь прошлой весной через Париж из Малаги, я не думал, что весной этого года мне с моими друзьями по Федерации спортивной прессы Советского Союза придется лететь в столицу Ирландии — город Дублин. Всегда оставалась эта страна в стороне от наших маршрутов. Только запечатлелось в сознании раннее туманное утро, когда двадцать лет назад мы летели из США, впервые побывав там в течение месяца. Уставшие и нравственно потрясенные тем, что увидели и испытали на американской земле, мы летели всю ночь над Атлантическим океаном и приземлились в Ирландии, а в каком городе, даже и не запомнилось. Самолет из Нью-Йорка вышел тогда значительно позже по тревожной причине. Один из американских самолетов перед самым нашим отлетом взорвался в воздухе на внутренней линии возле Денвера. Предприимчивый сынок для того, чтобы завладеть маминым наследством, сунул маме в чемодан взрывное устройство с часовым механизмом, аккуратно сработавшее в положенный срок. И мама и еще более ста пассажиров с экипажем самолета погибли. Потом, уже из газет, мы узнали, что преступление это было раскрыто и сынок получил по заслугам. Тогда же мы только было заняли места в самолете, как нас попросили вернуться в здание аэропорта. Затем через два часа снова посадили в самолет. Естественно, что чувствовали мы себя, летя в непроглядной тьме над океаном, не слишком уютно.

По всем наметкам, с которыми мы в прошлом году отбывали из Испании, конгресс Международной ассоциации спортивной прессы (АИПС), как и положено по уставу, должен был состояться в стране, где в 1976 году намечено проведение очередных Олимпийских игр. Но традиция эта оказалась нарушенной. Канадская ассоциация спортивной прессы сообщила, что из-за финансовых и организационных затруднений 39-й конгресс АИПС в Монреале она провести не может. Тогда при содействии президента Международного олимпийского комитета лорда Килланина проведение конгресса взяли на себя его соотечественники — спортивные журналисты Ирландии. Меня лично это сообщение не расстроило. Скорее даже обрадовало. Напряженная политическая жизнь Ирландии, острая классовая, сословная и религиозная борьба, не затихающая уже долгое время, естественно, привлекали внимание. Да и то, что при всех внутренних сложностях в стране с незаконченной национальной революцией идет настойчивая борьба за освобождение от английского владычества, естественно, всегда вызывало и вызывает наши симпатии.

Был, пожалуй, и еще один момент: прошлогодний, юбилейный конгресс АИПС (50-летие со дня основания) проходил в пригороде испанского города Малага. Нельзя сказать, чтобы он был безуспешен. Демократичный по составу и прогрессивный в решении ряда вопросов, сам конгресс оказался в не слишком благоприятной обстановке для его демократических начал. Может, особенно чувствовали это делегаты социалистических стран и те, кто представлял страны, борющиеся за свою независимость.

Говорят, спорт независим от политики. Что же, с этим можно, пожалуй, согласиться, но только в тот момент, когда спортсмены выходят на спортивные площадки и сооружения... В остальное время в мире, к сожалению, существует еще многое такое, что мешает стать международному спорту очищенным от различных наслоений.

Помня Испанию, каким-то седьмым чувством мы надеялись на то, что в Дублине будем дышать свободней, а хозяева окажутся гостеприимней, чем это было в Малаге.

Примерно с этими посылами мы и сели в самолет Москва — Лондон. Как всегда, в Москве что-то не успеваешь. Так и на этот раз я взял с собой новую рукопись «Команда» Ларисы Латыниной, уже дважды успешно выступившей в «Огоньке» в новом для нее амплуа спортивного литератора. Я хотел написать «журналиста», но остановился. Что-то было в рукописях Латыниной большее, чем обыкновенная спортивная журналистика. От страницы к странице рождались образы и характеры наших самоотверженных гимнасток, успешно защищавших спортивную честь Родины на чемпионатах мира, в различных частях света.

...Ровно через три с половиной часа по расписанию, с точностью до минуты, наш ИЛ-62 приземлился в лондонском аэропорту.

В паспорта легла печать о прибытии в Англию. Печать эта разрешала пролет и дальше, в Ирландию. Откровенно говоря, мы несколько удивились, так как в паспортах были визы, полученные нами в Москве, в посольстве Ирландии, где нам с гордостью сказали, что мы являемся первыми советскими гражданами, получившими визы на въезд в Ирландию независимо от английских виз.

Погрузив багаж на тележку, мы отправились в другой зал. Там ожидал меня мой старый друг, ныне работающий в Лондоне.

— А что же, сразу в Дублин? — спросил он разочарованно.

— На обратном пути сделаем остановку.

— Жаль, жаль...

— А что?

— Давно же не был в Лондоне.

Сдав чемоданы на дублинский рейс, мы присели напротив табло, которое должно было известить об отправлении нашего самолета. Рядом с нами на скамейке дремал человек в потрепанной одежде. Голова его мерно клонилась. Он вздрагивал, просыпался и снова окунался в дрему.

— Пьяный?

— Безработный. Их много в Лондоне.

Медленно передвигаясь, к нам приближалась, подметая пол, женщина. Лицо ее было смугло, глаза безрадостны.

— Она из Индии,— сказал друг.— Их много здесь.

— Но есть же свои безработные?

— Своим надо платить дороже.

Невольно вспомнился Париж. На одной из площадей мостовую подметал негр. Кто-то направил на него фотоаппарат. Негр закрыл лицо руками:

— Пожалуйста, месье, не делайте этого. Если мой снимок увидят в газете, меня выбросят с работы!

Одно и то же. Одно и то же... Нас порой обвиняют в желании тенденциозно показать социальное и расовое неравенство на Западе. А чего ж тут обвинять, когда и без обвинения все видно?!

Мы подошли к пестрому киоску. Все то же. Все то же. Детективы. Криминалистика. Откровенный секс и порнография...

— На Западе без перемен?

— Да, в общем, без особых... Если не считать политическую проституцию.

— Это еще что?

— Не что, а кто...

В здании раздался голос диктора. На табло зажегся номер нашего рейса.

— О ком речь?

— Ну, об этих диссидентах, что оказались на Западе.

Диктор повторил объявление. Мы направились к контролю.

— Вернешься... Расскажу об этом прохвосте Галиче и других. До встречи, брат.

Мы оказались в длинной металлической трубе. Возле невысоких скамеек стояли двое мужчин, чуть в стороне женщина. Все в служебных униформах. Мы открыли портфели. Пассажирки направлялись к женщине. Нас тщательно ощупывали. Карманы плащей, пиджаков, брюк. Мы летели в Ирландию, это чувствовалось.

Вскоре самолет поднялся. Под крыльями засияло Ирландское море. Солнечные лучи освещали облака. В самолете журчала какая-то мелодия. Напротив меня сидела уже поблекшая, но старательно молодящаяся женщина. Я смотрел на нее, раздумывая, кто она. Почему она так усиленно реставрировала свое — уже в безжалостных морщинах — лицо? Пока я размышлял, она поднялась и перешла на другое место.

Вскоре под нами замелькали серые, не очень высокие здания. Самолет пошел на посадку. А через несколько минут мы пожимали руки генеральному секретарю Ирландской ассоциации спортивных журналистов Шеймасу Мартину и пресс-атташе советского посольства Арнольду Буевичу.

...Прямая дорога с аэродрома вскоре уперлась в дорожную табличку. Налево стрелка указывала на Белфаст, направо — на Дублин. Буевич повернул направо. Начались окраины столицы Ирландии. А затем и центральные кварталы Дублина. Был час конца работы. Буевич тихо чертыхался:

— Больше двадцати миль нельзя ехать?! Как черепахи идут машины.

В одном месте он резко притормозил — дорогу переходили две монашки.

— С ними надо быть очень осторожными. Здесь с католиками шутить нельзя.

Когда машина подкатила к отелю «Берлингтон», пошел частый дождь. Подъехал и Мартин на своей маленькой машинке.

— Какой здесь климат?

— В Ирландии климата нет,— улыбнулся Мартин.— В Ирландии бывает только погода. Устраивайтесь,— сказал Мартин.— Через час-полтора я зайду за вами. Пойдем в паб [1].

И хотя это был очень длинный день (прибавилось еще два часа), мы отправились в пивную — место, где коротают вечера ирландцы. В пабе было многолюдно и дымно. Все столики заняты. За стойкой бармен бойко наливал кружки пива, бокалы виски и джина.

— В Ольстере опять бросили бомбу в пивную,— сказал Мартин, просматривая вечернюю газету.

— Это бывает только в Ольстере?

Мартин покачал головой:

— Бывает и у нас... Только реже.

Без десяти десять зазвонил звонок. Паб закрывался.

— До завтра,— сказал Мартин, прощаясь с нами возле отеля,— мне еще в газету.

В номере я достал опубликованный в трех номерах «Иностранной литературы» роман Джеймса Олдриджа «Горы и оружие». В Москве я не успел его дочитать. Жизнь одного из интереснейших людей периода последней войны, Мак-Грегора, и других героев, описанных Олдриджем в романе «Дипломат», продолжалась в его новом романе. В этой книге Мак-Грегор вплотную занимался курдской проблемой. Роман был сложным, как и сама жизнь. Джеймс Олдридж, с которым судьба впервые свела меня в 1944 году под Москвой во время проводов на фронт сформированного на нашей земле югославского подразделения, всегда был интересен для нас знанием жизни, тонкой психологией образов. В Москву дошел слух, что он закончил новую книгу, как бы продолжающую публиковавшуюся в «Огоньке» повесть «Спортивное предложение». «Обязательно повидаю его в Лондоне на обратном пути»,— сказал я сам себе, гася лампу и тем самым заканчивая этот длинный первый день, который коротко можно было обозначить двумя словами Москва — Дублин.

СЮЖЕТ СО СПОРТИВНЫМ НАЧАЛОМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ ОКОНЧАНИЕМ

В утреннем номере дублинской газеты под заголовком «Валлийцы будут играть в Белфасте на своих собственных условиях» я прочел:

«Футбольная сборная Уэльса согласилась провести матч на чемпионат Англии со сборной Северной Ирландии на стадионе в Белфасте на своих собственных условиях.

Вот эти условия:

— сохранение прекращения огня,

— все зрители, выходящие на футбольное поле, должны быть проверены полицией,

— должная охрана команды в аэропорте и гостинице,

— команда Уэльса отказывается проводить ночь на территории Северной Ирландии».

Прочел эту заметку и вспомнил фразу, сказанную одним из наших первых собеседников: «Мы спим рядом со слоном». Но, оказывается, и слон тревожится. И даже весьма тревожится. Но футбол есть футбол. Страсти-мордасти, которые разыгрывались на наших глазах на различных стадионах мира, были в памяти. И все же здесь было другое. В Белфасте и Ольстере все время взрываются бомбы и раздаются выстрелы, уносящие из жизни людей. Но это в Северной Ирландии. Здесь все же было потише...

Откровенно говоря, мы с уважением относились к ирландскому футболу. На памяти еще был крупный проигрыш нашей сборной команде Ирландии. 3 : 0. Грустный счет. Поэтому, когда в полдень позвонил Арнольд Буевич и сказал о том, что нас приглашают на футбольную встречу ирландской и нашей команд, мы ответили не сразу.

— Какая еще наша команда?

— С корабля «Иршалес».

— Что-что?

— В порту сейчас находится советский сухогруз «Иршалес». Ирландцы пригласили их сыграть в футбол.

— Какой футбол? У них же все время под ногами палуба?! Они же проиграют.

— В этом можно не сомневаться,— сказал бодро Буевич.— Одним словом, я заезжаю за вами в четыре часа.

В трубке послышались частые гудки.

Около четырех часов Буевич появился в отеле.

— Поехали,— сказал он.

Сопротивляться было бесполезно.

— Читайте,— сказал он, разворачивая вечернюю газету.— Читайте и не волнуйтесь. Наше поражение обеспечено. Но дружба от этого выигрывает.

— Ну, знаете...

— Я все знаю,— тоном, не допускающим возражений, проговорил Буевич.

Пока Буевич колесил по улицам Дублина, разыскивая въезд на стадион, мы осваивали информацию в газете «Ивнинг геральд»:

«Футбольный матч между служащими ирландских фирм и русскими.

Сегодня вечером между ирландцами и русскими состоится футбольный матч.

В матче, который будет носить дружеский характер, примут участие служащие экспедиторского агентства «Джордж Белл энд К°» и русская команда, составленная из моряков советского судна «Иршалес».

Вот что сказал Кристофер Муллиган из компании «Джордж Белл»: «Мы хотим показать, что в отношении этих ребят у нас самые добрые намерения, основанные на личной симпатии. У нас работает один русский, и он великолепный парень».

— Арнольд, это сладкая пилюля, не больше.

— Приехали,— сказал Буевич, когда машина вкатилась в какие-то ворота и перед нами открылось несколько футбольных площадок. Возле небольшого домика, ежась от холодного ветра, стояли девушки и юноши.

— А где зрители?

— Это и есть зрители...

— А кто этот один русский, которого они называют великолепным парнем?

— Капитан Валерий Петрович Прозоров.

— Он тоже будет играть?

Буевич снисходительно посмотрел на нас.

— Играть будет капитан судна Анатолий Дементьев. Прозоров является представителем Англо-советского пароходного общества.

К этому времени из домика вышли обе команды. В зеленых футболках — ирландцы, в красных — наши.

Началась игра. Мы стояли на бровке футбольного поля, грустно смотря на то, как один за другим в наши ворота залетели четыре мяча. Перед перерывом все же и в ворота ирландцев влетел мяч. Это несколько подбодрило нас. Вскоре в наших воротах оказался еще один мяч. Мы укоризненно смотрели на Буевича.

— Все идет великолепно,— покачал он головой.— Выигрыша я вам не обещал.

— Хорошо, что еще играют по тридцать минут.

Веселые и возбужденные, мимо нас проходили футболисты, наши и ирландцы.

— Вы видите, в каком прекрасном настроении моряки! — воскликнул Буевич.— Сейчас будет перелом. Я предсказываю.

Что случилось дальше, трудно было объяснить, но второй тайм был уже несколько другим. Наши наступали, ирландцы отыгрывались. И хотя счет во второй половине оказался ничейным, 2 : 2, настроение у моряков действительно было отличным.

К нам подошел один из руководителей ирландской фирмы.

— Приглашаю вас на встречу работников нашей компании и команды вашего корабля.

В конторе мы познакомились и с Валерием Прозоровым и с капитаном «Иршалеса» Анатолием Дементьевым.

— Как чувствуете себя? — спросил я Дементьева.

— Несколько лет не играл,— ответил, смущенно улыбаясь, Дементьев.— Но если пригласили... Что было делать? Честно говоря, к концу первого тайма мне было так плохо, что впору было уйти с поля. А во втором ничего. На собственной практике узнал, что такое второе дыхание.

Пока наши моряки и хозяева стучали бокалами виски и пива, я смотрел на доску объявлений, где висели приказы и служебные распоряжения, в которых строго указывалось служащим конторы, чтобы они во время работы не отвлекались посторонними вещами, не занимали рабочее время разговорами и не задерживались в туалетах...

Вместе с Прозоровым к нам подошел уже немолодой, с обветренным лицом человек.

— Познакомьтесь,— сказал Прозоров.— Это директор фирмы Джон Коллинз.

— Мы все более убеждаемся, что с русскими можно сотрудничать. Как вы считаете? — обратился Коллинз к Прозорову.

— Мы считаем, что ваша компания деловая.

— Не только на футбольном поле? — не удержался Коллинз.

— В деловых отношениях никто не проигрывает,— улыбнулся Прозоров.— А в футболе счастье переменчиво.

— Согласен с вами,— серьезно ответил Коллинз.

— Давно существует ваша компания?

— Наша компания создана в 1858 году. Начала свою деятельность с импорта лесоматериалов. В настоящее время десять компаний входят в группу «Джорджа Белла». За последние 12 лет она получила значительное развитие. Отделения группы имеются в крупных портах Великобритании и Западной Европы: Белфасте, Дюссельдорфе, Глазго, Лондоне, Манчестере, Мидлсбро, Ньюпорте, Роттердаме, Стокгольме... И, конечно, в Ирландии — Дублине, Корке, Лимерике, Уотерфорде. Две компании занимаются погрузкой и выгрузкой судов в порту Дублин.

— Большой оборот?

— Немалый. Чем активней торговля, тем лучше нашим народам.

— В Советский Союз не собираетесь?

— Собираюсь. Много слышал о вашей стране. Во время войны был летчиком в английских частях. Сопровождал суда в Северной Атлантике. Участвовал в операциях против немецких подводных лодок. Воевали недаром.

---

[1] Паб — пивная.

Мы вышли на пустынную улицу.

— Поедемте к нам,— сказал Дементьев.— За хороший чай ручаюсь.

Вскоре мы оказались в капитанской каюте «Иршалеса».

Пока собирался стол, я попросил Прозорова рассказать, как развиваются торговые связи с Ирландией.

— В мае 1971 года был заключен договор об обслуживании советских судов между «Джордж Белл» и Англо-советским пароходным обществом. Основная задача агентского отдела состоит в быстрой организации обработки судов, выполнении портовых формальностей, защите интересов судовладельцев, связи с фирмами, которые имеют отношение к судну и грузу на нем, иначе говоря, сервис с минимумом затрат времени и средств, с чем агентство успешно справляется. В прошлом, 1974 году было обслужено 32 судна, а за первые 3 месяца текущего — 12.

— А что за судно «Иршалес»?

— Теплоход «Иршалес»,— сказал Дементьев,— имеет водоизмещение 5 тысяч тонн и принадлежит Северному морскому пароходству... Короче говоря, оно из Архангельска.

— Давно «Иршалес» здесь?

— Прибыли несколько дней назад с грузом пшеницы из Бельгии. Зимой судно занято перевозками различных грузов, как советских, так и иностранных, в районы Западной Европы, а летом на перевозках лесоматериалов из портов Советского Севера на экспорт.

Я снова обратился к Прозорову:

— Какая у вас лично задача в Дублине?

— Моя задача — улучшение обслуживания советских судов в Ирландии.

Еще во время игры я обратил внимание на седого человека, ходившего вдоль кромки футбольного поля с фотоаппаратом. Здесь, в капитанской каюте, нас познакомили. Это был первый помощник капитана Петр Степанович Иглин. Он был молчалив и сосредоточен и там, во время игры, и здесь, в каюте. И все же что-то было в его глазах такое, что заставило меня задать ему вопрос, давно ли он плавает.

— Еще до войны.

— Он в плену у Франко был,— сказал Прозоров.

— В плену?!

— В плену не в плену, а в тюрьме двадцать два месяца и пятнадцать дней у Франко просидел. Захватили тогда наш транспорт «Смидович», а нас в тюрьму... Но потом под нажимом вернули на Родину.

— А сами откуда?

— Из Архангельска...

— Скучаете в плавании по родному городу?

— А как же, Архангельск — такой прекрасный город...

Уже была ночь, когда мы, спустившись по трапу на камни пристани, попрощались с добрыми хозяевами и отправились в отель.

Дул ветер. На улицах было сыро и пустынно. В памяти мелькали события прошедшего дня. Я развернул газету. В ней было еще одно сообщение, имевшее отношение к футболу:

«Перенесение места встречи может повысить транспортные расходы.

Перенесение места встречи между сборной Ирландии и сборной СССР из Москвы в Киев может повысить транспортные расходы для 400 ирландских болельщиков, собирающихся присутствовать на матче. Встреча проводится в рамках футбольных игр на Кубок кубков европейских стран. При общей стоимости недельной поездки в 195 фунтов стерлингов дополнительные расходы в связи с перенесением места встречи не превысят 2 фунтов. Русские попросили об изменении места встречи в связи с тем, что команда составлена в основном из киевских футболистов».

Конечно, футбольные болельщики Ирландии приплатили бы не только два фунта, чтобы увидеть еще раз, как ирландская команда выигрывает уже на киевском стадионе. Но все же нам проигрывать не стоило. Для нас проигрыш в Киеве стоил бы много дороже двух ирландских фунтов.

К счастью, этого не произошло.

СЮЖЕТ СО СКАЧКАМИ, ТЕАТРОМ И ДРАМАТУРГИЕЙ

Вместо деревенских петухов по утрам нас будят ночующие на крыше отеля большие горластые чайки. Их голоса сквозь стекла проскальзывают в номер, и — хочешь не хочешь — ты понимаешь, что, несмотря на муть за окном, день начался.

Члены исполкома АИПС только собираются. Поэтому можно ходить по старому Дублину. Смотреть на его весеннюю жизнь. На лохматых молодых людей с иссиня-бледными лицами. На продавщиц, в белых кулечках предлагающих цветы неторопливым прохожим. На уток, что плавают в небольших, окаймленных камнем прудах. На детей, которые носятся после школы по парку, а затем завороженно смотрят на тянущихся к ним за питанием сварливых уток.

Жизнь города можно более или менее подробно увидеть, только если ты бродишь пешком. Тут заметишь анонс о приезде в Дублин ансамбля песни и пляски из Литвы и вспомнишь, что информацию об этом уже прочел в газете:

«Ожидают, что фестиваль народной песни и танца в Корке будет самым крупным.

Несмотря на отрицательное воздействие волнений в Северной Ирландии и растущих транспортных расходов, 22-й Международный фестиваль народной музыки и танца в Корке, который начнется в мае, будет самым большим. Число заявок достигло 73 — на 22 больше, чем в прошлом году. Ожидаются труппы из России, ФРГ, Болгарии, Австрии, Румынии, Голландии, Англии и Северной Ирландии.

Директор фестиваля, профессор Алоиз Флейшман, призвал жителей Корка «открыть двери» для 350 певцов и танцоров из стран Восточной Европы. Будут соревноваться 6 тысяч участников, включая 28 школьных хоров. Самая большая трудность состоит в том, чтобы разместить все 73 группы. События в Северной Ирландии сказались на уменьшении числа групп из Северной Ирландии и Англии».

Вообще, судя по объявлениям в газетах, в Дублине была активная театральная жизнь.

«Что показывают в театрах»:

«Мисс Джулия» — непродолжительная, эмоциональная связь между невротической девушкой и слугой ее отца. Роли исполняют Мэйр О'Нейл и Патрик Бедфорд. Театр «Гейт».

«Двенадцатая ночь» — молодые актеры театра «Пикок» с блеском играют в комедии Шекспира. Роли исполняют Дейрдр Донелли, Десмонд Кейв, Федейма Каллен, Бор Карли и другие.

«Радость на двоих» — два часа непрерывного смеха с Розалин Лайнхэн и Дес Кеогом. Театр «Эблана».

«Великий Рим» — великолепная комедия в манере Оскара Уайльда и Бернарда Шоу о конце Римской империи. «Проджект».

«Кокс и бокс» — комическая оперетта (музыка Салливена); показывается в «Проджекте» в дневное время.

«Семь ступеней Анны» — пьеса о карьере Анны Манахэн в дублинских театрах.

«Весенняя лихорадка» — шоу, ведущие — Мартин Кросби и Крис Кейси; показывается в «Клонтарф касл».

Пьеса Мольера в Голуэе.

Зрительный зал в «Джезуит холл» был почти полон, когда Ирландский театр показывал премьеру «Скупого». Даже 40-минутное отключение электричества не испортило настроение публике. В городе Лимерике, в котором, кстати, последние 5 лет проводились театральные фестивали, труппа встретила более чем прохладный прием. Зал городского театра был почти пуст.

«Спасти театр «Олимпия». Сесиль Шеридан, член комитета за спасение «Олимпии», благодарит всех, кто оказал какую-либо помощь в проведении в помещении театра «Эблана» концерта в пользу театра «Олимпия». То, что вечер принес театру 2 тысячи фунтов стерлингов, свидетельствует об озабоченности ирландцев состоянием театров в стране. Мы помним, пишет Шеридан, что случилось с театром «Ройял», театром «Куинз» и театром «Кэпитол». Этого не должно случиться с «Олимпией».

Правда, в театральной жизни здесь также устанавливались свои «рекорды». Та же газета сообщала о том, что

«в «Либерти холл» была показана театральная программа из ряда пьес, особенность которой заключается в том, что она шла... 24 часа подряд. Программа носит название «Безостановочное Коннолли-шоу». В течение всего «действия» актеры дважды уходили спать».

И тут же следовало сообщение о том, что «в театре «Эбби» показывается пьеса Шона О'Кейси «Пурпурная пыль».

«Пурпурная пыль»? Шон О'Кейси? Как бы посмотреть пьесу, с автором которой двадцать один год назад я познакомился на юге Англии?

Я высказал свое желание Буевичу.

— Что же,— сказал он,— это очень даже просто. Сегодня после обеда вы познакомитесь с двумя интереснейшими людьми Ирландии: Фрэнком Эдвардсом, генеральным секретарем общества дружбы «Ирландия — Советский Союз» и профессором Роджером Мак-Хью.

Время бежало не слишком быстро, я включил телевизор. Как включил, так больше уже и не мог оторваться. На экране разворачивалась эпопея происходивших в Ливерпуле скачек.

Вначале были скачки обычные. Несколько заездов. Но видно было, что они не главные. На трибунах зрители сидели спокойно, изредка поглядывая на часы. Всегда интересно смотреть на скачущих лошадей. Есть что-то в этом такое, что относит и тебя к тем далеким дням, когда и ты мальчишкой, правда, не столь классически, мчался, пригнувшись к холке коня, по донской степи, поил коней, ласково похлопывая их по вздрагивающей рыжеватой шерсти.

...Голос диктора достиг зенита. Более тридцати всадников выстроились на старте. Прозвучал гонг. Кони и наездники плотной массой двинулись по скаковой дорожке. Появляются перед скачущими первые барьеры. Барьеры высокие. Не каждый наездник брал барьер. Возле барьеров оставались лежать жокеи, сжавшись, закрыв голову руками, или в лучшем случае, согнувшись, отбегали в сторону и там валились на траву. К ним спешили люди с носилками, мчались автомашины с красными крестами. Но при всей жалости к упавшим самым интересным все же было другое: без всадников кони мчались дальше, брали барьеры, и только некоторые из них где-то между барьерами, видимо, по зову со стороны, а может, и сами отворачивали и останавливались. К ним подбегали люди в таких же жокейских костюмах и осторожно брали под уздцы.

А скачка шла все дальше. И невозможно было оторваться от экрана. Пошел последний круг. Наездников осталось совсем немного. Меньше половины. Они вытянулись цепочкой. А на последней прямой вперед вырвался один жокей и под свист, крики, звон гонга пересек линию финиша...

Все было кончено. Я заторопился к лифту.

Внизу увидел Буевича и стоящего рядом с ним седого, с голубыми детскими глазами человека.

— Это и есть Фрэнк Эдвардс,— сказал Буевич.

— Да, это и есть Фрэнк Эдвардс,— без особых усилий выговаривая отдельно все слова по-русски, повторил седой человек, протягивая мне руку.

— Профессор ожидает,— сказал Буевич.

Это был какой-то особый день. Ярко светило солнце. Было тепло. Казалось, что сейчас не поздняя весна, а середина доброй осени. Только не было желтизны и золота на деревьях.

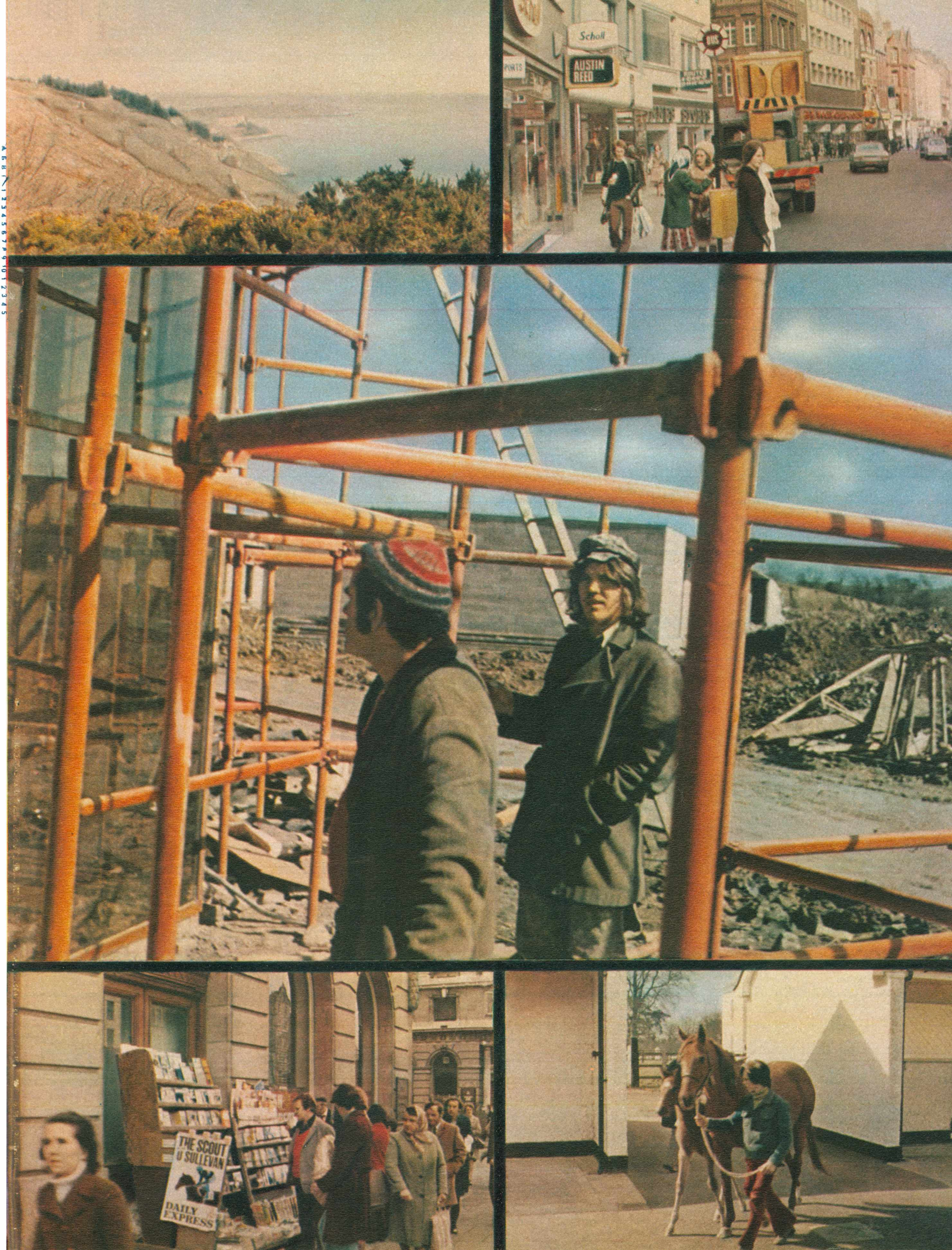
— Фрэнк самостоятельно изучил русский язык. Как контрольную фразу он произносит «Мой дядя самых честных правил». Можете, Фрэнк? — обратился Буевич к Эдвардсу.

— Могу, но сейчас не хочу. Мне с вами придется быть переводчиком для товарища Софронова. Тогда и проверим мои способности.

Побережье Ирландии. * На одной из центральных улиц Дублина. * Ирландские строители. * Последние новости. * Выводка лошадей.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Дублин. Памятник Томасу Муру. * Будущее Ирландии. * Парус надежды.

Scholl
AUSTIN REED
THE SCOUT
O'SULLEVAN
DAILY EXPRESS

Но Пушкина я люблю,— так же отдельно выговаривая слова, сказал Эдвардс.

— Фрэнк сражался в Испании в рядах республиканцев и был ранен,— продолжал Буевич.

— Да, да,— подтвердил Эдвардс.— Лежал в Мадриде в госпитале. Не все ирландцы были на стороне республики. Шестьсот человек ходили в голубых мундирах, сражались на стороне Франко. Но и на стороне республики было много ирландцев. Мы были в разных соединениях. Шестьдесят семь ирландцев были убиты с нашей стороны.

— Встречались в Испании с русскими?

— Да, но только уже в госпитале.

Тихим кварталом мы подъехали к серому каменному забору, из-за которого виднелся двухэтажный дом. Войдя во двор, в окне увидели профессора. В сопровождении двух собачек он появился на крыльце.

Профессор был возбужден.

— Знаете, приятная новость,— сказал он.— Только что закончились скачки... Впервые после 1958 года ирландский скакун и жокей Томми Карбери добыли для Ирландии первое место на Великих национальных скачках, обойдя на пятнадцать корпусов двукратного чемпиона Реда Рама. Для нас, ирландцев, огромная радость. Выиграла национальный приз ирландская лошадь... Вы не смотрели?

— Смотрел...

— Представляете... Со старта ушла тридцать одна лошадь, а к финишу доскакали всего десять... И первой среди них — ирландская лошадь.— Профессор Мак-Хью застенчиво улыбнулся.— Вам это странно слышать, а для нас радость... Что же вас интересует? — сказал он, усаживаясь поудобней в кресло.

— Вы, наверно, знаете русскую драматургию?

— Да, конечно... Островский... Горький... Чехов... «Три сестры», «Вишневый сад»... «Вишневый сад» ставила у нас Мария Кнебель. Это был прекрасный спектакль. А кого из драматургов любите вы? — неожиданно спросил меня профессор.

Кажется, мы начинали с ним меняться ролями.

— Шекспир и Островский.

— Значит, не только русские?

— А почему должны быть только русские?

— А Чехов и Горький? — Профессор пытливо смотрел на меня.

— И Чехов и Горький... И Гоголь.

— Да, да, «Ревизор» — великая комедия... У вас прекрасный театр... Когда я был в Советском Союзе, слышал, что у вас развито не только профессиональное театральное искусство. Есть еще...— Профессор вопрошающе посмотрел на Эдвардса.

— Самодеятельное искусство,— сказал Эдвардс по-русски и перевел эти слова на ирландский.

Мак-Хью утвердительно кивнул головой:

— Я много слышал о нем. Вы драматург... Фрэнк рассказывал мне об этом. Вы связаны с этим искусством?

Я все больше втягивался в ответы.

— Связан.

— Могли бы привести какой-либо пример?

— Конечно... Один из многих. В Оренбургской области есть село Богдановка. Обыкновенное село. Там школа... Обычная сельская школа. В этой школе работают энтузиасты театральной самодеятельности. Одна из них — учительница русского языка и литературы Галина Сюряева... Они играют пьесы советских драматургов.

— Вы знакомы с этой учительницей?

— Да. Она приезжала в Москву.

— Они играют и ваши пьесы?

— Да, в основном комедии.

— Вы счастливый человек...— Профессор покачал головой.— К сожалению, таких явлений у нас нет. Раньше были, сейчас почти нет. Но театры в Дублине хорошие... Вы еще не были?

— Еще нет.

Профессор обратил взгляд на Эдвардса.

— Это у нас впереди,— ответил Эдвардс.— Я думаю, надо посмотреть «Пурпурную пыль». Она только пошла.

— Да, обязательно. В этом театре чтят Станиславского. Я помогаю им, когда это требуется. Да, вспомнил... Лет двадцать назад был один студенческий театр. Они ставили «На дне»... Так вот человек, игравший Сатина, сейчас генеральный секретарь наших профсоюзов... Рори Робертс... Вспомнил... Он не только играл, но и ставил этот спектакль. Вы можете с ним встретиться...

— Играли ли здесь советские пьесы?

— Да... Что-то Погодина... Потом Рахманова... Интересная пьеса об ученом.

— «Профессор Полежаев»?

— Да, да...— Профессор застенчиво улыбнулся.— Конечно, я лучше знаю нашу литературу... Шоу, Джойс, Оскар Уайльд... А кто из современных английских драматургов популярен в Советском Союзе?

— Некоторое время был Пристли. Шло несколько его пьес... Но все так же Шоу...

— Да, я слышал, на сцене Малого театра шел спектакль «Пигмалион». Играла ваша прекрасная актриса...

— Дарья Васильевна Зеркалова.

— Когда я был в Москве, видел в одном театре «Шоколадный солдатик». Очень хорошо была поставлена пьеса. Имя режиссера не осталось в памяти.

— Борис Равенских.

— Если увидите, передайте ему, что один старый профессор из Дублина, который хорошо знает и любит Шоу, с удовольствием смотрел его спектакль... Между прочим, и это, кажется, точно, у актрисы, которая играла в «Пигмалионе»...

— Дарья Зеркалова...

— Были письма от Шоу.

— Не знаю.

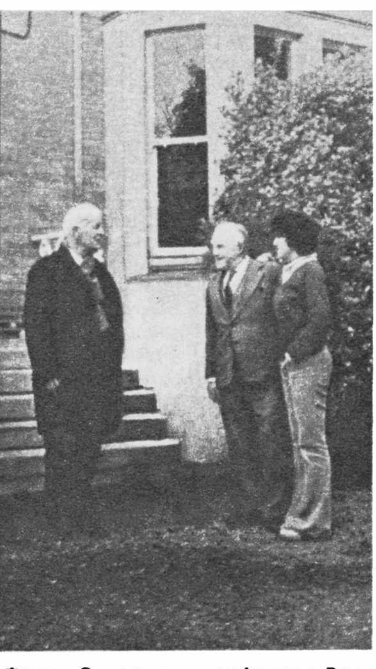
— Поинтересуйтесь... Как известно, письма Шоу — это особый вид литературы.

— Они изданы у нас.

— Прекрасно... Кстати, кто играл Хиггинса?

— Прекрасный актер и режиссер Константин Александрович Зубов. Он же и ставил этот спектакль.

— Жаль, не пришлось повидать... Но все остальное я запомнил. Это было зимой. Москва в снегу... Вы, назерно, сами не оцениваете, как это красиво. Меня потрясла Красная площадь. Ведь я не просто был туристом. В Московском университете я еще прочел лекцию о Джонатане Свифте... Как раз праздновали трехсотлетие со дня его рождения. В Ленинграде я был в школе, где преподавание ведется на английском языке. На английском языке я слышал рассказ об осаде Ленинграда. Этот рассказ оставил потрясающее впечатление... Еще запомнился военный музей и все, что совершил ваш герой генерал Карбышев... Был я и в Союзе писателей. Ваши писатели имеют прекрасные условия для работы... Квартиры... Дачи...

Фрэнк Эдвардс и профессор Роджер Мак-Хью с дочерью Ниаф.

— Дача еще не все решает.

Мак-Хью мягко улыбнулся:

— Да, да... Действительно... Мне рассказывали об одном нашем писателе. Жена построила ему дачу, а он после этого перестал писать...

Открылась дверь, в комнату вошла черноволосая девушка в голубых джинсах.

— Моя дочь Ниаф,— сказал профессор.

— Я не говорю по-русски,— кокетливо проговорила Ниаф.

— Она изучает немецкий и итальянский языки.

В кабинете висел портрет красивой женщины в красной одежде.

— Моя жена Патриция, но ее нет дома...

...— Правда, хороший человек? — спросил Эдвардс, когда мы возвращались в отель.— Понравился вам?

— Очень понравился.

— Мы с ним давние друзья,— с гордостью проговорил Эдвардс.

...Через день мы отправились в профсоюзный офис. В небольшом двухэтажном доме шел ремонт. На лестнице пахло краской, свежими стружками и известью. Мы вошли в кабинет Робертса. От заваленного бумагами и книгами стола поднялся человек с усталым лицом.

Буевич коротко рассказал о цели нашего визита.

— Театр?! — как о чем-то очень далеком проговорил Робертс.

— Профессор Мак-Хью сказал, что вы лет двадцать назад ставили «На дне» Горького и играли роль Сатина.

— Ах, Горький! — воскликнул Робертс.— Было... Было... Очень давно... Тогда я еще был никто в рабочем движении. Конец сороковых... Пожалуй, самое начало пятидесятых годов... Образовался прогрессивный «Новый театр». Это была первая его постановка. Надо сказать, русская литература оказала большое влияние на ирландскую... Чехов, Достоевский... Позже «Тихий Дон» Шолохова... Собралось нас человек тридцать... В ту пору было очередное наступление реакции. Давление не только на рабочий класс,но и на средние слои. Обстановка была благоприятной...

Я почувствовал, еще мгновение — и Робертс перейдет на более близкую для него тему.

— А почему вы поставили спектакль?

— В ту пору я был безработным.

— А до этого?

Робертс наморщил лоб.

— Учился.. Но жить было не на что. Кое-как подрабатывал, писал для радио... Для журналов.

— А как оказались в профсоюзах?

Робертс оживился:

— Был активным функционером лейбористской партии в корпорации развития торфоразработок. Работал счетоводом. В ту пору произошло разделение профсоюза. Я решил выдвинуть свою кандидатуру, а меня неожиданно избрали.— Робертс остановился, смотря на нас.— А потом так и задержался на этой работе. У нас ведь основная борьба экономическая...

— Успешно ли идет эта борьба? (Я понимал, что театральная тема уже покинула моего собеседника.)

— Пока мы были разъединены, дело шло не очень успешно. В 1959 году профсоюзы снова объединились, и дело стало лучше.

— Сколько же членов профсоюза вы объединяете?

— Конгресс объединяет более пятисот тысяч... Нельзя сказать, что все гладко. Но отдельные профсоюзы организованы хорошо. Правда, у нас большое количество мелких профсоюзов, вынужденных конкурировать между собой. И все же с 70-го года конгресс стал ведущей

За поворотом отель «Берлингтон». * Через дорогу. * Фаворит. * Перед уходом в море. * Ссора...

силой в рабочем классе. Последнее соглашение с предпринимателями как-то регулирует соотношение цен и зарплату... Конечно, эти соглашения не ведут к изменению социальной структуры страны.

По совести говоря, эти вопросы были для меня более сложными, чем тот, из-за которого я появился в кабинете Робертса. Я не стал вдаваться во все подробности экономической борьбы ирландских профсоюзов, тем более что местные газеты пестрели сообщениями о тяжелом положении трудовых классов страны.

— Связаны ли вы с советскими профсоюзами?

— Да... Как раз на исполкоме обсуждали вопрос о поездке в Москву трех наших представителей для изучения вопросов социального обеспечения в Советском Союзе... Дружеские отношения установились у нас уже много лет назад... Я был в СССР дважды. Первый раз в пятидесятом году. Второй в шестьдесят шестом. Кроме Москвы, еще и в Ленинграде, Иркутске, Братске, Сочи... Кстати, был в Художественном театре. Почему-то переводчик привел меня на «Марию Стюарт». Я знал Художественный театр как чеховский, а оказался на Шиллере.

...На спектакль «Пурпурная пыль» по пьесе Шона О'Кейси мы должны были отправиться вдвоем с Эдвардсом. Я еще не знал, каким видом транспорта мы доберемся туда, но пришел Эдвардс, предложил перекусить, а затем прогуляться до театра пешком.

За чаем Эдвардс спросил меня:

— Какое впечатление произвел Робертс?

Я пожал плечами:

— По-моему, приличный человек.

— Это вы говорите так потому, что у нас профсоюзы ведут только экономическую борьбу? О профессоре вы говорили более определенно.

— С профессором у нас оказалось больше совпадений во взглядах.

— Робертс — хороший человек. Очень помогает нашему обществу... Когда вернулся из Советского Союза, много доброго рассказал на профсоюзных собраниях. Конечно, работа есть работа... И как вы, наверно, успели заметить, страна наша ведет тяжелейшую борьбу за национальное освобождение, а это в условиях почти полного экономического да еще и политического подчинения Англии не так просто. Вы видели на стенах надписи: «Нет — Европейскому сообществу»?

— Да, конечно.

— А за вхождение в него голосовало пять против одного. Поскольку пресса в руках сторонников сообщества да и Вильсон, став премьер-министром Англии, поддерживает сообщество, то, видимо, так все и будет... А жить, между прочим, стало много тяжелей... Вот один из примеров.— Эдвардс развернул первую полосу газеты. На ней во всю ширину был снимок, на котором виднелись шхуны, лодки, и катера, стоявшие вплотную друг к другу,— протест против завоза в Дублин товаров из других европейских стран.

За чаем и разговорами мы не заметили, что время подходило к началу спектакля. Вскочив в двухэтажный автобус, мы едва успели к началу.

— Не переводите мне ничего,— попросил я Эдвардса.

— Но вы же ничего не поймете.

— Зрители не любят, когда рядом кто-то бормочет. Чего не пойму — спрошу потом.

Пока не открылся занавес, можно было рассмотреть зал нового, недавно построенного театра.

«Пурпурная пыль» — сатирическая комедия, острие которой направлено против малограмотных и малокультурных, тянущихся за модой английских нуворишей, приобретающих особняк в сельской местности. Пьеса шла в сопровождении двух гитаристов, которые перед каждым песенным номером появлялись на авансцене. Актеры играли отлично, остро, с тем преувеличением, которое всегда характеризует работу талантливого режиссера, ставящего сатирическую комедию.

В антракте к нам подошел и сам постановщик спектакля художественный директор театра Томас Маклина, внешне напоминающий главного режиссера Киевского театра имени Леси Украинки Владимира Ненашева.

Шон О'Кейси. «Пурпурная пыль». Сцена из спектакля.

— О впечатлении мы спросим в конце спектакля,— сказал он.

— Песни к спектаклю писал сам О'Кейси?

— Да, когда посмотрел в Ливерпуле спектакль, он дописал по просьбе театра стихи.

Так же весело, как спектакль начался, так и закончился, собрав в финале много аплодисментов. Несколько раз поднимался занавес. И зрители и артисты были довольны.

Вместе с Томасом Маклина мы отправились за кулисы, где сидели уже разгримированные актеры, обсуждая планы завтрашней работы...

Наверно, больше меня был доволен Эдвардс. Прощаясь, он сказал:

— Если б не вы, и я б не посмотрел спектакль. Эту пьесу можно поставить в Москве? Как думаете?

— Думаю, что можно. Московские зрители любят сатирические спектакли.

— Скажите в Москве об этом.

— Скажу.

Я не стал беспокоить своих товарищей, вернувшихся с какого-то пивоваренного завода, куда все мы были приглашены на дегустацию ирландского пива, а отправился прямо в номер и, механически включив телевизор, вдруг увидел все те же скачки, прошедшие уже три дня назад. Снова мчались кони. Перед ними вырастали барьеры. Срывались с седел жокеи. Бежали люди с носилками... И все мчались и прыгали через барьеры кони, в седлах которых уже не было всадников. И невольно подумалось: вот так же и пьесы настоящих драматургов — и хозяина уже нет в седле, а они, как хорошие кони, все мчатся, берут барьеры, заставляя сжиматься сердца зрителей.

И снова пришло на память посещение Шона О'Кейси в мае пятьдесят четвертого года, когда мы вместе с работником советского посольства в Англии С. Кондрашовым подкатили к каменному серому забору...

В глубине двора стоял двухэтажный дом. В верхнем его этаже жил Шон О'Кейси. Он очень обрадовался, узнав, что гости, приехавшие к нему,— из Советского Союза. Его жена, бывшая актриса, пригласила нас к столу. Завязался разговор. Шон О'Кейси спрашивал:

— Какие новости в советской литературе, как живут сейчас писатели?

В ту пору мы готовили Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Я сказал хозяину дома:

— Приезжайте на съезд, у нас все будут очень рады, если увидят вас в Москве.

Не по возрасту резкий в движениях, О'Кейси замахал руками:

— Что вы, что вы! Ездить должны молодые. У них все впереди. Меня, старика, не трогайте.

Но, помолчав, добавил:

— Вы же знаете, я верный и преданный друг Советского Союза. Старый друг. Еще в ту пору, когда у вас многого не хватало, когда только появился Днепрострой, я приветствовал ваши первые успехи. А теперь... Теперь я очень рад за вас, вижу, как вы широко шагаете.

Шон О'Кейси вспомнил Бернарда Шоу:

— Мы были с ним большие друзья, большие друзья... Моя жена закрыла ему глаза. Он был тоже хороший ваш друг, прямой и очень честный человек.

Во время беседы в доме появился высокий молодой человек лет двадцати пяти.

— Мой сын,— представил его нам Шон О'Кейси.— Художник. Вот рисует всякое... Сейчас решил отца увековечить. Идемте посмотрим.

Мы перешли в другую комнату и увидели несколько картин со сдвинутыми и ломаными линиями. Шон О'Кейси спросил:

— Ну, как, нравится вам?

Но поскольку быстрого ответа он не услышал, то сказал:

— Ну, у вас там, я знаю, не очень любят такую живопись.— Он обратился к сыну: — Покажи им портрет.

Сын сдвинул с портрета материю, и мы увидели хороший, в реалистической манере написанный портрет. Видимо, лицо отца сын не захотел искажать.

Шон О'Кейси много и долго рассказывал нам об Ирландии, вспоминал юные годы, посмеивался над своим нетерпимым, резким характером.

— Я настоящий ирландец, настоящий ирландец...

...Мы не очень долго были в гостях у знаменитого писателя. Несмотря на наши протесты, он спустился вниз, и мы еще постояли с ним некоторое время возле каменной стены дома, увитой диким виноградом.

— Приезжайте к нам,— сказал я ему на прощание.

— Приехал бы, да староват стал, плохо себя чувствую.

Около ворот мы обернулись и увидели его, худого, с остро поднятыми плечами, в пестрой вязаной шапочке на голове.

Уже в Москве, в Театральном архиве, мы познакомились с письмом, о котором вспоминал профессор Мак-Хью. Письмо это было адресовано Бернардом Шоу первому секретарю советского посольства в Лондоне.

«В ответ на ваше письмо от 6 июня (простите, что долго не отвечал) прошу передать актерам московского Малого театра, что «Пигмалион» — такая пьеса, с исполнением которой справилась бы любая труппа актеров. Это то, что мы в Англии называем «страховкой для актеров». Актеры Малого театра не вызовут у меня ни малейшего интереса, пока не возьмутся за одну из моих пьес: «Назад к Мафусаилу», «Дом, где разбиваются сердца», «Человек и сверхчеловек».

Все же — все артисты — мои друзья: я рад, что они с удовольствием играли «Пигмалиона» и прислали мне свои фотографии.

В особенности хочу поблагодарить Д. Зеркалову за ее письмо. Скажите ей, что роль Элизы Дулиттл — пустяк по сравнению с остальными созданными мною и находящимися в ее распоряжении ролями.

Учтите, что я очень стар — мне 88 лет (и не могу писать отдельных писем). Вы должны это сделать за меня. Ваш Бернард Шоу».

ЭКЗАМЕНЫ, ЭКЗАМЕНЫ...

Экзамен по математике.

«ЛИРИКИ» утверждают, что себя нужно непременно посвящать литературе, поэзии или искусству, ибо только они могут сделать жизнь человека поистине содержательной, интересной.

«Физики» же убеждены, что нет большей силы на свете, чем точные науки, на которых, как они уверяют, держится мир. Никто не знает, как долго длится этот спор. И никто не знает, сколько он будет длиться еще. Но есть на свете наука, приверженцы которой могут сказать: спорьте, не спорьте, а истина, как всегда, лежит посередине. А поскольку на стыке всех дисциплин находится лишь одна наука, то, значит, она и есть самая прекрасная. Имя ее — экономика.

Так ли это? С таким вопросом мы обратились **к декану экономического факультета Московского университета, профессору Михаилу Васильевичу Солодкову.** Вот что он ответил:

— Экономика — это наука, которая имеет дело с изучением способа производства материальных благ, а это означает, что она ближе других стоит к реальной, повседневной жизни. Но дело не только в этом. Кем в первую очередь должна быть домохозяйка? Экономистом. А премьер-министр? И он прежде всего экономист. Политическая экономия со времен К. Маркса и В. И. Ленина стала истинной наукой, со своими открытиями, со своими экспериментами. Если кто-то и представляет себе экономиста вооруженным допотопными счетами, то он безнадежно отстал от действительности. Экономист сегодня — это человек, стоящий у штурвала общественной жизни. И поэтому он должен хорошо знать эту жизнь, быть в курсе политических, социальных событий, до тонкостей разбираться во всех областях деятельности человека. Экономист должен быть и политиком, и психологом, и математиком, и, конечно же, он должен быть эстетически развитым человеком. Вот почему экономика, действительно, лучшая из наук.

Уж кому-кому, а декану экономического факультета Михаилу Васильевичу Солодкову можно верить. Своей любимой науке он отдал более 30 лет жизни. На факультет пришел в сорок третьем, едва оправившись после тяжелого ранения. Когда учился, получал именную стипендию. Один из всех на курсе как лучший студент защищал диплом на ученом совете университета. Еще студентом его избрали секретарем партийной организации факультета. После окончания с отличием занимался научно-исследовательской работой, был заместителем декана. В течение нескольких лет избирался секретарем парткома университета. За разработку важных экономических проблем непроизводственной сферы удостоен высокого звания лауреата Ломоносовской премии первой степени. И вот уже 10 лет возглавляет экономический факультет, который стал признанным центром подготовки специалистов. Об этом свидетельствует то, что в декабре прошлого года доклад о работе факультета был заслушан на коллегии Министерства высшего и среднего специального образования. Редкий вуз удостаивается такой чести. Опыт факультета коллегией был признан верным и рекомендован другим факультетам и институтам.

Наша беседа с Михаилом Васильевичем проходила в его кабинете, что на шестом этаже нового корпуса на Ленинских горах. В этот день здесь, как и в большинстве вузов страны, начались приемные экзамены. И поэтому наш разговор коснулся тех, кто сегодня больше других волнуется и переживает.

— Скажите, Михаил Васильевич, есть ли у вашего абитуриента какая-то характерная особенность, которая отличает его от поступающих на другие факультеты, в другие вузы?

— Думаю, не ошибусь, если скажу, что наши абитуриенты более осознанно делают свой выбор. Ведь идти на наш факультет, следуя только веянию моды, нельзя, потому что экономический факультет — это прежде всего факультет серьезнейшей науки — политической экономии, составной части марксизма-ленинизма. И поступают к нам, как правило, по убеждению, политически зрелые ребята, прошедшие армию или имеющие за плечами годы трудового стажа. А среди вчерашних школьников нас в первую очередь привлекают те, кто занимался в школе общественной деятельностью, комсомольской работой. Вот таким политически зрелым, убежденным комсомольцам, на наш взгляд, место на факультете.

Ведь его выпускники становятся преподавателями политической экономии, работниками печати, дипломатической службы, многие принимают участие в управлении экономикой нашей огромной страны. Немало выпускников факультета стало видными научными и общественными деятелями. Например, профессор Е. И. Капустин — директор Института экономики, ведущего экономического института Академии наук; профессор Б. М. Мочалов — ректор института народного хозяйства имени Плеханова; профессор В. Ф. Станис — ректор Университета дружбы народов; С. А. Ситарян — заместитель министра финансов СССР; члены-корреспонденты Академии наук: П. Г. Бунич, С. С. Шаталин.

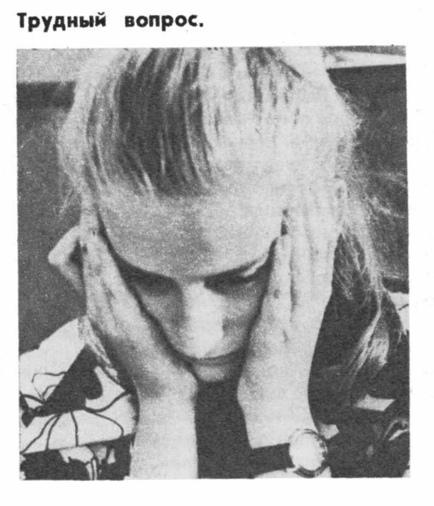
Но наш факультет занимается не только подготовкой кадров. Он ведет обширную научную работу. Например, одно из ее проявлений — это постоянно действующий советско-американский семинар по проблемам организации планирования и научно-технического прогнозирования.

— Михаил Васильевич, а много среди ваших студентов разочарованных? Тех, кто на одном из курсов бросает факультет или переходит на другой?

— За десять лет, что я работаю деканом, таких случаев не помню. Не было такого. Вот с других факультетов, с самых разных: с физического, с мехмата, с факультета вычислительной математики, с философского и с филологического к нам переходят. И нередко. Вот, кстати, еще одно подтверждение того, что экономика — одна из самых замечательных и интересных наук.

Беседу вел Сергей Власов.

Фото Г. Розова

Трудный вопрос.

В ожидании результатов... родители.

Декан экономического факультета МГУ, профессор М. В. Солодков.

Захар Сорокин (слева) и его ведомый Дмитрий Соколов.
Фото Е. Халдея

САМЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ БОЙ

Захар СОРОКИН,
Герой Советского Союза

Перед началом войны я был направлен служить под Севастополь. Но летать над Черным морем пришлось недолго. В первые дни июля 1941 года меня вызвали в штаб полка и сообщили, что получен приказ откомандировать летчиков-сибиряков на Северный флот. Простившись с боевыми товарищами, мы в тот же день отбыли в Москву, а оттуда транспортный самолет доставил нас на полевой аэродром близ Мурманска.

Мы были направлены в истребительную эскадрилью уже знаменитого североморского аса Бориса Сафонова, которая прикрывала город и порт от налетов вражеской авиации. Эшелон за эшелоном шли на Мурманск фашистские бомбардировщики. Были дни, когда мы по пять-шесть, а то и больше раз поднимались в воздух по боевой тревоге. От вылета к вылету, от боя к бою росло наше мастерство. И во всем мы стремились подражать нашему командиру, спокойному, скромному, даже застенчивому на земле, решительному и беспощадному к врагу в воздухе.

Так в непрерывных боях промелькнуло короткое заполярное лето. Его сменила осень. В октябре Кольский полуостров покрылся снегом. Наступила первая военная зима.

Утром 25 октября 1941 года с командного пункта взвилась красная ракета. Две минуты спустя я со своим ведомым Соколовым уже был в небе. Техник самолета Радионов не успел даже как следует попрощаться со мной. Он наспех сунул в карман моего кожаного реглана горсть патронов к пистолету «ТТ».

— Только что получил со склада, возьмите, может, понадобятся.

— Зачем они мне?— удивился я.

Наши самолеты пробили первый ярус туч и скрылись в разорванных клочьях кучевых облаков. Только на высоте более шести тысяч метров обнаружили наконец три двухмоторных «мессершмитта-110», шедших на северо-восток, к Мурманску.

— Атака!— передаю ведомому. Взять фашистский самолет в рамку прицела удалось сразу. Даю длинную пулеметную очередь в правую плоскость. «Мессершмитт» задымил и, теряя высоту, заковылял вниз, будто на посадку. «Далеко не уйдет»,— подумал я и бросился в погоню за другим, что шел слева. За правым ринулся Дмитрий Соколов.

Но тут из облаков вынырнул четвертый «мессершмитт», который спешил своим на выручку. Очередь гитлеровского стрелка хлестнула по правой плоскости и кабине моего самолета. Что-то тупо ударило в правую ногу. В голове мелькнуло: «Ранен, что делать?»

— Прикрой!— кричу Соколову, не прекращая атаки.

Но враг оказался опытным. Непрерывно маневрируя, он уклонялся от моего преследования и атаки. Я стрелял, пока не кончились патроны, а тут еще и стрелка бензомера поползла к нулю. И «мессершмитт», дымя моторами, стал уходить на запад.

Мгновенно созрело решение: таранить! Мой истребитель понесся наперерез фашистскому самолету. Уже ничего не могло отвратить удара. Резкий толчок чуть не выбросил меня из кабины. Винт моего истребителя рубанул по хвостовому оперению гитлеровского бомбардировщика. «Мессершмитт» рухнул вниз. Но и мой самолет был поврежден. Он лихорадочно дрожал и вдруг непроизвольно сорвался в штопор. Только у самых сопок мне удалось выровнять его, но продолжать полет с погнутыми лопастями было невозможно. Снижаясь вдоль длинного ущелья, окруженного отвесными гранитными скалами, я увидел небольшое озерко, покрытое льдом и снегом. Не выпуская шасси, я посадил свою машину на фюзеляж. Израненный самолет прополз по снегу сотню метров и замер.

Я открыл колпак кабины и с удовольствием глотнул морозный воздух. Прямо над моей головой на бреющем полете пронесся истребитель Дмитрия Соколова. Он давал короткие пулеметные очереди, как бы предупреждая о чем-то.

Отстегнув лямки парашюта, я стал вылезать из кабины. И тут, к величайшему своему удивлению, увидел огромную собаку, с лаем несущуюся к моему самолету. «Неужто волк?»— подумал и инстинктивно захлопнул колпак кабины. Перед глазами мелькнула темно-коричневая, вздыбленная шерсть. На одно мгновение я увидел сквозь стекло большую квадратную морду с оскаленными клыками, медную бляху, болтавшуюся на ошейнике.

Собака яростно царапнула крышку колпака и, не удержавшись на гладкой поверхности, полетела вниз. Нет, не волк! Но как сюда попала собака в ошейнике? Гадать не было времени. Я вытащил из кобуры и перезарядил пистолет. Дог приготовился к новому прыжку. Я осторожно приоткрыл колпак и в тот момент, когда сильное, пружинистое тело собаки взвилось в воздух, выстрелил два раза. Дог взвыл и забился на снегу.

Откуда он все-таки взялся? Осмотрелся. Справа скалы, слева тоже. Но сзади, метрах в двухстах, сидел на животе, как и мой «МИГ», двухмоторный «Ме-110», с крестами и свастикой. Бывают же в жизни такие случайности! Подбитый мною в начале воздушной схватки гитлеровский самолет приземлился на том же озере, на которое сел и я. Теперь все было ясно. Фашистские летчики иногда брали с собой в полет служебных собак. Об этом я не раз слышал. Стало понятно, о чем предупреждал Дмитрий Соколов.

К моему самолету неуклюже, проваливаясь в снег, бежал фашистский летчик в меховой куртке. Он стрелял на ходу, я прицелился, выстрелил. Гитлеровец схватился обеими руками за живот. Но устоял. Второй выстрел заставил его неподвижно растянуться на снегу. И тут я увидел второго немца. Он крался ко мне, прячась за валунами. Он хотел незаметно подобраться поближе, чтобы бить наверняка. Но когда понял, что обнаружен, сразу открыл по мне стрельбу из пистолета. Он спешил и промахивался. А потом у него, видимо, кончились патроны. Он поднялся из-за валуна, на ломаном русском языке прокричал: «Русь, сдавайся!»

Не помня себя, я кинулся ему навстречу. Бежать по глубокому снегу было трудно. Мы были уже рядом. Фашистский летчик с одутловатым, в рыжей щетине лицом тяжело дышал и ругался.

— Паразит!— закричал я и поднял пистолет. Но выстрела не последовало. Гитлеровец выхватил нож, прыгнул на меня. Острая боль обожгла лицо, я упал навзничь, ударившись затылком о лед, и на мгновение потерял сознание. Пришел в себя оттого, что стало трудно дышать. Собрав последние силы, я оторвал волосатые руки гитлеровца от своего горла, сбросил его с себя. Мы

вскочили. Фашист поскользнулся, и в этот момент я нанес ему резкий удар. Он рухнул без чувств. А я стал искать свой пистолет. Он поблескивал шагах в трех-четырех. Выбросил давший осечку патрон и выстрелил.

Стало тихо. Прислонился спиной к холодному камню, хотел отдышаться, но никак не мог унять нервную дрожь. И воздушный бой, и вынужденная посадка, и рукопашная схватка — все произошло за каких-нибудь полчаса. Нестерпимо ныли лицо и простреленная нога. Правый глаз заплыл, ничего не видел. Я стоял и ждал, не появится ли еще какой-нибудь немец, и страшно боялся, что не хватит сил встретить его. Дрожащей рукой нащупал в кармане патроны, положенные Радионовым. Очень пригодятся теперь. Плохо повинующимися пальцами с трудом набил обойму.

Так и стоял измученный, раненый у гранитной скалы, с пистолетом в правой руке, прикладывая другой к пылающему лицу снег. Боль не утихала, и кровь крупными каплями падала в порошистый сугроб. Финка гитлеровца вспорола всю правую щеку, от глаза до нижней челюсти. Рана вспухла и стала покрываться запекшейся кровяной коркой. Я снял с шеи шерстяной шарф и замотал лицо.

Наконец немного пришел в себя. Нужно было подумать о возвращении домой. Но как и куда идти? До аэродрома километров шестьдесят — семьдесят. В схватке разбился наручный компас. Как ориентироваться?

Подошел к своему самолету и вынул из кабины ракетницу с ракетами, пакет с бортпайком. Рассовал по карманам галеты, пачку печенья, две банки мясных консервов, плитки шоколада, две маленькие бутылки коньяка. Еще раз посмотрел на свой истребитель, сбитый «мессершмитт» и медленно двинулся к выходу из ущелья.

Стараясь не сбиться с курса, я всю ночь ковылял с одной сопки на другую, боясь остановиться, так как понимал: это конец.

Наступил новый короткий полярный день. Белесоватое холодное небо низко нависло над землей. Хотелось есть. Я положил в рот небольшой квадратик шоколада и закричал от нестерпимой боли. Верхние и нижние зубы, выбитые гитлеровцем, плохо держались в деснах и от малейшего прикосновения болели. Выбросил консервы, галеты, печенье: все равно не понадобятся. Идти стало немного легче.

Спускаясь с одной из сопок, я поскользнулся, упал и на кожаном реглане скатился вниз, как на салазках. В памяти всплыло далекое детство, когда для нас, деревенских ребятишек, самой большой радостью было катание на «ледянках» с гор во время масленицы. И вот теперь, вспомнив об этом, стал при спусках подвертывать под себя полы кожаного реглана и съезжать вниз. Время текло с изнуряющей монотонностью. Страшно захотелось спать. Хотелось лечь, вытянув натруженные ноги, или хотя бы посидеть на снегу. Но я знал: уснуть на морозе — смерть. Потому шел, шел, шел.

Несколько раз мне ясно слышался гул самолета. Когда это почудилось первый раз, я долго шарил глазами по серому полярному небу. Безрезультатно. Потом, когда гул возвращался, перестал обращать на него внимание. Несколько раз я видел впереди море. Но стоило ускорить шаг, как разочарованно убеждался, что кругом только северные сопки.

На четвертые сутки я провалился по грудь в покрытое льдом озеро. Спасло то, что я был недалеко от берега, на мелководье. Фетровые бурки и брюки промокли и отяжелели. Стало еще холодней. Остаток коньяка меня не согрел.

Теперь. ломило не только щеку, зубы и ноги, нестерпимо ныло все тело. Казалось, каждый мускул, каждая косточка воспалены. Есть уже не хотелось. Хотелось только спать.

К исходу седьмых суток услышал отдаленный гудок катера, а когда взобрался на сопку, то увидел темную полосу воды и дымок парохода на горизонте. Около избушки на берегу стоял человек. Это был уже не мираж. Не выпуская из рук пистолета, я пошел к морю.

Радостно забилось сердце, когда часовой окрикнул:

— Стой, кто идет?

Как сквозь туман, я увидел бескозырку и знакомые золотые буквы «Северный флот». Часовой повел меня в деревянный домик, где командир зенитного дивизиона дал мне глотнуть спирта.

— Старший лейтенант Сорокин,— прошептал я.— Вот вернулся... Разрешите позвонить Сафонову...

— Знаем, знаем,— перебил меня артиллерист.— Вас долго искали. Несколько партий отправляли в тундру за вами...

Тут я потерял сознание.

...Очнулся только через несколько часов на операционном столе в госпитале Полярного, куда меня доставили на тральщике. Хирург накладывал последний шов на мое раненое лицо.

А вскоре навестить меня пришли друзья. Они приходили каждый вечер, и, видя, что дела мои идут на поправку, кто-нибудь всегда спрашивал:

— Скоро вернешься? Как ноги? Заживают?

Ноги меня беспокоили больше всего. Они не болели — я их почти не чувствовал.

— Обморожение третьей степени. Ступни ног, как видно, придется ампутировать,— подслушал я как-то разговор лечащего врача Ласкина с главным хирургом флота профессором Араповым.

— Что хотите делайте,— сказал я тогда,— а резать не дам.

Врачи делали все возможное. Но было ясно, что без операции не обойтись. Как-то Дмитрий Алексеевич Арапов пришел ко мне в палату.

— Делать больше нечего, Сорокин,— сказал он.— Соглашайтесь на операцию. Сейчас отрежем только ступни. Через неделю придется отнимать выше колен.

— А как же я буду летать? — спросил я.

— Разве так уж обязательно летать? В жизни много других дорог.

— Если надо, режьте,— сказал я,— летать все равно буду.

После операции меня отправили в Киров. В госпитале соседом по койке случайно оказался мой старый приятель, с которым когда-то вместе кончили летное училище в Ейске. Летчик-истребитель Борис Щербаков в воздушном бою был ранен разрывным снарядом в ногу. Началась газовая гангрена, и ногу пришлось ампутировать выше колена. Щербаков завидовал мне.

— У тебя нет только ступней,— сказал он однажды.— Сделают протезы — и полетишь. А вот мне уже никогда не браться за штурвал. Отлетался...

— Где это ты слышал о безногих летчиках? — говорю ему, а в глубине души у меня все еще теплилась надежда, что придет день, и я снова взовьюсь на истребителе. По правде, оснований для такой уверенности не было, разве только страстное желание летать.

С особым старанием исполнял все предписания врачей. Когда сказали, что солнце — отличное лекарство, с первых весенних дней я буквально сползал со второго этажа на улицу и часами сидел на крыльце. Весной 1942 года начал учиться ходить с костылями. Было больно ступать, казалось, гвозди впиваются в тело. Но я ходил так много, что через повязки просачивалась кровь.

Товарищи по эскадрилье писали мне много, из их писем узнал я о гибели любимого командира Бориса Сафонова и о том, что он посмертно был награжден второй Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Долго тянулись девять месяцев лечения, наконец, меня вызвали на военно-врачебную комиссию. Сказали, что подлежу демобилизации. Когда я стал возражать, меня признали годным к нестроевой службе в тылу и откомандировали в резерв — в морской экипаж в Москву.

...Как-то летом сорок второго года я медленно шел по Петровке. Настроение было неважным. В управлении авиации Военно-Морского Флота на все просьбы о допуске к летной работе мне отвечали отказом. И я все думал, что бы еще предпринять. Около Большого театра увидел летчика в синей суконной пилотке. С радостью я узнал бывшего инструктора аэроклуба Федора Семеновича Рубанова, старого друга, человека, которому я многим обязан в жизни.

В свое время наша семья переехала из Сибири в город Тихорецк. Отец, старый печник, в Сибири часто хворал, потому-то сельский фельдшер и посоветовал ему перебраться в теплые края, на Кубань. В Тихорецке я начал учиться в школе, надел пионерский галстук, вступил в комсомол, сделал свою первую модель планера, а когда в городе организовался аэроклуб, одним из первых пришел туда.

— Принять не можем,— сказал мне начальник.— В аэроклуб принимаем только рабочую молодежь.

У выхода с аэродрома меня нагнал человек в синем комбинезоне. Он слышал мой разговор с начальником аэроклуба.

— Не вешай головы, юнец,— утешил он меня.— Становись рабочим. Тогда примем тебя на законных основаниях.

Так я познакомился с Рубановым. Я послушался совета. После окончания средней школы пошел кузнецом на паровозоремонтный завод. Теперь меня приняли в аэроклуб и зачислили в летную группу Рубанова. И вот через год после начала войны мы встретились снова — учитель и ученик.

Мы сели на скамейку в театральном сквере. Я рассказывал о своей жизни, а Рубанов молча слушал и чертил по песку моей палкой какие-то треугольники и спирали. Потом он сказал:

— Пиши рапорт, добивайся своего. Должны разрешить тебе летать.

Много раз переписывал я рапорт наркому Военно-Морского Флота, прежде чем нашел, как мне казалось, наиболее убедительные слова. Я отнес его дежурному офицеру наркомата. А на следующее утро меня вызвали на прием к наркому. Я бросил свою палку в бюро пропусков и, стараясь идти четким шагом, вошел в кабинет Н. Г. Кузнецова.

Поздоровавшись со мной, адмирал спросил:

— Как себя чувствуете?

— Стою и хожу устойчиво,— уверенно ответил я.

Но когда нарком показал мне на стул, я пошатнулся и для того, чтобы удержаться на ногах, схватился за край письменного стола.

После беседы Николай Герасимович сказал:

— Пройдите военно-врачебную летную комиссию. Если у вас не найдут других физических недостатков, как исключение разрешу летать.

И вот закончены испытания. В центральном госпитале в Сокольниках председатель военно-врачебной комиссии подал мне листок, где было сказано, что я допущен к летной работе на всех типах самолетов, имеющих тормозной рычаг на ручке управления. Прыжки с парашютом разрешали только на воду.

Трудно было поверить такому счастью. И когда уже с командировочным предписанием и железнодорожным билетом в кармане я стоял на перроне Ярославского вокзала, мне все еще казалось, что меня обязательно вернут. Все ждал, что вот-вот из громкоговорителя раздастся хрипловатый голос: «Старший лейтенант Сорокин, зайдите к коменданту вокзала»,— и все будет кончено. Но никто меня не позвал. К платформе подали состав «Москва — Мурманск», и я успокоился, устроившись на верхней полке купейного вагона.

В родном полку друзья радостно встретили меня:

— Погостить приехал? Проведать? На штабную? — спрашивали наперебой.

— Приехал летать,— ответил я.

— А как же с ногами?

— Бегать стометровку не собираюсь, а летать смогу.

Через несколько дней я поднял свой истребитель навстречу врагу. А через месяц сбил фашистский самолет, который стал седьмым на моем счету и первым после возвращения из госпиталя. К концу войны довел свой боевой счет до 18 сбитых самолетов врага.

День Победы мы встретили на своем аэродроме. Когда радио принесло весть о капитуляции гитлеровской Германии, мы выскочили на улицу. Неожиданно в синее небо взлетела красная ракета. За ней — зеленая, белая... Где-то неподалеку застрекотал пулемет, и в темном еще небосводе мелькнули следы трассирующих пуль. Начался стихийный салют в честь долгожданной Победы. Летчики, техники стреляли в воздух, пока не кончились патроны в обоймах.

Никто не ложился спать в ту первую мирную ночь.

Иван ШАМЯКИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

БРАЧНАЯ Н

Степан пришел под вечер. Мне надо было бы притаиться и дождаться его в комнате. А я, как влюбленная, услышав его голос, выскочила навстречу — на веранду. И он радостно крикнул:

— Валька! Сестричка!

И при хозяйке обнял меня и крепко поцеловал, обдав запахом паровоза. Так поцеловал, что у меня закружилась голова и кровь залила лицо. Но я тут же спохватилась: увидела на нем парусиновый китель, не наш, у нас таких не было, немецкий, и пуговицы немецкие, с орлами, и фуражку с фашистской эмблемой — и на какое-то время будто стена между нами встала; у меня даже враждебность зашевелилась, и оба мы странно растерялись, не как брат и сестра и не как влюбленные, а как давние знакомые. Хорошо, что хозяйка не очень пристально следила за нами, занятая своими хлопотами.

Определенная близость и почти полное доверие у меня появились тогда, когда он скинул китель и сорочку — до пояса разделся и позвал меня во двор полить ему воду из ведра. Я увидела на его плече шрам.

— Где это тебя?

— В Сновске, когда мы выводили последний состав из Гомеля. Расколошматили они, немчуги, нас вдребезги,— сказал он, фыркая и ахая от холодной воды, которую я лила ему на шею, но именно в этот момент я поняла, что пришла не зря. Что он может выдать — этого я не боялась, но что может испугаться и не принять наше предложение — об этом думала и переживала. С какими глазами появлюсь тогда перед командиром: нашла, скажут, знакомого — прислужника фашистского.

Оглянувшись, нет ли поблизости хозяйки, Степан сказал:

— А я знал, что ты придешь. Спроси: почему?

Я брызнула на него водой и счастливо засмеялась.

После раннего ужина мы стояли в его комнате перед окном, наблюдали за хозяйкой, копавшейся в саду у соседского забора, где на полянке были грядки огурцов, лука, помидоров, и разговаривали о деле. Просто, без особой дипломатии я передала ему предложение командования стать партизанским разведчиком на железнодорожном узле.

Он ответил не сразу, и я снова со страхом подумала: неужели трусит? Спросила:

— Согласен? Не боишься?

— Ну, даешь ты, Валя! Зачем же ты шла ко мне, если так думаешь? Я всю осень и зиму искал связи с партизанами, да так и не нашел. Где они? Немцы хотели меня в Германию заграбастать, потому и подался на железную дорогу: ближе к своим, не может быть, чтоб на таком узле не осталось наших. Есть! Сколько диверсий было уже! Но связаться ни с кем не могу. Мы свою группу организовали. Четверо нас. Добыли тол. Собираемся мины делать, осваиваем технологию. Правда, никакого учебника по минам нет. Надо до всего доходить своим «котлом»...

Отлегло у меня от сердца. Хорошо получилось: вон он какой, Степан! Хотя, что тут удивительного? Разве мог он быть иным? Но тут же приказала ему: до следующего моего прихода — никаких диверсий, ибо понимала, что Степан и его друзья могут стать серьезной разведгруппой, а на мелких диверсиях, не имея опыта, могут сразу же провалиться. Возможно, я превысила свои полномочия, а может, просто меня охватил страх за него. Но потом «Тарас» похвалил меня за такую инициативу: правильно приказала!

А Степана тогда, видимо, немного удивила такая моя внезапная власть над ним, самолюбие, наверное, заело: он еще и не согласился, а я уже команду!

— Так давай задание,— сказал он, не скрывая обиды.

— Дам. Не спеши. Это тебе не блох ловить,— и, наклонившись ближе к нему, так как хозяйка возвращалась в хату, прошептала:— Тебе задание может Москва дать, а не я. Думай головой, а не котлом паровозным.

У него загорелись глаза.

— Вы имеете связь с Москвой?

Странный человек! Неужели думал, что я пришла от какой-то группки, которая сидит в болоте, изредка пугает местных полицейских и лягушек? Я только засмеялась в ответ на его вопрос. Потом расспрашивала о его работе: какие составы они водят, куда, с чем, как комплектуются паровозные бригады, часто ли нарушается график движения, на каких магистралях в особенности... Я хорошо знала, что интересует моих командиров: отряд начал выходить на железную дорогу.

Одно не понравилось: рассказывая о своей бригаде, Степан хвалил машиниста-немца, мол, паровозное хозяйство знает как свои пять пальцев и человек душевный, обо всем с ним можно поговорить. Для меня в то время добрых немцев не было; Степаново восхищение немцем откликнулось болью в сердце, оно оскорбило меня, а что еще горше — снова на какой-то момент дало повод к сомнению и подозрительности: к тому ли человеку я пришла? Немца, видишь ли, полюбил...

Бросила ему с упреком:

— Не развешивайте уши перед немцем.

Нет, оккупантов Степан гневно ненавидел, особенно когда рассказывал о том, что делается в городе, — о расстрелах военнопленных в Лещинце, об уничтожении еврейского гетто.

Я попросила его рассказать о своей деревне, о родных, обо всех своих: раз он придумал то, что я сестра, значит, мне обо всем надо знать.

— Я наведаюсь к твоим.

Такое обещание почему-то рассмешило его. Вообще весь тот вечер он был очень веселый, шутливый, какой-то даже беззаботный, что меня порой тревожило. Об одном только сказал всерьез:

— Ты спросила: не боюсь ли я? Знаешь, чего я боюсь? Что погибну от своих. Подорвут меня партизаны где-нибудь под Жлобином или Новозыбковом.

Я поняла: это действительно страшно — погибнуть от своих.

Спать улеглись рано: электричества не давали, керосиновую лампу не стали зажигать, да и не было необходимости в том, чтобы засиживаться: завтра мне рано вставать, километров пятьдесят отмахать надо, а Степану — на работу.

Степан уступил мне свою кровать. Хозяйка приглашала его пойти спать в зал на диван. Отказался. Постелил себе в кухне на полу — рядом со мной, даже дверь не закрыл в свою комнату. И я не закрыла ее.

Вот тогда, в темноте, и начались мои девичьи страдания. Почему он лег именно тут? Почему не закрыл дверь? Что делать, если он вдруг вздумает прийти ко мне? Отбиваться, наделать шуму и выдать себя хозяйке, что я не сестра?

Сжавшись в комочек под одеялом, от которого тоже пахло паровозом, я со страхом и душевным трепетом прислушивалась к его дыханию. По тому, как он ворочается, слышала — не спит. Сердце мое то замирало, то начинало стучать, казалось, на весь дом — учащались удары, как тогда, когда в рейде за Добруш подо мной убили коня и я бежала за своими пешком, чувствуя, что немцы вот-вот догонят, бежала, пока Володя Артюк не вернулся и не подхватил меня, не вскинул на холку коня, как куль соломы.

Страшно было, что он, Степан, придет, но где-то в глубине своего девичьего существа я хотела этого. Знала, что война не остановила жизнь. Люди любят, женятся, рожают. В том числе и наши партизаны и партизанки. И я мечтала полюбить, поглядывала на парней. Однако отдаться вот так сразу, придя на ответственное задание,— казалось, что я не только опозорю свою девичью честь, но и как бы нарушу наш партизанский закон — точно не знала какой.

Я просила Степана мысленно, будто он уже пришел:

«Степочка, родненький, я люблю тебя. Но не надо, не надо...»

Мне было и страшно и радостно. Конечно же, радость превозмогла, и я, успокоившись, заснула, утомленная длинной дорогой.

Ночевала я в квартире Степана нечасто. Командиры мои справедливо считали, что частые визиты к «брату» — за сто километров — в военное время могут вызвать подозрение и у хозяйки и у соседей, да и вообще могу «притащить хвост». А Степаном, его группой очень дорожили — их разведданными. Вскоре оправдалась моя догадка, мое обещание ему. Степан сделался не только партизанским разведчиком. Осенью, после Октябрьского праздника, я привела к Степану радиста, прилетевшего с Большой земли. Рацию, правда, пронесли в город не мы — парни из отряда Федора. После этого вообще меня реже направляли в Гомель. До появления радиста я ходила раза по два, а то и по три в месяц. Со Степаном встречалась в разных местах — у того же Примака, у дядьки Толи, у Фукс. И только раза три на квартире у него, вот тогда и ночевала там, чтоб поддержать перед хозяйкой правдивость легенды. По-прежнему я спала на его кровати, а он ложился в кухне. И всегда я ждала его с не меньшим волнением, чем в первый раз, ибо любила Степана все сильней и сильней, о нем одном думала все время — в дороге, в отряде. Уходила каждый раз разочарованная, не получая от любимого даже ла-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30—32.

скового пожатия руки, поцелуя. Винила не его — себя: разве можно полюбить такую? Он, наверно, и за девушку меня не считает. От отчаяния лезла на рожон — шла слишком смело, рискованно. Но, видно, даже немцы и полицаи не верили, что такая невзрачная девчонка — партизанка. Мне везло, как, пожалуй, ни одному нашему связному.

Все произошло месяц назад, в мае. Заходить к Степану у меня не было задания. Шла к речникам. Немцы пустили пароход по Сожу. Володя Артюк пытался сжечь этот «броненосец», но он огрызнулся не только пулеметами, но и орудием. Вон какая игрушка! Что же он собой представляет? С какой целью ходит туда-сюда? Из кого состоит команда? Какое имеет вооружение? Все это надо было знать, чтоб поумнее спланировать операцию по уничтожению парохода.

Между тем в этот раз я тоже прошла с мешком лекарственных трав. На посту полицейские вытрясли их и посмеялись. Но на рынке спрос на травы был куда большим, чем год назад, за какой-то час разобрали все до корешка.

Может быть, травы и напомнили мне наши прежние встречи. Еще в дороге у меня ныло сердце. А на рынке и страх одолел. Не видела я Степана уже месяца три. За это время человек мог погибнуть — такие опасные задания выполняет. И я ничего не знаю о нем. Откуда я могу знать, если наши к нему никого не посылают? Провалится один он, а радист уцелеет, то не обязательно армейский центр станет радировать партизанской бригаде о провале разведчика, с которым имели непосредственную связь. А если и сообщат, то командиры могут не сказать мне о такой печальной новости.

Не могла я так долго ничего не знать о Степане. Не могла не зайти к нему. Быть тут, в городе, на Сенном рынке, в десяти минутах ходьбы от его квартиры, и не повидать его? Пускай это будет нарушением дисциплины. В конце концов рисковала я только собой, в случае ареста ничего из меня не выбьют — в себя я верила — в свою волю, твердость характера,— возможные мучения не страшили меня.

ОЧЬ

На одно не хватало воли — не видеть его.

Безусловно, рисковать приходилось, ведь пошла к нему после встречи с речниками, а в конспиративном опыте этой молодой группы мы не очень еще были убеждены, с такой малопроверенной явки можно потянуть за собой «хвост». Поэтому я некоторое время побродила в приречном районе, «поискала землячку». В залинейный район перебралась через переходной мост, что возле вокзала. На нем всегда проверяли документы. Но это и нужно было мне, поскольку с моста, с его вышины, легче, чем где-либо, можно убедиться, что за тобой не следят.

Степан был дома и встретил меня радостно. На своей квартире он всегда встречался со мной совсем иначе, чем на других явках, где передавал разведданные, там он был молчаливым, каким-то отчужденным, как бы малознакомым, даже тогда, когда никого третьего рядом не было. С тех явок я часто уходила с сердечной раной, с тяжелым настроением изза его угрюмости.

На квартире, может, для хозяйки, мы встречались как брат и сестра, любящие друг друга.

Когда же сказала, что никакого задания не имею, что пришла просто так — повидать его и стыдливо призналась: «Соскучилась я по тебе, Степа»,— он совсем преобразился. Сделался такой же веселый, шутливый, каким я знала в техникуме, где он не пропускал ни одной девушки, чтоб не зацепить, не сказать что-нибудь приятное. На мои слова, что соскучилась о нем, подхватил меня под мышки, закрутил по тесной комнате, радостно выкрикнув:

— Валька, ты же молодчина! Я и не догадывался, что ты такая...

«Какая? Какая?» — хотелось спросить, но не от кружения — от взгляда его, так как смотрел он на меня совсем другими глазами — мужскими, добрыми, ласковыми, очень близко смотрел,— у меня действительно закружилась голова, поплыли стены, потолок, окна. Я села на кровать и виновато улыбнулась.

— Устала? — заботливо спросил он.

Конечно, устала. Хоть шла в тот день от Федора, но все равно немалая дорога, да и на рынке с травами постояла. А сколько бродила по городу, чтоб не привести за собой шпика! Но не об усталости думала. Забота его обрадовала, растрогала. «Любимый, славный, родной Степа»,— с умилением, от которого боялась расплакаться, шептала я мысленно.

За ужином, при хозяйке, Степан расспрашивал о своих домашних, я рассказывала, сочиняя разные деревенские истории; рассказывать про дом теперь было нетрудно, так как еще прошлым летом я все-таки наведалась в его деревню — ходила выменивать одежду на продукты — и познакомилась с его матерью, младшим братом, соседями. Хату нашла по приметам, какие сообщил Степан, а мать узнала по лицу. Очень жалела, что не могла, не имела права передать ей привет от сына, рассказать о нем: не гомельчанкой я пришла — черниговчанкой.

Степан слушал мои рассказы и хохотал, даже за живот хватался. Хозяйка смотрела на него по-матерински ласково, довольная. Сказала мне:

— Почаще бы ты, Валя, приходила. При тебе оживает Степанка. А то иногда такой озабоченный — темнее тучи. Сердце болит, когда смотришь на него.

— Станешь тучей, Архиповна, если уже дважды партизаны под насыпь спускали. Чудом как-то спасался. Мать, наверно, за меня молится. И Валя.

— Бросал бы ты, Степанка, такую работу. Свои же убить могут. Как полицейского Комаркова — в собственном дворе повесили. Это же надо — считай, посреди города. На рассвете, говорят, пришли, жене тряпку в рот, а его — на ворота.

— А куда же деваться, Архиповна? На каторгу немецкую идти? Сразу погонят, только брось железную дорогу.

— В партизаны иди. Там хоть и убьют, так немцы, а не свои. От своих страшно умирать. Это же все равно, что меня родные дети убили бы...

Вот тебе и хозяйка! А я боялась ее, недолюбливала почему-то и не особенно верила ей; хотя сын ее в Красной Армии, так зять же тут, в городе, служит в управе каким-то начальником. И она никогда его не ругала — надо, мол, как-то жить — и Степана не ругала за службу у оккупантов, хвалила за хозяйственность, очень ей нравилось, что никогда домой с пустыми руками не приходит.

Меня тоже встревожило, что Степановы составы подрывали, так и действительно можно погибнуть от своих. После ужина я спросила у него, как это было. Он беззаботно засмеялся:

— Испугалась?

— Да, боюсь,— честно призналась я.

Он снова стал серьезным.

— Что сделаешь, Валя, война. Подорвали один раз, хорошо, что мы платформу с балластом перед собой гнали. В другой раз я сам себя рванул. Парни мину подложили под средний вагон, оторвало полсостава на закруглении под Унечей. Четырнадцать вагонов с артиллерией — под откос. И это хлеб... Пока отремонтируют те мортиры, сколько наших людей будет сбережено!

Мы вышли в сад, и Степан показал мне шалаш, который сам поставил и в котором решил ночевать все лето — сторожить хозяйкины яблоки,— сад хорошо цвел, а прошлым летом соседские мальчишки обобрали лучшую грушу. Шалаш стоял под старой яблоней, небольшой, но сделанный прочно, покрытый немецким гофрированным железом. Железо это, нагретое за день, пахло по-чужому, не так, как наше. Но в самом шалаше по-родному пахло свежим сеном, Степан скосил в саду у забора сочную майскую траву. Вход в шалаш закрывался куском тяжелого, как бы промасленного брезента. Когда мы, как дети, залезли в шалаш, Степан закрылся брезентом и сразу обнял меня, крепко прижал к себе, поцеловал в шею и, горячо дыша в ухо, прошептал одно имя:

— Валька!..

Но как прошептал! Больше уже никогда никто не шептал так мне в ухо. Я сжалась, замерла, слушая удары его и своего сердца. Я, жадная, ждала еще и других слов, но он молчал, снова припав губами к шее. Я спросила:

— Что, Степа?

— Что? Знаешь, что? — еще тише зашептал он.— Я оставлю окно открытым. Ты потихоньку вылезь и приходи ко мне. Архиповна спит крепко. Согласна?

Тогда я сама нашла его губы и продолжительным поцелуем подтвердила свое согласие. И тут же откинула брезент: нехорошо, что мы спрятались в шалаше.

Потом мы ходили по саду, и Степан рассказывал мне о яблонях.

— Знаешь, я становлюсь садоводом. У Архиповны есть книжка, и я за зиму почти выучил ее на память. Читаю с бо́льшим интересом, чем любой роман... Яблони стали для меня, как дети. Каждая со своим характером, болезнями, капризами.

И вдруг он остановился возле забора, показал мне тесовую доску, отличавшуюся от других — была поновее,— и прошептал:

— Она так прибита, что поднимается снизу. Там — сад старика, дом которого выходит на улицу Островского. Старик злой, но не беда, он глухой. Калитку со двора на улицу запирает на ключ, но ключ вешает на гвоздик, что на верее, слева, ближе к дому. Если так вот рукой провести по верее...

Он думал об аресте, о том, как спастись в последнюю минуту, потому, наверно, и в сад перебрался и мне тропку показывает на всякий случай. Я это хорошо понимала, по себе знала, как это важно — иметь еще один вариант легенды или такой вот, пускай и простой, запасной выход, тогда не будешь чувствовать себя в безвыходной ловушке, в капкане.

Мысли об опасности, что каждый день висит над ним, омрачили мою радость. Ложась в постель, я ждала той минуты, когда смогу вылезть в окно не с трепетом девушки, не со страхом и радостью, как тогда, когда ночевала впервые, а с мыслями о том, что нас может настигнуть. С невеселыми мыслями, но светлыми и чистыми. Так думает умная жена перед проводами мужа на войну: понимая неизбежность его ухода в смертельно опасную неизвестность, не плачет, не голосит, а хочет дать ему последнюю, самую большую радость, которая бы запомнилась им обоим навсегда.

Хозяйка, как назло, долго топталась, под ее тяжелыми шагами скрипели половицы. А когда наконец скрипнули старые пружины матраца, сразу же на кухне под печью отозвался сверчок. Он мешал слушать тишину — устанавливалась ли она вокруг? Но тут же я подумала: а зачем она мне, тишина? Я же ничего и ни у кого не краду. Я иду торжественно, как под венец, с любовью в сердце и с желанием связать свою жизнь с его жизнью — на час, на ночь или на долгие годы, в то время не имело значения, об этом я не думала.

Я поднялась не очень осторожно, раскрыла створки окна, но тут же вспомнила о тайном выходе и подумала, что нельзя вылезать в сад в одной сорочке, захватила с табуретки свою одежду, прижала к груди.

Степан ждал под окном, за сиреневым кустом; он взял меня на руки, легко понес к шалашу...

Проснулась я на рассвете оттого, что затекла рука — голова Степана лежала на ней. Может, тогда, в тот миг я почувствовала наивысшую радость. И наибольший прилив ласки, нежности. Я чувствовала мужское тепло, слушала ровное дыхание и боялась потревожить

сон; казалось, что Степан — моя частица, которую нельзя отнять, без которой нельзя жить. Как только до сих пор я жила?

Сквозь щели в брезенте цедился розовый свет. Было холодно: майские ночи еще не теплые. Надо уходить, пока не проснулась хозяйка. Только попыталась я тихонько освободить руку, он проснулся и притянул меня к себе.

— Пора, Степа.

— Пора.

Но долго мы не могли расцепить рук, так как предстояло идти не просто в дом — в партизанскую зону, надо было расставаться. На какое время? Когда встретимся вновь?

Мне было чему радоваться: я иду к любимому так скоро — через какие-то три недели! Не надеялась. Вообще боялась, что к нему больше не получу задания. А не зайти к мужу своему нельзя, не выдержу... быть в городе и не забежать к нему. А как объяснить это командирам? Снова нарушать строгие правила разведки и обманывать их? Не хватило у меня духу признаться, что я заходила к Степану,— боялась, что выдам, с какой целью, то, тайное, выдам, что произошло между нами. Не готова я была к такому признанию.

И вот опять посылают к нему. А радости нет. Самое мучительное, что нет радости — той, о которой я мечтала три недели, представляя свой очередной приход в Гомель даже и в том случае, если наведаться к Степану придется снова самовольно. Неловко перед командирами. Но у меня есть право! Я его жена. Если сообщу об этом в отряде, в штабе, все поймут и простят. Командиры строгие, но добрые.

Нет, все-таки держалось бабье, не отступало. Излишне придирчиво я прислушивалась к тому, как спит Маша.

«Глупая, глупая,— ругала себя.— Ты же оскорбляешь Степана. Как это можно не верить мужу? Во всем верим друг другу. В том великом, за что на смерть пойдет и он и сама ты. А это же — бабье... пережиток какой-то. Да и Маша... Она, наверно, замужем, раз рожала».

Хотелось думать о Маше лучше: она же спасла от смерти и себя и меня. Если б не ее находчивость, не увидела бы я не только Степана, а уж и света белого не видела б, не ощущала бы вот такого душистого сена. А оно пахло так же, как и тогда, в том садовом шалаше. Только там еще пахло чужим железом. А тут — привядшей березовой листвой. Не этот ли опьяняющий, как брага, аромат возбуждал и не давал задремать?

Маша перестала говорить во сне и дышала ровно. Странно, я ведь знала, как это важно — хорошо отдохнуть перед таким днем. И все же снова и снова думала с тревогой: как можно так дрыхнуть после всего, что пережила? Уморилась, пройдя каких-то тридцать километров? Белоручка! Какая же ты разведчица?!

Шаги возле шалаша. Это Федор, ему тоже не спалось. Видно, проверял часовых. Тревожило его все, что случилось вчера днем. Забот много. С нами тоже. Землянику выменяли у деревенских детей на немецкие консервы. Не нравилась мне такая операция. Совсем не нужно это — нам с Машей не нужно, чтобы дети разнесли по селу, что партизаны за консервы купили у них ягоды, много, добрый десяток кувшинов. Свое недовольство высказала Федору. Видела: ударила по его командирскому самолюбию. У Федора большая самоуверенность, ему трудно было согласиться, что он что-то сделал не так. А между тем я слышала высказывания партизан о том, что старый лагерь оставили зря, что прежний лагерь лучше замаскирован, что никакая «рама» не могла его обнаружить. Временная позиция на этом взлесье партизанам явно не нравилась. Но я вспомнила, как, посмеиваясь, говорил комбриг: тактические комбинации Федора ни один военный гений никогда не поймет и не объяснит.

Однако то, что командир не спал, сам проверял часовых, как-то успокоило, рассеяло невеселые мысли. Если бы не совы, я могла бы заснуть. Почему они так разголосились? Как на беду...

IV

До поста на Речицком шоссе мы дошли без приключений и без особой усталости по утреннему холодку, хотя ноши у нас были немалые. Предосторожность Федора, думала я идя, была излишней: если бы начиналась карательная операция, блокада, то вряд ли удалось бы нам добраться до города, не встретив ни одного немца и даже полицая. Возле шлагбаума дежурил старый солдат, тыловик — не немец, венгр. За два года я научилась распознавать форму всех оккупантов: итальянцев, румын, финнов... только испанцев не видела.

До нашего прихода солдат сидел в полосатой будке, и к человеку, обогнавшему нас на велосипеде, даже не вышел — знакомый, а может, потому, что у велосипедиста не было никаких вещей, даже пиджака, в одной клетчатой рубашке ехал.

К нам солдат вышел недовольный, с сонным видом, позевывая. Знаками приказал снять с плеч корзины. Увидел землянику — оживился, весело зачмокал, черпнул ягод полную горсть, набил рот, смешно скривился и укоризненно покачал головой: мол, плохие, зеленые, много кислых. Я зачерпнула ему пригоршню из Машиной корзины, где зеленых было меньше, протянула ему: ешь, пан. При этом подумала, что такому солдату не надо отдавать самогонку и яйца, хватит с него, старого гриба, ягод. Сэкономим хоть на этом.

Глянула на Машу. Она стояла неподвижно, как статуя, с застывшим, бледным лицом; такая она была со вчерашнего дня, сутки в рот ничего не брала, сегодня на рассвете едва уговорила ее съесть немного ягод и черствого хлеба; Федор напрасно предлагал нам консервы: от их запаха у Маши снова начались спазмы, мне тоже пришлось отказаться от мяса, хотя я с удовольствием съела бы его, но прятаться от других было неловко.

Я уже радовалась, что часовой оказался непридирчивым стариком. Но в этот момент из бункера, из черной пасти его, как медведь из берлоги, вылез полицейский. Знакомый. С ним я встречалась тут уже раза три. Тоже немолодой человек — худощавый, будто с задубевшей кожей на лице, без большого и указательного пальцев на правой руке, культя его сразу бросалась в глаза, казалась зловеще мерзкой, как гнойная рана. Он был придирчив. Любил перетрясти все — узлы, корзинки, мешки. Травы мои лечебные в прошлый раз высыпал в песок, гад. Не постыдился ощупать тело. Оттого, что он проводил культей по груди, по ногам, было особенно противно, гадко, хотелось потом сбросить свою одежду, помыться. Я страшно ненавидела этого типа. Но каждый раз должна была улыбаться ему.

Он мне тоже улыбнулся, как старой знакомой, даже несколько приветливо. Сказал:

— Все ползаешь, мышь? У нас возле бункера мышь живет, тоже вот так шмыгает. И хитрая такая же, как ты.

— А что же делать, дяденька? В хате пятеро малышей. Их одеть надо, обуть. И соли ни щепотки. Староста нам справочки дал,— но полицая бумажки не интересовали, справки мои он уже видел, проверял. Он засунул свою гадкую культю в землянику, на самое дно корзины, покопался там, нет ли чего под ягодами; вытащил культю, как окровавленную. Небрезгливая я, но тут меня чуть не потянуло на рвоту, как вчера Машу. В корзине, на ягодах лежала бутылка самогонки, завернутая в тряпку. Он не успел развернуть, посмотреть, что там, как я наклонилась, взяла бутылку в руки. Как же он выхватил ее у меня! Со страхом. Неужели думал, что мина?

— Это вам, пан начальник. От мамы моей. Дай, говорит, доброму человеку...

Полицай засмеялся и посмотрел бутылку на солнце. Самогонка была чистая, как слеза, из госпитального запаса налили.

Отставил самогонку в сторону. Перед тем, как залезть в Машину корзину, поглядел на нее, странно застывшую. Удивился.

— А это что за кукла с тобой?

— Дочь нашей учительницы. Бедствуют с матерью, мать у нее больная. У нас хоть корова есть и куры. А у них ничего нет. Живут — кто что даст.

Маша не промолвила ни слова, и ни одна черточка на ее лице не шевельнулась. Меня

ПЕЙЗАЖИ ИНЖЕНЕРА АЛЕКСАНДРОВА

Рос Дмитрий Александров на Украине; в далекие 30-е годы принимал участие в первой в своей жизни художественной выставке — школьной. Но профессиональным художником не стал, выбрал себе специальность инженера-строителя.

Д. Я. Александров работал на многих стройках страны и продолжал рисовать. Даже в трудные годы освоения целинных земель, когда рабочий день не ограничивался восемью часами, он находил время для творчества. После работы шел в степь и писал пейзажи; общение с природой, ее извечная красота давали новые силы.

Частые служебные командировки в различные районы страны обогащают новыми впечатлениями, знакомят с неповторимо прекрасными местами родной земли. Во время таких поездок нет возможности, конечно, писать станковые полотна. Но Дмитрий Яковлевич всегда стремится сделать зарисовки с натуры, пусть даже мимолетные, беглые. Прекрасная образная память, умение отобрать точные и яркие художественные детали помогают потом, дома, перенести на холст увиденное.

Но, пожалуй, больше всего любит он Подмосковье. Его лирические пейзажи, и в том числе «Утро туманное», проникнуты любовью к Отечеству, к дорогим сердцу русского человека лесам и перелескам, исхоженным с этюдником в воскресные и отпускные дни.

Осенью прошлого года Дмитрий Яковлевич был на БАМе. Поездка была трудной, ответственной. Пролетели, проехали и прошли по тайге сотни километров. Могучая дальневосточная природа захватила художника. И вскоре появились его новые живописные полотна, названия которых говорят сами за себя: «Восточные ворота БАМа», «Баргузинские липы», «Зейская ГЭС».

Вот как отозвался об этой последней работе начальник строительства Зейской гидроэлектростанции: «Самое большое спасибо за «Зейскую ГЭС». Эта картина — песнь о гидростроителях!».

Н. НАЗАРЕВСКАЯ

Д. Александров. УТРО ТУМАННОЕ.

А. Трофимов. ЯРКИЙ СЕНТЯБРЬСКИЙ ДЕНЬ.

даже испугало ее оцепенение. Неужели от страха так застыла?

Маша глядела не на полицая — на бункер. Я оглянулась. Там стояли двое молодых солдат и, смеясь, показывали один другому на нее. Я встревожилась. Влипнем. С такой куклой не пройдешь. А полицай копался в ее корзине, говорил же со мной:

— Отравы не намешала в самогонку?

— Что вы, дяденька? Разве мы позволим огневить бога?

Он выпрямился с мокрой кроваво-зловещей лапой, и глаза его блеснули недобро, гневно.

— У тебя — бог? Ты же комсомолка! И она комсомолка! Брешешь ты все! Я проверю, какие у тебя дети.

— Проверяйте, пан начальник.

— В лесу твои дети.

— В каком лесу? Когда собирают ягоды, бывают в лесу. Но не все. Трое совсем маленькие. А лес далеко...

— Не прикидывайся дурочкой. Бандиты — твои дети, партизаны. От них ходишь.

— Ой, что это вы говорите, пан начальник! Я их в глаза не видела.

В этот момент молодые солдаты подошли к нам. Один взял бутылку, откупорил, дал понюхать другому. Тот чихнул. Все засмеялись. Даже старик, который молча наблюдал, как полицай обыскивает нас. Потом один из мадьяр, самый молодой, высокий, черный, как цыган, с белыми красивыми зубами, подошел к Маше и, посмеиваясь, ущипнул за щеку. И тут случилось неожиданное даже для меня. Машино лицо как-то страшно скривилось, перекосилось так, что один глаз был выше, другой ниже. Она сначала по-идиотски засмеялась, потом так же ненормально всхлипнула. И вдруг залепетала быстро-быстро, как из пулемета, но с такой шепелявостью, что слов разобрать было невозможно.

Мадьяр испуганно отступил. Полицейский, потянувшийся к платку, в котором я несла яйца, спросил было уже: «А там у тебя что?» — тоже, пораженный, встрепенулся, уставился на Машу. Тогда она начала высказывать ему что-то с возмущением, тыча пальцем то в наши корзинки, то в солдата.

Полицай послушал ее немного, потом плюнул:

— Тьфу ты, нечисть. Дал бог морду, так ум отнял,— и спросил у меня:— Давно это у нее?

— Давно. После пожара. Горели они,— тотчас придумала я.

Полицай повернулся и пошел к бункеру. Солдаты, уже не смеясь, с сочувствием оглядываясь, потянулись за ним, бутылку взяли с собой. Часовой махнул нам рукой: идите.

К шлагбауму подъезжал немецкий военный грузовик.

Некоторое время мы шли молча, как бы боясь, что нас могут услышать, хотя вокруг было незасеянное поле, даже сорняки выросли редкие, невысокие, чахлые. Только в канавах вдоль дороги трава была густая, припудренная пылью.

Сначала Маша ускорила шаг... О, как мне знакомо это чувство — скорее уйти от опасности! Но нельзя. За нами, возможно, наблюдают. Надо вести себя так, чтобы у этого беспалого гада не появилось и зернышка подозрения: мне, может, еще придется встретиться с ним.

Маша, видимо, поняла, почему я иду медленнее, чем шла до сих пор. Я сгорбилась под тяжестью корзинки, как старушка. Меня немного тревожило, что грузовик долго стоит возле шлагбаума. Когда он загремел по шоссе за нашими спинами, я сжалась, соступила дальше на обочину, в пыльную траву, но все равно не оглянулась. Грузовик прошел мимо, в кузове, наверно, были пустые бочки, так как очень грохотало и лязгало. Под этот грохот я тихонько засмеялась, вспомнив, как Маша лепетала. Она тоже засмеялась.

— А здорово я их, правда?

— Здорово,— согласилась я.— А говорила, что артистка из тебя не получилась.

Маша вздохнула:

— Артистка не получилась.

— И играть ты умеешь. Если б я так умела! Ого!

— Такое я всегда умела, с детства. Уверовала, что это и есть талант. Кое-кто убеждал меня в этом. А режиссер сказал: ерунда, сыграть дурочку — ума не надо...

Мне почему-то захотелось вызвать ее на бóльшую откровенность, чем это было между нами вчера. Полкилометра голой дороги — до первых городских зданий — давали единственную возможность поговорить, больше такой, наверное, уже не будет никогда; даже если мы и встретимся (могут послать на связь с ней, что мало вероятно теперь, когда есть радисты), то встреча та произойдет не в таких условиях, не в чистом поле, на явочной же квартире душевного разговора не поведешь.

Я сказала:

— Не понимаю я тебя.

— А зачем тебе понимать?— показалось, она насторожилась: почему мне вдруг захотелось понять ее?

— Кто у тебя остался там?— спросила я, оглянувшись наконец, не идет ли кто за нами.

— Валя, не надо,— как пощады, попросила Маша. Сняв с головы платок, она вытерла пот со лба и, поправляя корзину, пожаловалась:— Нарезала я плечи до крови. Сразу-то показалось легко. А теперь будто сто пудов несу на плечах. Ты всегда ходишь с таким грузом?

— Часто.

— Не завидую тебе.

Меня рассмешило, что она так сказала: не завидую. Я подумала, к кому иду, и мне хотелось ответить: «А я себе завидую». Представила, как она удивилась бы. Нет, просто не поверила бы, решила, что я шучу. Больше убедило ее серьезное и простое:

— Я привычная.

Маша со вздохом согласилась:

— Да, человек ко всему привыкает.— И снова пожаловалась:— Пить хочется.

— Скоро дойдем до колонки. На улице есть колонка. Правда, вода там не всегда бывает. Но раза два я пила.

Вода в колонке была. Нажали рычаг, и она полилась бурной струей. Сбросив с плеч корзинки, мы приладились, чтоб напиться. Я стала на одно колено, не обращая внимания на грязь, и подставила рот под струю. Напилась, даже забулькало в животе, обмыла лицо.

Маша не могла опуститься на колено в грязь и пить так не умела, долго и жадно ловила упругую струю губами и языком. Обрызгалась хуже меня. Ноги ее, покрытые пылью, от брызг стали грязные, и она надумала помыть их: сбросила ботинки, подставила ногу под струю. Тогда в доме напротив колонки открылось окно, высунулся бородатый мужчина, который, видимо, наблюдал за нами, и омерзительно выругал нас за мытье ног. Меня его ругань мало тронула, в других условиях я не постеснялась бы ответить ему такими же словами. Подумаешь, нашелся хозяин водопровода! А Маша испугалась. Быстро надела ботинки на мокрые ноги, поспешно схватила корзину. Я слышала, как она прошептала:

— Боже мой...

Сначала я посмеялась над такой целомудренностью: неужели впервые услышала от мужчины матерные слова? Но потом увидела ее лицо, на котором отразились обида, страдание, боль. Поняла: так ее действительно никто не ругал. Она жила в другом мире — в интеллигентном. Можно было пожалеть ее, если бы я не знала, кто она, куда идет. А так меня снова охватила злость: посылают же таких! И страх. За Степана. Как ему работать с такой?

Рынок Машу поразил. Это естественно, меня он тоже удивил, когда я впервые пришла в город. Всюду на захваченной врагом земле жизнь как бы повернула назад, в прошлое. По-старому начали пахать, по-старому сеять, по-старому молоть рожь — на ручных жерновах, как триста лет назад. Но, по-видимому,

---

Олег ВОЛКОВ

РОДНЫЕ СЛЫШАТСЯ НАПЕВЫ

«Яркий сентябрьский день». От этого небольшого полотна А. С. Трофимова исходят тишина и успокоенность. Деревья наполовину облетели, их яркий прощальный наряд ковром устлал пожухшие травы под ними. В открывающемся взору влажном луге с подступающими со всех сторон рощами — уют и задушевность деревенского окоема, знакомого и привычного, родившего русскую задумчивость и веселье, неотделимого от народной жизни. Тут, как сошел весной снег, все цвело пестро и щедро, пели птицы, а сейчас шуршат под ногой красно-золотые листья и с высокого густо-синего неба доносятся крики улетающих журавлей.

Мысль опережает время, медленное чередование месяцев. За сменившими мягкую задумчивость осенних далей стылостью и строгостью зимнего снежного убора мерещатся солнце, все выше поднимающееся в небе, первые капели в заветрии, робко звучащие мелодии возрождающейся жизни природы.

На выставке Александра Сергеевича Трофимова в залах Центрального Дома работников искусств я надолго остановился перед картинами «Яркий сентябрьский день» и «Большая вода». Потом вновь к ним возвращался, привлеченный их удивительным полнозвучием и мягким, отнюдь не размягченным лиризмом.

Секрет притягательной силы произведений этого художника не только в зрелости мастерства — живописном колорите, тонкости уверенного мазка, умелом выборе сюжета, делающем каждое его полотно «вещью в себе», но главным образом в ощущаемой живой и неразрывной связи художника с изображаемым, в его слитости с русским пейзажем и русской стариной.

Работы Трофимова, посвященные архитектуре,— особая значительная область его творчества. В этих картинах осязаемо присутствуют наложившие на них свой отпечаток впечатления детства и юности, тесно связанные с Замоскворечьем начала 30-х годов. Зеленые берега Москвы-реки, тесные улицы и тихие переулки, уютные площади с фонтанами, всюду — зеленые кущи и наполовину скрытые ими фасады домов с колоннами «ампирных» портиков и лепниной, старинные постройки за невысокими каменными оградами. Эти образы оставили глубокий след в душе художника и оказали решающее влияние на его формирование.

В конце 40-х годов произошло знакомство Александра Трофимова с замечательным русским художником Александром Васильевичем Куприным, перешедшее со временем в дружбу. С помощью большого мастера широко раздвинулись границы понимания природы, стало глубже и тоньше ее восприятие. Начинающий живописец успешно искал и находил новые возможности для передачи своих ощущений изобразительным языком. Перед ним постепенно открывался мир поэзии и красоты, одухотворявший произведения учителя. Со временем следы влияния А. В. Куприна стираются; самостоятельный характер дарования художника позволил ему выбрать свой путь.

Многие картины А. С. Трофимова — «Лесная глушь», «Северная ночь», «Последний снег», «Большая вода» — знакомы зрителям по выставкам и открыткам.

нигде этот возврат к старине не бросался в глаза так, как на рынке в большом городе. Такое мы, молодые, разве что в книгах читали да в кино видели. На рынке даже люди появились какие-то странные, будто не из жизни, а из книг, из театра. Вся старина выперла — в одежде, в поведении, в лицах. Какие-то мужчины в засаленных сюртуках, в грязных манишках, с усиками, с вороватым, нездоровым блеском в глазах. Ярко размалеванные женщины в старомодных или, может быть, излишне новомодных уборах, крикливые и нахальные. Медлительные бородатые мужчины, как русские купцы из прошлого столетия. Пугливые, как в годы крепостного права, крестьяне — боялись, что их не только обманут, но могут и арестовать, принять за партизан.

Солдаты немецкие, венгерские, румынские. Они тоже продавали ворованное с оглядкой. Боялись военной жандармерии. Нахальные полицейские порой забирали у человека товар без всяких объяснений. Немцы в штатском ходили, как хозяева, ничего, кажется, не продавали, ничего не покупали — глядели, слушали. В тот день слушали старого, слепого нищего-гусляра, которому подпевали двое поводырей-мальчиков, босых, опаленных солнцем, в штанах и рубахах из домотканого полотна. А рядом с ними инвалид, без обеих ног, в красноармейской гимнастерке, только петлицы спороты, играл на гармошке и пел старинную военную песню «Умер, бедняга, в больнице военной, долго, родимый, лежал». Немецкие офицеры снимали инвалида и нищих фотоаппаратами. Но ни одного пфеннига не бросили.

Все толклись, кружились, одни молча, другие кричали — предлагали свой товар. Вещей разных, одежды продавалось много, но все какое-то старое, пропахшее нафталином. А продуктов было мало. Продукты вырывали из рук. Наши ягоды разобрали за каких-нибудь двадцать минут, хотя я раз за разом немного повышала цену. Даже немки покупали землянику на варенье. А какой-то тип шептал мне на ухо, что может купить все оптом — за соль, а сам подбирался к узелку с яйцами, но за узелком я следила зорко, не выпускала из рук даже тогда, когда отмеривала железной кружкой ягоды. Яйца, коль спасла их от охраны возле шлагбаума, я решила не продавать — отнести Степану, так как хоть и хороший паек он имеет, но делит его с хозяйкой, а та — с внуками своими. «Небогато живет, а работает много»,— думала я озабоченно, как о муже.

Я торговала ловко, умело и одновременно помогала Маше, так как она «ловила ворон», ее обманывали. Я злилась, что она так жадно, прямо по-детски удивленно и недоуменно разглядывает все, что происходит на рынке. Хотя, по правде говоря, злило не само ее любопытство — это естественно и даже необходимо: попала деревенская девушка впервые в город, так можно подумать, если глянуть со стороны, а это нам как раз выгодно. Злилась от мысли, что все-таки не всему ее научили, что огрехи у нее, пожалуй, в самом главном — в незнании условий жизни тут, у нас. Неужели в разведшколе не было ни одного преподавателя, вернувшегося отсюда, из вражеского тыла?

Но вообще нам повезло в тот день. Я, например, боялась перехода через железнодорожное полотно на Моховом переезде, там тоже часто останавливали и проверяли: кто, откуда, куда, зачем? Боялась, когда шли на рынок, и еще больше почему-то, когда возвращались с рынка, купив соли и отрез ситца — «на кофточку Маше». Все я продумала, каждую мелочь. Но легенды были правдивы до первой проверки. Если нас задержат и начнут проверять, все может рассыпаться, как песок. А если еще обыщут так, что залезут в рейтузы — фашисты все могут,— то и проверка не понадобится. Дело в том, что несла я две пары справок: одни от старосты села из-под Гомеля — чтоб пройти на постах с ягодами и яйцами, до рынка держала эти бумажки за пазухой; а другие, спрятанные глубже, от старосты Степанова села, справки свидетельствовали, что я, Валентина Жданко, иду к брату, а Маша, Мария Лещук, дочь тамошнего полицейского, пришла купить обновку. Это справки для Степана, если проверят у него на квартире. После продажи ягод я поменяла справки местами; нелегко это сделать на рынке, но я сумела: будто так, по-деревенски глубоко, прятала деньги; если кто увидел, то мог только посмеяться — вот деревня!— но вряд ли заподозрил бы другое.

Раньше я не предпринимала подобных предосторожностей, потому что не так боялась. Все из-за Маши: недеревенская она с виду. Нет, наверное, не потому, что недеревенская, а потому, что чувствовала я особую ответственность — за нее, за Степана, за то задание, какое они вместе должны выполнить, о котором я могла только догадываться, но не имела права спрашивать.

К счастью, на переезде нас не задержали. Но больше всего повезло в том, что Степан был дома. И главное — один. В саду, под окнами своей комнаты, на столе-верстаке занимался любимым ремеслом: делал из обломков самолетов пластмассовые черенки для ножей и мундштуки. Лезвия ножей ему ковали где-то в кузнице, а он надевал и шлифовал черенки. Ножи вырабатывались самые разные: большие — финки и маленькие — перочинные ножички, были и простые — кухонные, столовые. На финках черенки делались замысловатые — в форме рыб, русалок, Мефистофеля, жирафовой и лошадиной голов... Не менее красивыми были и мундштуки — переливались радугой.

Хозяйка очень хвалила это Степаново умельство — золотые руки у парня; она продавала его изделия на рынке и имела от этого немалый доход. Мне Степан тоже признался тогда, в шалаше, что промысел его позволяет ему в законном порядке иметь лишние марки, чтоб подпоить кого надо, а главное — мастерить почти открыто, не боясь, вместе с ножами и мундштуками мелкие детали для мин, которые потом кто-то из подпольщиков собирал.

Калитка была открыта, и мы вошли без стука. Услышали за домом его голос, вернее, свист — он насвистывал мелодию «Катюши». Я подумала, что неосторожно это, неизвестно, какие соседи за заборами с трех сторон, другие, чего доброго, донесут, что квартирант поет советские песни, хотя, правда, «Катюшу» пели и сами немцы.

Нас Степан увидел не сразу, и мы какую-то минуту наблюдали за ним. Он шлифовал наждачной бумагой черенок финки. Увлекся работой. Ржаные волосы прилипли к мокрому лбу, на кончике носа повисла капелька пота. Лицо с веснушками казалось совсем мальчишеским.

Я взглянула на Машу и увидела в ее глазах что-то такое, чего до сих пор не видела,— особенное любопытство, почти озорную веселость; перед парнишкой она сделалась девчонкой. Да и сама я с умилением любовалась своим любимым: в работе, наедине с собой, он был особенно красив — для меня.

Но Степан услышал нас. Посмотрел без удивления, с искренней радостью выкрикнул довольно громко — для соседей:

— Валька! Сестричка! Вот не ждал!— подошел, обнял и поцеловал в губы, не как сестру. На посту на шоссе, на железнодорожном переезде, где стояла немецкая охрана, у меня не билось так сердце, как забилось от его поцелуя. Даже голова закружилась.

А Степан разглядывал уже Машу, разглядывал пристально, с любопытством, как говорят, с головы до ног. В этом разглядывании я усмотрела что-то излишнее, как бы непристойное, и мое горемычное сердце остановилось на миг, затаилось в предчувствии чего-то недоброго.

— Маша?— выкрикнул Степан.— Неужели Маша? Ух, какая ты стала!— и, захохотав, схватил ее за руки, как старую знакомую, школьную подругу, крутнул вокруг себя.— Хорошо тебя кормят! Конечно, Украина! Сала полные короба имеете!

Маша тоже засмеялась.

Я поняла, что Степан знает о ней больше, чем я: сообщили через радиста, когда и с какой целью ее посылают сюда.

Это меня как-то успокоило: вон как серьезно все поставлено! Вон откуда будут следить за их работой! Я повеселела. Но увидела на Степане грязную майку, и мне стало стыдно за него перед Машей, будто я могла постирать майку, но не сделала этого по лености.

Мы отошли в тень под яблони, так как солнце палило безжалостно, и сели на траву. Я передала приветы от родных и сообщила деревенские новости. Они, пожалуй, были одинаковые, что в моей деревне под Лоевом, что в Степановой под Комарином.

Маша не постеснялась лечь. Конечно, после такой дороги тут, в саду, в тени, нелегко было удержаться, чтоб не растянуться на прохладной земле. Но я подумала: деревенская девушка не легла бы так перед парнем.

Машу смешили мои рассказы. Вообще она оживилась, в глазах появился какой-то удивительный, даже радостный блеск. Пожаловалась Степану:

— С сестрой твоей, Степан, ходить невозможно. Летит, как дикая коза. Она просто меня запарила!

Боже мой! Пускай бы она лучше молчала тут, где нас могут услышать. Разве это комаринская речь! Любая неграмотная баба поймет, что тут что-то не так. Интересно, какая у них легенда для ее пребывания тут, в городе? Но об этом я могу спросить только у Степана, когда останемся наедине. А когда и как мы сможем остаться?

— Хозяин, кормить гостей будешь? Как я проголодалась! Вола з'ила б («з'ила» она сказала по-украински).

Я встрепенулась. Два дня в рот ничего не брала, а тут проголодалась. Хотя вообще я понимала ее: дошли до цели, она познакомилась с тем, кто будет ее руководителем, и он, безусловно, понравился ей — простой, спокойный, уверенный, и все вообще выглядело проще, чем ей представлялось,— вот и наступила душевная разрядка, забыты вчерашние переживания, возникло убеждение, что впредь все будет хорошо, потому и аппетит вернулся,— поесть, видно, любит, не была бы такая гладкая.

Но понимание этого и рассудительность не облегчали мое состояние. Наоборот. Снова, как и вчера утром, словно весенние сорняки в поле, нарастала мучительная ревность. Я уйду, а она останется тут... Кровь ударила в голову. Чтоб не выдать себя и побыть наедине со Степаном, как-то успокоиться, я сказала:

— Пойдем, Степан, приготовим поесть. Я яиц принесла. Мать передала. Мы и в самом деле проголодались. Как позавтракали у дядьки в Борщовке...

В кухне Степан, радостно возбужденный, что мне тоже не понравилось, обнял меня и поцеловал. Я не оттолкнула его, нет, но и не прижалась, не поцеловала так, как мечтала об этом три недели. Я осторожно, чтоб он не обиделся, отстранилась от него и спросила:

— Кто она?

Степан удивился.

— Здорова была! Ты ее привела, а у меня спрашиваешь, кто она.

— Кем она будет тут, в городе?

— Об этом мы еще подумаем. Есть надежный план. Хорошие документы. Надо было посмотреть на нее...

— Она будет жить тут, у тебя?

Степан сначала посмотрел на меня серьезно, как бы недоуменно, потом рассмеялся.

— Вон ты о чем! А чтоб вам... О чем вы только, бабы, думаете. В такое время, когда не знаешь, будешь ли жив завтра. Я о деле думаю: как лучше выполнить задание.

Стыдно мне сделалось: действительно, неуместно, недостойно для партизанки выдавать так открыто свои женские страхи и чувства. Отступила я своеобразно, не без особой хитрости:

— Степанка, скинь майку, надень сорочку. Ты погляди, какая она грязная. Неловко перед гостьей.

— Валька, я рабочий человек. Паровозник.— Он снова обнял меня и серьезно, искренне, доверительно прошептал:— Не бойся. Не будет она тут жить.

— Я не боюсь.

— Неразумно было бы так рисковать. Можно провалиться сразу всем. А кому это надо? Я сегодня же отведу ее на квартиру. Только накормим. Для хозяйки: поведу к ее же, Машиной, тетке.

Как стало сразу легко, хорошо! Вернулась та радость, о которой я мечтала бессонными ночами под гудение комаров, под шум сосен. Теперь уже я сама горячо поцеловала Степана.

Майку он не снял, наверно, потому, что не было чистой, но надел клетчатую сорочку; в сорочке этой он выглядел мальчишкой, такой

конопатый озорник, отнюдь не городской, наш, деревенский, весельчак, танцор, к которому всегда липнут девчата. Подумала об этом, и снова глупое сердце мое тревожно екнуло. Но уже не так, на один миг. Я любовалась своим Степаном. «Он мой, мой, мой!» — хотелось крикнуть на весь мир. Не отводила от него глаз. Ему даже неловко стало, он спросил:

— Что ты глядишь так, Валька?

— Красивый ты.

— Да ну тебя! Где ты научилась комплименты говорить?

Мы подожгли в плите щепу и стали жарить яичницу на сале. Яичницей занималась я, Степан чистил лук и нарезал хлеб. За луком он сходил на огород, и я проследила за ним в окно и порадовалась, что возле Маши он не остановился.

Степан вернулся с луком и сообщил шепотом:

— Спит.

Так говорят родители о ребенке, который, издергав их своими капризами, наконец угомонился.

Шепот его тоже не понравился, но это уже мелочь по сравнению с другими моими переживаниями.

Жаря яичницу, накрывая стол, я рассказывала о наших происшествиях за два дня: Степану надо знать, что новая разведчица умеет, на что способна, в чем ее сила, в чем слабости. Безусловно, о слабостях я говорила больше — о том, что войны она не видела, убитых, раненых не видела и условий здешних не знает, о народе, оказавшемся в оккупации, неуважительно высказывалась, будто все люди, что живут тут, враги. Ума надо не иметь, чтоб так думать. Одним словом, из рассказа моего выглядела она не такой героиней, как о ней могли подумать, да и сама я так думала, когда встретила ее на Ржавом болоте и в первые дни в лагере, когда она, Маша, очаровывала партизан своими песнями.

Степан слушал меня внимательно, но не выдержал — усмехнулся:

— А мне передали: опытная разведница.

— Опытная?— удивило меня, что оттуда, с Большой земли, так передали. Не верить им нельзя. Если опытная, то это хорошо, можно не так бояться за них... за Степана. Но вместе с тем я чувствовала себя как бы обиженной: выходит, Маша забавлялась со мной, как с маленькой, за нос водила, дурачила?

Обед был готов, и я пошла ее будить. Спала она крепко, лежала на правом боку, по-солдатски подложив кулак под голову. Меня поразило ее лицо: оно казалось еще привлекательнее, и привлекательность эта была не яркая, девичья, а скорее детская, добрая, ласковая.

Я долго смотрела на ее лицо, на руки, на запыленные ноги. Вдруг почувствовала, что мне жаль будить ее, как матери дочку. Странное чувство! Себя я никогда не жалела. Других партизанок тоже. Возмущалась, когда нам, девушкам, женщинам, в отряде старались дать какую-то поблажку. Считала, что если у нас равные с мужчинами права, то и обязанности должны быть равные. А тут красоту ее пожалела. Правда, через минуту упрекнула себя за такие мысли: жизни своей мы не щадим, так смешно же в такое время сокрушаться о наших женских прелестях, пусть они хоть какие, самые чарующие.

Не очень деликатно потянула Машу за нос. Она испуганно дернулась, раскрыла глаза.

— Вставай, соня.

— Пошла к черту, Валя!— И повернулась на другой бок.

— Яичница остынет.

Маша потянулась, села, как ребенок, протерла кулаками глаза, засмеялась:

— Сразу так и сказала б. Хоть сон и самое дорогое, но яичница тоже что-то значит...

Продолжение следует.

Авторизованный перевод с белорусского М. ГОРБАЧЕВА.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Юр. ЗУБКОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

Минувший театральный сезон в столице делится как бы на две части — самый сезон и его финал.

Самый сезон редко радовал значительными спектаклями, которые поэтически осмысливали бы жизнь народа, созидающего новую действительность и нового человека. Но под занавес появились спектакли, знаменующие тридцатилетие Победы над германским фашизмом, духовное величие советского человека, вставшего на защиту Родины. Иными словами, получилось так, что две центральные темы времени: тема созидательного труда и тема его защиты — защиты счастья и будущего людей — нашли в течение сезона далеко не равноценное воплощение.

Появились интересные спектакли о нынешнем дне: «Неопубликованный репортаж» азербайджанского писателя Р. Ибрагимбекова в Театре имени Вл. Маяковского, «Моя любовь на третьем курсе» М. Шатрова в Театре имени А. С. Пушкина... Успех первого из названных спектаклей — это в первую очередь успех А. Лазарева в центральной роли Фарида Салаева. Актер создал характер несгибаемый, оптимистический. Характер человека, который не жалуется на трудности и препятствия, встающие на пути, а с азартом прирожденного борца, движимого высокой идеей, можно сказать, даже весело идет на их штурм.

Пьесу М. Шатрова режиссер спектакля А. Хайкин уже ставил у себя дома, в Омском театре: он и здесь создал интересное представление о третьекурсниках — людях двадцатилетних, выбирающих не только самостоятельную дорогу в жизни, но и нравственные принципы, гражданскую веру. Жизнестойкость и юмор присущи героям спектакля — участникам студенческого строительного отряда, среди которых особым упорством и душевной чистотой выделяется комиссар отряда Алеша Нестеров в исполнении В. Безрукова. Кстати, этот артист успешно заменил А. Локтева в роли Павки Корчагина в спектакле «Драматическая песня», когда Локтев перешел в Малый театр.

Успех всегда дается ценой большого труда. Надо сказать, что и пьеса М. Шатрова по сравнению с первоначальным ее вариантом обрела сегодня гораздо более четкое идейное звучание. И режиссура «Неопубликованного репортажа» (А. Гончаров и Е. Табачникова) тоже немало сделала для преодоления некоторой авторской односторонности во взаимоотношениях героя пьесы Салаева с окружающими его людьми.

Других, новых спектаклей-явлений о трудовой жизни нашего общества в минувшем сезоне, пожалуй, не оказалось.

Едва ли не самой сильной премьерой сезона стала постановка пьесы югославского писателя М. Крлежи «Господа Глембаи», осуществленная на вахтанговской сцене югославским режиссером М. Беловичем. Драма, посвященная распаду буржуазной семьи в канун первой империалистической войны, насыщена острыми социально-психологическими конфликтами. Здесь встречаешься с сильными характерами, которых так недостает многим спектаклям. Глубокая, полнокровная драматургия «Глембаев» обусловила новое раскрытие знакомых актерских творческих индивидуальностей, появление блестящих работ. Ю. Яковлев, чью сильную сторону всегда составляют мягкий лиризм и изящная комедийность, достигает в роли Леона подлинно трагических высот. В. Лановой, играя духовника Зильбербранта, создает образ, поражающий вкрадчивым цинизмом,— омерзительный образ человека, даже в пластике которого есть что-то змеиное. Е. Карельских, играющий обычно молодых, привлекательных людей, также выбирает при обрисовке своего героя, адвоката Пубы, преимущественно сатирические краски. Цинизмом и бездуховностью наделила свою баронессу Кастелли Л. Максакова... Короче, это спектакль редкой художественной силы.

Хорошему спектаклю нельзя не радоваться. Как нельзя не огорчаться тем, что Художественный театр после «Сталеваров» не выпустил ни одного спектакля, хотя бы приближающегося к «Сталеварам» по глубине и богатству содержания. Что ни спектакль (я, разумеется, не имею в виду возобновление «Кремлевских курантов»), то в лучшем случае полууспех... Право же, не следовало ли бы при таких высоких поощрениях, как присуждение театру Государственной премии (а она, как правило, присуждается полтора-два года спустя после появления того или иного произведения), учитывать и предшествующий и последующий репертуар: его значимость, художественность, глубину воплощения. Премия ведь не может становиться своего рода «индульгенцией», оправдывающей появление рядом с сильной, яркой работой, за которую она и была дана театру, спектаклей посредственных, бедных и по мысли и по форме.

Вот, к примеру, постановка пьесы Р. Ибрагимбекова «Похожий на льва» (режиссер В. Салюк). Двусмысленность названия, возможность полярного истолкования пьесы (герой либо напоминает льва, либо только похож на него, не более) театром и не снимаются и не преодолеваются. Но беда даже не в этом, а прежде всего в мелком содержании. Судите сами: ученый полюбил циркачку, незадолго до того поссорившуюся с мужем. Герой, «похожий на льва», готов порвать со своей семьей и жениться на возлюбленной, хотя все кругом, в том числе и сама циркачка, твердят, что этого не должно быть. И вот печальный итог: смерть ученого,— то ли окружающие довели, то ли сам себя довел...

Не вдаваясь в дискуссию о том, имеет ли эта пьеса право на место в театральном репертуаре вообще, я хочу напомнить о высоте критериев, которые всегда предъявляли К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко к афише именно Художественного театра. Являясь автором ряда репертуарных пьес, Немирович-Данченко не считал их достойными сцены и афиши Художественного театра; он только для одной из них сделал исключение...

Возможно, мне скажут, что нельзя сопоставлять художников сегодняшних — пробующих, дерзающих, порой ошибающихся — с корифеями МХАТа. Ну, а с кем же сопоставлять их — с третьесортными ремесленниками?! Разумеется, понятия марка Художественного театра, уровень репертуара, достоинство его артистов и режиссеров — живые, движущиеся. Но хотелось бы видеть, что движутся они не в сторону снижения критериев, снижения требовательности, а в сторону их повышения. Нельзя, чтобы новое уступало старому в смысле идейно-художественной значимости, нравственной глубины, жизненного богатства. Недаром В. И. Ленин говорил, что ему не хочется преклоняться перед новым только потому, что оно новое. «Бессмыслица,— восклицал он,— сплошная бессмыслица!»

Не может не вызывать беспокойства и то, что понятие «местная» пьеса как бы стало перекочевывать с периферийной афиши на московскую. Не раз говорилось о том, что «местная» пьеса только тогда имеет право на существование как явление искусства, когда становится повсеместной. В данном же случае речь идет об афише столичной.

Да, грани между театральной столицей и театральной периферией стираются все больше. Но и сегодня театральная Москва задает тон всей стране, и прежде всего в области репертуара. И если тон неверен, это, повторяю, не может не тревожить.

Три московских театра поставили в минувшем сезоне никогда до этого не шедшие на сцене пьесы Л. Зорина: вахтанговцы — «Театральную фантазию», Драматический театр на Малой Бронной — «Покровские ворота», Художественный — «Медную бабушку».

Интенсивность любого драматурга сама по себе может только радовать. Но следует познакомиться поближе с этими пьесами и спектаклями, чтобы определить их творческую значимость, их место в общем художественном балансе столицы и страны.

В «Театральной фантазии», поставленной Е. Симоновым, заняты ведущие мастера труппы: Н. Гриценко, И. Толчанов, Л. Пашкова, В. Этуш, М. Синельникова, А. Граве, Л. Целиковская, А. Казанская, В. Шалевич — созвездие талантов! Все играют броско, выразительно. Однако же по мере того, как смотришь спектакль, все очевиднее становится ограниченность пьесы, «капустнический» ее характер.

Вор-домушник забрался в квартиру к графоману-драмоделу. И за неимением никакого другого имущества украл рукопись новой пьесы. Принес ее в театр. Там за нее горячо ухватились: производственная, мол, тема, новое имя!.. Как и следовало ожидать, пьеса провалилась; но после вмешательства некоего авторитетного критика (уж и не знаю, как сейчас писать это слово — в кавычках или без кавычек!) будто бы обрела успех. Тогда домушник сам пишет пьесу, и теперь ее крадет у него молодой собрат по воровской профессии, позавидовавший его драматургическим лаврам!..

Какова же мораль всего этого происшествия?.. Мораль извлекается в конце: театр жив зрителем. Театр играет, пока у него есть хотя бы три зрителя, пусть два, пусть даже один. С уходом последнего театр прекращается... Намек не требует пространных пояснений: такова, мол, жалкая участь тех пьес, авторы которых пытаются «выехать» на теме, на среде,

ПОСЛЕ СЕЗОНА

которую изображают... Нужен талант!.. Нужен — кто с этим спорит. Но и о выборе темы и героев, об их внутренних масштабах тоже забывать не следует.

Впрочем, перед нами, возможно, пародия. Фигуры режиссера Мудрова, директора Молочко и особенно завлита Маргариты Львовны, да и некоторых других персонажей, явно пародийные. Но что в основе пародии? То, что театр, обрадовавшись пьесе на «производственную тему», работал с жуликом?.. А разве меньше появляется халтурных и спекулятивных пьес на темы морально-бытовые?.. Но, может быть, пародируется самый театр, его дух, атмосфера кулис, работа театра с начинающим драматургом?.. Все тут намеки, намеки!.. Пародийный характер представления даже при некоторых метко схваченных черточках театрального быта и закулисных взаимоотношений, мелких уколов по адресу литературно-театральных оппонентов еще не создает богатства жизненного содержания. И когда смотришь спектакль, невольно думаешь: да на что же тратятся актерские таланты, оригинальный и смелый дар режиссера? Лишь в актерском капустнике все это было бы, наверное, возможно и уместно. Но театр, даже если он ставит веселую комедию,— дело серьезное! Бессодержательности, мелкости, бедности мысли он не терпит!..

Именно мелкость мысли, анекдотичность всего происходящего присущи и другой зоринской пьесе, «Покровские ворота», где настойчиво проходит мотив пятидесятых годов: с ними связана юность главного героя — Костика Ромина. На первый взгляд перед нами всего лишь милое воспоминание: элегическая комедия, с грустинкой и юмором повествующая о том, как жили люди в старом доме где-то возле Покровских ворот, в коммунальной квартире... Хоть ссорились порой, но всё друг о друге знали, все друг о друге заботились...

Однако далеко не сводится пьеса к грустинке по поводу нынешней некоммуникабельности, к идиллическому изображению быта коммунальной квартиры. Ведущая мысль иная. Костик говорит: «Поверьте историку — осчастливить против желания нельзя». В этом-то главная суть произведения. Властная дама Маргарита Павловна, вторично выйдя замуж, пытается «осчастливить» своего бывшего мужа: она запрещает ему жениться на полюбившейся ему милой, обаятельной медсестре. Маргарита требует, чтобы бывший муж переехал вместе с ней и ее новым мужем на новую квартиру и жил при них...

Вот, оказывается, против чего направлена пьеса: против попыток искусственно, деспотически навязывать людям счастье, самый образ жизни... И хотя актеры играют мягко, достоверно, театр вслед за автором также подает этот случай не как анекдотический, из ряда вон выходящий, а как некое реальное общественное зло.

Бедность мысли, надуманность содержания не позволили режиссеру М. Козакову правдиво передать характер человеческих взаимоотношений в нашем обществе. А внешняя житейская достоверность еще не есть правда жизни. Правда жизни всегда связана с постижением глубоких и острых социальных конфликтов, крупных человеческих характеров, со значительной гражданской мыслью. Ничего этого ни в пьесе, ни в спектакле нет...

«Медная бабушка» обращает нас ко времени и людям, отдаленным полутора веками,— к образу Пушкина. Ради чего? Да ради все той же давным-давно набившей оскомину проблемы,— талант и власть. Ради того, чтобы в конечном счете прийти к мысли не только ложной, но попросту уже и банальной, поскольку повторялась и варьировалась она последние годы много раз. К мысли о том, что, мол, талант, поскольку он всегда выходит за рамки общепринятого и не укладывается в нормы, удобные власти, якобы неизменно ей враждебен.

Впрочем, не здесь главная беда этой пьесы Л. Зорина, поставленной во МХАТе О. Ефремовым и А. Васильевым. Мысль эта прочитывается, угадывается как отдаленное эхо — она не акцентируется. Спектакль попросту скучен, лишен подлинно напряженного конфликта, динамики взаимоотношений. Исполнители центральных ролей в спектакле — О. Ефремов (Пушкин), Е. Евстигнеев (Соболевский), В. Давыдов (Вяземский) — видимо, и не ставят своей задачей глубокое, полное перевоплощение. И складывается впечатление, что актеры или играют «за Пушкина», «за Соболевского», «за Вяземского», или смотрят на своих героев вовсе «со стороны». Да и мелки заботы, мысли их героев... Скука — увы! — владела здесь не только мной: я был свидетелем — люди уходили со спектакля, где не было того, чем жив театр,— не было встречи, как говорил еще В. Г. Белинский, со знакомыми незнакомцами.

Необычайно горько видеть, как люди уходят со спектакля МХАТа — театра, у дверей которого мы в годы нашей юности простаивали ночи за билетами на «Дни Турбиных», «Воскресение», «Трех сестер», «Анну Каренину»...

Уход зрителей со спектакля еще больше углубляет мою тревогу по поводу того, что происходит сегодня в Художественном театре. Ведь ни один человек в зале не пошевельнется, замерев, когда мхатовские «старики» играют «Соло для часов с боем» О. Заградника. В их великолепном исполнении пьеса о «маленьких» людях, о закате жизни, в той же самой режиссуре, что и «Медная бабушка», обретает необычайную глубину и человечность.

Сила лучших спектаклей и МХАТа и всего советского театра в том, что, какие бы стороны действительности они ни рисовали, каких бы ни изображали героев, они всегда воодушевляли зрителя, поднимали над повседневностью, давали возможность соприкоснуться с высокими нравственными ценностями. Вне этой главной задачи все страдания и поиски героев лишаются смысла.

Трудно, к примеру, обнаружить глубокий нравственный смысл в пьесе Э. Радзинского «Монолог о браке», поставленной В. Кузенковым в Театре имени К. С. Станиславского. Перед нами история распада молодой семьи, выяснение причин этого распада, его неизбежности.

Здесь есть герой — молодой специалист. И есть Нептун — человек, уступающий герою по всем статьям: и по знаниям, и по образованию, и по служебному положению. Но история распада семьи Нептуна почти буквально повторяет историю распада семьи главного героя. Есть еще Геныч, друг детства; его семейная история тоже мало чем отличается от двух предыдущих.

Автор детально исследует, анатомирует современный брак. Рассмотрены взаимная влюбленность героев, облик родителей невесты, работа каждого из новобрачных, вопросы квартиры, быта... И каждая из этих проблем освещается так, что основные причины взаимного непонимания, охлаждения супругов оказываются будто бы объективными. Всяческие субъективные неполадки якобы порождаются и обусловливаются причинами коренными и непоправимыми.

Мать, для которой дочь — единственный свет в окне, и отец, отгородившийся газетой и телевизором от забот о семье, вырастили эгоистку, эгоцентристку. Но и молодой муж взращен своими родителями не меньшим эгоистом и эгоцентристом. Значит, суть разрыва субъективна,— так, можно подумать, утверждает Э. Радзинский?

Молодожены, не понимая друг друга, не желая помогать друг другу, сами убивают свою любовь, но иначе и быть не может!.. Отношения молодых потому и «типизируются» драматургом, что они будто бы сформированы нравственным климатом нашего общества.

Отказываясь от признаков сценической конкретности, театр «выстраивает» сцену из «модных» фотографий. Лица современных молодых людей на фотографиях усиливают впечатление «обобщенности». Стандартные лица, стандартные браки, стандартные семьи, стандартные разводы...

Беда не в том, что семьям бездуховным спектакль не противопоставляет хотя бы одну семью, обладающую духовностью,— дело не в арифметическом «равновесии». Беда в том, что ни к одному из героев спектакля так и не приходит нравственное прозрение, хотя все происходящее в спектакле — все эти воспоминания и размышления главного героя, все персонажи,— возникает ведь лишь в его воображении, в его обиженном и разгоряченном мозгу. Но ни сам он и никто другой так ничего и не поняли в том, что с ними происходит. Каждый остается при своем.

«Веселая пьеса о разводе в 2 частях»— так сказано в программе. Но «веселого» здесь мало. Ничто не спасает спектакль от монотонности, от уныния, рождаемых внутренней неподвижностью героев, их досадной и непонятной, необъяснимой нравственной глухотой.

Эти же настроения пронизывают и другой спектакль Театра имени К. С. Станиславского — «Еще не вечер». Здесь герой, Алексей Кузнецов, ему около сорока лет, поставлен автором на рубеж нравственного прозрения. В свое время он предал любимую женщину, свое призвание, самого себя, и годы жизни ушли впустую. Зато друг его остался верен и призванию, и любимой, и самому себе. И вот друг этот умер. Улица, где живет герой пьесы, названа именем друга. И живой горько завидует мертвому...

Герой выворачивает свою душу, можно сказать, наизнанку. Возникает неприглядное зрелище человеческой мелкости, трусости, слабоволия, не вызывающее ни сожаления, ни сочувствия. Ибо снова, как и в «Монологе о браке», значительная доля ответственности за отступничество героя перекладывается автором и театром на окружающих: мать, дядю, жену. Это они, вроде бы желая добра герою, сбивали его с пути.

Бесперспективность удручает. Не поэтому ли Л. Танюк, режиссер спектакля, вводит песни-зонги на тему о том, как нужно жить? Но странно, что исполнение зонгов он доверяет герою, который олицетворяет собой именно то, как жить не надо.

Автор пьесы А. Кутерницкий совсем еще мо-

лодой драматург, и, видимо, в обязанность театра входила серьезная работа с начинающим литератором. Работа, проясняющая замысел, освобождающая произведение от заданности и назидательности. Но они остались и в пьесе и в спектакле, где нет, естественно, и глубоких, значительных актерских созданий...

Говоря о снижении в некоторых московских театрах требовательности к репертуару, к творчеству, о появлении пьес, радиус действия которых оказывается чрезвычайно ограниченным, можно было бы, вероятно, обратиться и к ряду других произведений. Но в данном случае особенно остро волнует судьба театрального коллектива, терпящего последние годы одно поражение за другим. Достаточно вспомнить поверхностное прочтение гениальной толстовской драмы «Живой труп» или мольеровского «Мсье де Пурсоньяка» (от автора в спектакле, по собственному признанию театра, «остались лишь рожки да ножки»). Случайны ли эти неудачи? Не пора ли сделать их предметом рассмотрения общественности?..

...Далеко не лучшее было бы впечатление от минувшего сезона, если бы действительно под самый занавес не появились спектакли, где величие души советского человека, с особой силой раскрывшееся в годы войны с фашизмом, нашло достойное художественное воплощение. Это прежде всего «Фронт» А. Корнейчука у вахтанговцев и «В списках не значился» Б. Васильева в Театре имени Ленинского комсомола; «Русские люди» К. Симонова в Малом театре и «Горячий снег» Ю. Бондарева в Театре имени Гоголя; «Альпийская баллада» В. Быкова в Центральном детском и шолоховская «Судьба человека» в Пушкинском...

Казалось, пьеса А. Корнейчука, имевшая огромное воспитательное значение в годы войны, сегодня принадлежит уже истории. Однако и Е. Симонов, постановщик спектакля, и актеры блистательно опровергли это мнение. Родился спектакль не столько о причинах наших временных поражений в начале войны, сколько об истоках нашей Победы, а значит, об истоках и сегодняшнего движения вперед, о народе.

Уже немало написано о великолепном образе уставшего от жизни талантливого полководца Горлова, созданного М. Ульяновым. Но, размышляя об общей концепции спектакля, хочется подчеркнуть и его общую приподнятую атмосферу и природу его воздействия на сегодняшний зрительный зал, связанную с замечательными сценическими образами воинов. Это Огнев (В. Лановой), Мирон (Н. Тимофеев), Сергей (Е. Карельских), Гайдар (В. Этуш), все солдаты переднего края... Вместе они составляют силу, прекрасную в своем душевном благородстве и мужестве, нравственной чистоте.

Именно эти качества свойственны и лейтенанту Плужникову в спектакле «В списках не значился». Молодой актер А. Абдулов создает убедительный образ юноши, неожиданно повстречавшегося с войной. На наших глазах герой мужает, обретает силу идейной убежденности. Порой он ошибается, но всегда остается верным самому духу советского гуманизма. Сила центрального образа в спектакле, поставленном М. Захаровым, в том, что она открывает истоки нашей Победы в самом образе жизни нашего общества, в его нравственных принципах, в сути взаимоотношений между людьми, рожденных советской действительностью.

Успех «Судьбы человека» (режиссер Б. Толмазов) связан прежде всего с образом Андрея Соколова, созданного здесь А. Кочетковым. Образ этот по праву встает в ряд лучших достижений сезона. Актер играет без тени надрыва и сантимента — мужественно, благородно, тщательно прослеживая каждое психологическое движение героя. Вот уж поистине воочию видим мы, как закалялась сталь человеческого характера — и в горниле боев и в тех жестоких мучениях, на которые фашизм обрекал пленных. Правдиво передает А. Кочетков и то, что его герой не очерствел душой в испытаниях, не охладел сердцем. Сцены Соколова с приемышем Ванюшкой пронизаны светом глубочайшей душевности.

Будет справедливо, если, говоря о спектакле «Русские люди» (постановка Б. Равенских), мы все же отметим и использование режиссером приемов, неоднократно употреблявшихся им ранее, и известную выспренность отдельных сценических образов, и неправомерность решения образа предателя Козловского, наделенного вдруг чертами типично русского человека... В целом же спектакль Малого театра обладает большой патриотической силой. Образы Глобы (Р. Филиппов), Старика (И. Любезнов), Панина (А. Локтев), Вали (Н. Титаева) раскрыты поэтически. Защита Родины в дни лихолетья — для этих людей единственный способ сохранить свое человеческое достоинство.

Постановка «Ленушки» Л. Леонова в Драматическом театре на Малой Бронной тоже далеко не бесспорна. Режиссер А. Дунаев и художник Н. Хренникова создали на сцене две перекрещивающиеся между собой дороги. Возникает образ креста, окруженного высоченными свечами (поначалу кажется, что это обгорелые деревья или столбы). В наиболее эмоциональные моменты свечи зажигаются. А когда умирающего танкиста Темникова партизаны приподнимают на досках, мы еще раз вспоминаем о мученическом кресте... Спектаклю, к сожалению, не хватает солнечного луча, человеческой улыбки, птичьих голосов, чтобы герои, да и мы, зрители, вспомнили о жизни, о целях борьбы, о грядущей Победе...

Но как ни оценивать спектакли «Фронт», «Русские люди», «Ленушка»,— совершенно очевидно, что пьесы, написанные более тридцати лет назад, не только не устарели, но ставят и сейчас перед нами большие социальные и нравственные проблемы, отстаивают высшие человеческие ценности. И если говорить откровенно, то, сопоставляя произведения о войне, написанные в последнее время, с лучшими произведениями драматургии военных лет, отчетливо видишь, что новые крупные пьесы о советском человеке-воине в основном еще впереди.

Театр «Современник» создал своеобразную трилогию о войне: «Вечно живые» В. Розова, «Из записок Лопатина» К. Симонова и «Эшелон» М. Рощина. Первая часть трилогии — это обновление старого спектакля новым составом исполнителей; две вторые — работы сегодняшние.

В «повести для театра» К. Симонова, как известно, оживают впечатления и размышления военного корреспондента Лопатина. Критика уже сказала немало добрых слов о спектакле. Упреки можно отнести преимущественно к оформлению Д. Боровского. Все «люди из повести» выезжают на сцену на скрежещущих вагонетках, демонстрируя, видимо, неустроенность быта военных лет... Так герои и ведут все действие на этих вагонетках!

...Эшелон в одноименном спектакле движется из Москвы на восток... Женщины, дети, старики... Кто-то наводит в вагоне порядок, кто-то погружен в воспоминания и горестные раздумья, кто-то не отрывается от книги, а кто-то пьет, угощает других... Больная астмой, старая женщина умирает, а рядом нарождается новая жизнь... Дорога забита составами; вне очереди пропускают лишь поезда с войсками, идущие на запад. Во время стоянки женщины знакомятся с бойцами, завязываются мгновенные связи, но тут же, с первым толчком воинского поезда, распадаются. А потом на эшелон налетают фашистские самолеты. И трудно сказать, останется ли в эшелоне кто-либо в живых...

Эшелон идет медленно, тягуче. Так же вяло развертывается перед нами и жизнь людей. Она лишена смысла, хотя на восток эвакуировался коллектив завода. Эвакуировался с тем, чтобы на новом месте, срочно смонтировав оборудование, начать выпуск продукции, нужной фронту. Спектакль же производит такое впечатление, что эвакуируется не рабочий коллектив, а недружные соседки, толкающиеся на коммунальной кухне. Нравственные выводы, которые предлагают во второй части драматург и театр, не рождены коллизиями пьесы и спектакля, движением характеров и взаимоотношений героев, а декларируются сами по себе, вне зависимости от основного действия пьесы. А ведь уже в самой переброске завода и заводского коллектива на восток был заключен великий смысл, а не безропотное подчинение тяжким обстоятельствам войны. Вот этого, главного смысла пьеса и спектакль не раскрывают.

На сцене «Современника» (режиссер Г. Волчек) спектакль «Эшелон» решен как сегодняшнее чтение пьесы автором. Актеры же, так сказать, пробуют, примеряют роли к себе, ищут атмосферу бытовой достоверности... В постановке Художественного театра (режиссура А. Эфроса) действие в «Эшелоне» разворачивается «само по себе»; трагический финал здесь отсутствует; но зрителей и тут не оставляет ощущение, что люди, выбитые войной из привычного жизненного уклада, все больше увязают в липкой паутине бытовой и душевной неустроенности...

Многие произведения о войне — и давние, как, скажем, «Одна ночь» Б. Горбатова и «Бранденбургские ворота» М. Светлова, «За тех, кто в море!» Б. Лавренева и «Победители» Б. Чирскова, и сегодняшние — «Комендант Берлина» В. Собко, «Павел Пугачев и другие» В. Кожевникова и А. Павловского — остались за пределами московской афиши. В то же время «Эшелон» поставлен одновременно двумя театрами. И невольно, неизбежно задумываешься над тем, какими идейными, воспитательными, эстетическими целями это вызвано.

В связи с постановкой «Эшелона» на сцене МХАТа я позволю себе еще раз вернуться к репертуару этого театра. «Дульсинея Тобосская» Э. Радзинского, «Валентин и Валентина» и «Старый Новый год» М. Рощина,— да неужели же кто-нибудь может всерьез считать эти произведения достойными сцены МХАТа?!

Долгое время театр находился в сложном положении, кто с этим спорит? Но не на таких репертуарных «путях», не на пьесах, лишенных и крупных общественных мыслей и настоящей художественности, следует искать выход... Сила МХАТа всегда состояла в творческих контактах с крупнейшими писателями времени — А. Чеховым, М. Горьким, Л. Толстым, Л. Леоновым, Вс. Ивановым, М. Булгаковым, А. Корнейчуком, Н. Погодиным, В. Катаевым... Почему же почти нет сегодня новых крупных писательских имен на афише Художественного театра?!.

Тема Великой Отечественной войны в искусстве — это и тема наших нынешних дней, нашей ответственности перед народом, перед воинами, отстоявшими свободу и счастье страны. Тема нашей верности идеям, поднимавшим воинов в бой, тема созидания новой действительности и нового человека... К сожалению, спектаклей, которые непосредственно раскрывали бы связь времен, осмысливали громадный исторический путь страны за три десятилетия, мы почти не встретим на сегодняшней афише.

Попыткой поиска в этом направлении является спектакль Театра на Таганке «Пристегните ремни» Г. Бакланова и Ю. Любимова. Но попыткой, скажем сразу, неудачной... Действие пьесы (постановка Ю. Любимова, художник Д. Боровский) развивается в двух временных планах: в годы войны и в наши дни. И персонажи спектакля размещаются в двух салонах самолета: левом и правом. Солдаты летят на войну, а комиссия летит на стройку: проверять дела. Подполковник Прищемихин, самоотверженно, смело действовавший в боевых условиях, таким же остался и нынче, возглавляя крупное строительство. Зато генерал-майор Щербатов, достойно зарекомендовавший себя на фронте, сегодняшний председатель комиссии, действует вопреки интересам дела, руководствуясь соображениями карьеристскими, шкурническими... Почему же?.. Да потому, что, оказывается, на войне проще быть героем, чем порядочным человеком в нынешней, обычной жизни...

Люди, отважные на фронте, сегодня осторожничают, изворачиваются,— они решают и поступают явно в ущерб интересам дела... Никогда еще не составляли хлесткость, стремление ошеломить зрителя фразами (вроде «Наш самолет накренило», «Наш самолет сбился с курса») силу большого искусства. Она — в передаче правды жизни, понимании и истолковании ее с позиций коммунистической партийности.

Наша жизнь — это наша гордость: в ней истоки народного подвига. И рассказывать о ней взволнованно, ярко — долг советского театра, идущего в ногу с жизнью, идущего навстречу XXV съезду КПСС. Театра, стремящегося передать эстафету новых свершений, патриотизма и героики грядущим поколениям.

Владимир ПОПОВ
лауреат Государственной премии

ЭТО НАДО ВИДЕТЬ

Щедра наша земля талантами, и находишь их зачастую там, где и не ждешь. На выставку масок в Переславльском музее я пошел с неохотой, но задержался там надолго. Она ошеломляет; не маски увидел я, а скульптурные портреты. Все они созданы самобытным художником Сергеем Ивановичем Потаповым.

Их много, таких портретов — девяносто семь, и поначалу разбегаются глаза от красочного зрелища. Нужно время, чтобы выбрать, на чем сосредоточиться.

Вот группа гоголевских персонажей — Держиморда, Манилов, Чичиков, Коробочка, Собакевич, Плюшкин. Они не похожи ни на какие другие виденные нами изображения этих литературных героев, но мы легко узнаем их, настолько психологически тонки образы, настолько они выразительны. В другом секторе мир русских народных сказок — русалка, домовой, леший, водяной, баба-яга. Здесь уж воистину неистощима фантазия художника.

Хиппи, вылепленные автором с изрядной дозой злости, возвращают нас к современности. А через несколько шагов — Витязь в тигровой шкуре с красавицей княгиней, и мы погружаемся в царство грузинского эпоса.

В средневековую Испанию нас приводит благородный идальго Дон Кихот со своим верным оруженосцем, в средневековый Париж — Эсмеральда и Квазимодо.

Поразительны глаза портретов. Проницательные, ласковые, злые, грустные, восторженные, мечтательные, они выражают множество самых различных чувств. Я видел, как ежились детишки под испепеляющим взглядом бабы-яги, как расплывались в улыбке лица взрослых, обращенные к лучезарному Лелю.

Большой интерес представляют и барельефы Потапова. Одни выглядят как бронзовые, другие кажутся свинцовыми, у третьих — фактура дерева. Но сделаны они из того же материала, что и портреты-маски,—из раскрашенной бумаги и клея.

Есть в этой многоцветной, яркой коллекции работа, выполненная в одном светло-сером тоне. Около нее задерживаются все посетители. Лица мужчины и женщины на закате лет исполнены нежности и лирической грусти, трогательны своей старческой незащищенностью и взаимным чувством, которое они пронесли через долгую и, видимо, не очень легкую жизнь. Это произведение особенно глубоко раскрывает творческие возможности художника.

А теперь о нем самом. Сергею Ивановичу Потапову недавно исполнилось семьдесят лет. Он из многодетной крестьянской семьи, формально его образование — пять классов средней школы. Всю жизнь любимым его занятием было чтение. Случаю было угодно устроить так, что Сергея Ивановича, когда он уже был на пенсии, попросили сделать маски для школьного вечера. Он занялся этим всерьез — хотел, чтобы его маски даже отдаленно не напоминали те стандартные поделки, которые продаются в магазинах детских игрушек. И они получились отменные — очень разные и очень удачные. С этого все и началось. Для проявления подлинного таланта нужен иногда небольшой толчок. И он был получен. У Потапова вдруг вспыхнуло непреодолимое желание зафиксировать образы, которые при чтении книг являлись его богатому воображению.

Врожденный талант, литературная эрудиция, неистощимая фантазия и потрясающее трудолюбие сделали чудо. Из бумаги, тряпок, пеньки, клея, мишуры и красок были созданы подлинные произведения искусства.

К сожалению, выставка в Переславльском музее временная и дальнейшая судьба экспонатов не определена. Хранить их Потапову негде. Да и грешно хранить в чуланах то, что доставляет людям огромное эстетическое удовольствие. Выставка должна стать постоянной. Для этого ей нужен рачительный хозяин. И сам художник также нуждается в заботе и помощи.

КРОССВОРД

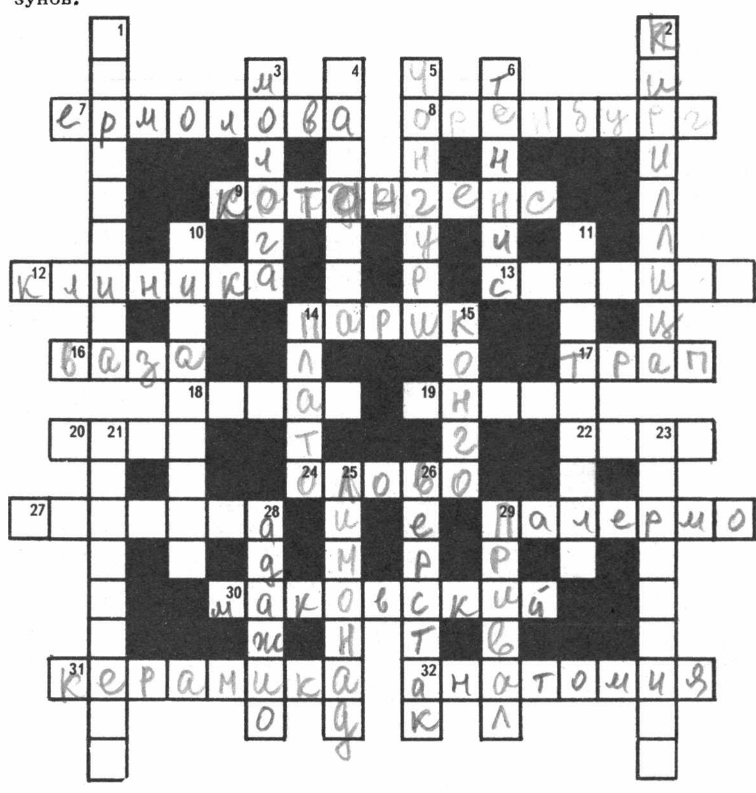
По горизонтали: 7. Великая русская актриса. 8. Областной центр в РСФСР. 9. Тригонометрическая функция. 12. Медицинское учреждение. 13. Лесная певчая птица. 14. Накладные волосы. 16. Сосуд для фруктов, цветов. 17. Лестница на судне. 18. Чешский композитор и педагог. 19. Озеро в Финляндии. 20. Спутник Сатурна. 22. Река на Северном Кавказе. 24. Металл. 27. Советская балерина. 29. Порт в Италии 30. Русский живописец-передвижник. 31. Изделия из глины. 32. Наука о форме и строении живого организма.

По вертикали: 1. Рыба семейства окуневых. 2. Азбука старославянского языка. 3. Приток Вятки. 4. Пьеса А. Н. Толстого. 5. Грузинский народный струнный инструмент. 6. Спортивная игра. 10. Комедия Мольера. 11. Отвесная прямая линия. 14. Возвышенная равнина. 15. Государство в Центральной Африке. 21. Прибор для определения площадей фигур на чертежах, картах. 23. Действующее лицо оперы Ш. Гуно «Фауст». 25. Прохладительный напиток. 26. Рабочий стол с приспособлением для укрепления обрабатываемых предметов. 28. Медленный темп в музыке. 29. Отдых в пути.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали: 4. «Демон». 6. Метеорограф. 8. Ливия. 10. Бандура. 12. Бастион. 14. Фасад. 16. Тенор. 17. Аракс. 18. Тукан. 20. Букса. 22. Стопа. 25. Николаи. 26. Онтарио. 27. Гирло. 28. Репродуктор. 29. Лимон.

По вертикали: 1. Вероника. 2. Роговица. 3. Электрон. 5. «Травиата». 7. Багрицкий. 9. Топология. 11.«Детство». 13. Тоскана. 14. Франс. 15. Дамба. 19. Клайпеда. 21. Канифоль. 23. Тригорин. 24. Ползунов.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: 17 августа — День Воздушного Флота СССР. Десятки миллионов пассажиров перевозит ежегодно «Аэрофлот». Только международный аэропорт Шереметьево, который снят с вертолета, ведомого летчиком-испытателем Г. В. Проваловым, связывает нашу столицу с семьюдесятью странами мира.

Фото Э. Эттингера

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Маски-портреты, созданные С. И. Потаповым. Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 28/VII — 75 г. А 00612. Подп. к печ. 12/VIII — 75 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1995. Тираж 2 070 000 экз. Заказ. № 944.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

В. ВАРЖАПЕТЯН

Фото Е. УМНОВА

ЗАВТРА

Звенит гитара, звучат веселые песни, клоун жонглирует шариками и надкусанной редиской; смеется строгая комиссия. Удивительные экзамены! Но учебное заведение, где они проходят, еще удивительнее — это единственное в мире Государственное училище циркового и эстрадного искусства.

«Этот день словно делит нашу жизнь на две части: еще вчера мы были студентами, завтра будем актерами»,— говорит ведущая Тамара Зельдина. И Тамара и ее товарищи по эстрадной группе (руководитель старший преподаватель А. Крюков) — Ян Якобсонс, Александр Ратай, Михаил Заболотский, Светлана Власова, Галина Семенова — ждали этого дня четыре года. И он настал.

Посреди сцены — узкая белая ширма. Кажется, за нее и боком не спрячешься, но Саша Ратай ухитряется проделывать в крошечном пространстве удивительные метаморфозы, молниеносно превращаясь из маленького, трогательного человека с цветком в громилу-боксера.

Номер называется «Комический бокс». Кажется, продолжается давний, вечный поединок добра и зла, начатый в искусстве пантомимы еще актерами Древней Греции, продолженный Чарли Чаплином и доведенный до совершенства знаменитой работой Марселя Марсо «Давид и Голиаф».

Ратай, конечно, знает родословную своего смешного, грустного героя, любит его и верит в победу человека с цветочком.

— Я люблю искусство пантомимы,— говорит Ратай.— По-моему, она может выразить все чувства современного человека.

Искусство, безусловно, может. Но может ли артист? Поживем — увидим.

А со сцены уже звучат озорные песни Беранже. «Я смеюсь, и я смеюсь за всех»,— говорил поэт. Веселый парень в джинсах, красной рубахе и красном картузе — таков Беранже Яна Якобсонса. Но суть не в одежде: она меняется, а песни остаются. Они словно стая голубей, только что выпорхнувших из чердака, где жил поэт, любивший бедняков и зло осмеявший самодовольных дураков и толстосумов.

В исполнении Яна есть что-то от брехтовских «зонгов». Для студента, сделавшего всего лишь первый шаг к профессиональной сцене, выступление Якобсонса заслуживает высокой оценки.

Наибольшей же, пожалуй, похвалы достоин этюд «Золушка» в исполнении Светланы Власовой и Олега Школьникова.

...Слышен шум большого города. По улице идут девушка и юноша. Встречаются взглядами, замирают и снова расстаются, чтобы встретиться в Золушкином сне. Там удивительная музыка старинных часов и детства — клавесин, скрипка, колокольчик. Там прекрасный принц дарит хрустальные туфельки и бережно несет Золушку на руках. Они счастливы. Они смеются. И кувыркаются. Как шар, катается по сцене принц. А на живом лиловом шаре, словно на картине Пикассо, остро изогнув худенькие руки, балансирует девушка в розовом.

И Олег, окончивший училище пять лет назад, и Светлана, для которой этюд стал дипломной работой, ученики известного режиссера С. Каштеляна, воспитавшего таких признанных мастеров, как Б. Амарантов, А. Чернова, Ю. Медведев, О. Жеромский, О. Беленштейн.

— Каждому педагогу хочется показать на экзаменах оригинальный номер,— рассказывает С. Каштелян.— Это трудно. Еще труднее создать его новыми средствами. Мне кажется, Светлана и Олег, для которых я поставил этюд «Золушка», справились с нелегкой задачей. Почему именно этот сюжет лег в основу номера? Я считал, что нежность, пластичность, хрупкость Светланы наиболее полно могут проявиться в образе современной Золушки. Она очень способная ученица.

— Золушка — это волшебство,— призналась Рина Зеленая.— Это поразительно, как Уланова в «Жизели».

Концерт продолжается, и радость не покидает нас. Удивительная чистота взаимоотношений, искренность, преданность искусству — такова атмосфера, царящая в училище, которое вот уже четверть века возглавляет заслуженный деятель искусств РСФСР Александр Маркиянович Волошин — крестный отец блестящей плеяды артистов цирка и эстрады.

На манеже тренируются жонглеры, в шкафу стоят смешные фигурки из разноцветного пластилина, вылепленные учениками младших курсов. На столе утюг — кто-то гладил платье перед выходом на последний экзамен. Может, Галина Семенова?

Она пела народные песни — английскую «Старушку», немецкую «Я на базаре купила платок», русские частушки. И после каждого выступления зал аплодировал Гале. Потом она выбежала на сцену в смешном костюме «рыжего», и песенка про клоуна Ваню Вилкина, написанная педагогами Г. Грановской и Г. Фармаковским, прозвучала ярко и весело.

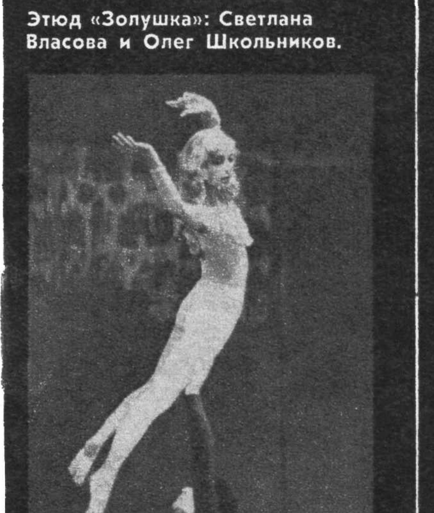
Когда я попросил поделиться впечатлением Льва Борисовича Мирова, он так отозвался о Семеновой: «Безусловно, одаренная, очень талантливая актриса, которая уже нашла свое место в искусстве эстрады».

— Экзамен закончен,— объявляет Тамара Зельдина. Комиссия под председательством народной артистки СССР Ирины Бугримовой уходит на совещание. Я вижу, как волнуются выпускники. Последний экзамен... И каждое движение невидимой стрелки приближает начало их актерской жизни. Пусть она будет счастливой и долгой.

Вера и Ян Якобсонс.

Этюд «Золушка»: Светлана Власова и Олег Школьников.

Михаил Заболотский читает юмористический рассказ.

На манеже — клоун Ваня Вилкин.

Комиссия тоже волнуется.

ШНИЕ АКТЕРЫ

Ведущая Тамара Зельдина.

Саша Ратай в пантомиме «Комический бокс».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663